

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 957 (043.3)

А. Ш. АСРИЕВ

Курганский государственный
университет

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА ОТ 22.06.1909 ГОДА «ОБ УСЛОВНОМ ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ» (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЯ)

Статья посвящена практике применения Закона «Об условном досрочном освобождении» в Курганской уездной тюрьме Тобольской губернии в период с 1909 по 1915 годы и написана на основе использования как архивных, так и опубликованных источников. Научная новизна результатов проведенного исследования заключается в том, что впервые в современной исторической науке предпринята попытка дать анализ эффективности реализации законодательства об условно-досрочном освобождении на уровне конкретного региона.

Одним из важнейших законодательных актов Российской империи, принятых в ходе реализации тюремной реформы второй половина XIX — начала XX в., стал Закон «Об условном досрочном освобождении», одобренный Государственной Думой 22.06.1909 г. По мнению Э. Жевлакова, условное освобождение впервые осуществлено в Англии в 1842 году, когда преступников стали ссылать в Австралию. В начале XX века условно-досрочное освобождение уже было введено в право большинства цивилизованных стран [1]. Не стала исключением в этом плане и Российская империя.

До тюремной реформы, в первой половине XIX века, массовое досрочное освобождение в России не допускалось — прощение или помилование происходило в индивидуальном порядке (на основании отдельных указов императора). И только позднее, во второй половине XIX века, в практику было введено массовое досрочное сокращение сроков заключения Манифестами императора, приуроченными к какому-либо событию в царствующей семье [2].

Но как юридически обоснованная процедура условно-досрочное освобождение впервые было введено только в 1909 году. 22 июня 2007 года Государ-

ственная Дума одобрила закон «Об условном досрочном освобождении». Институт условно-досрочного освобождения мог теперь применяться к заключенным в тюрьме или исправительном арестантском отделении при отбытии 3/4 срока наказания, но не ранее чем через 6 месяцев. Необходимым условием применения условного освобождения являлось активное проявление исправления, выраженное в добро-совестном отношении к труду и соблюдении режима содержания. Не подлежали условно-досрочному освобождению согласно ст. 2 закона осужденные за казнокрадство, подлежащие по окончании тюремного заключения ссылке на поселение, а также лица, «судившиеся под чужим именем» [3]. Таким образом, освободиться условно-досрочно могли даже рецидивисты. Возбуждать вопрос об условно-досрочном освобождении могли различные должностные лица: представители органов прокурорского надзора, начальники мест заключения, члены общественного патроната, тюремные врачи и священники.

Различные авторы приводят противоречивые сведения о реализации этого закона. Так, О. Н. Бортникова и Г. Ф. Лукьяница пишут о том, что применение закона об условном досрочном освобождении должно было сначала осуществляться в Архангельской и Тобольской губерниях, но, по их мнению, «закон оказался «мертворожденным»: документы не зафиксировали ни одного случая его применения в указанных регионах» [4]. Э. Желваков приводит другие сведения. По его данным, «уже в 1910 году в соответствии с новым законом было освобождено от уголовного наказания 12 353 человека, причем более 50 % из них составляли осужденные за кражи и телесные повреждения» [5].

В Южном Зауралье (территория современной Курганской области) закон об условном досрочном освобождении применялся в ходе отбывания заключенными наказания в Курганской тюрьме. Эта тюрьма располагалась в уездном городе Кургане, который в то время относился к Тобольской губернии. Согласно отчетной ведомости начальника Курганской тюрьмы, из 133 арестантов, формально имеющих право на условно-досрочное освобождение, в период с 1909 по 1915 годы было условно-досрочно освобождено 37 арестантов. Из них 16 человек на момент освобождения было приговорено к отдаче в исправительное арестантское отделение (всего же таких арестантов в указанный период в тюрьме содержалось 54 человека), 21 человек из тех, кто освободился, был приговорен к заключению в тюрьме (всего их содержалось 79 человек) [6]. Таким образом, в процентном соотношении между числом лиц, имеющих право на условно-досрочное освобождение, и числом лиц, реализовавших данное право, преобладали арестанты, приговоренные к заключению в тюрьме. При этом наибольшее число условно-досрочно освободившихся пришлось на 1910 и 1912 годы (10 и 14 человек соответственно). После 1912 года в Кургане наметилась тенденция к сокращению числа условно-освободившихся арестантов, которых и раньше, как свидетельствуют вышеизложенные цифры, было не так много. Указанная тенденция была характерна и для других регионов России, что отмечало ГТУ в своем циркуляре от 6 февраля 1916 года за № 12: «число арестантов, досрочно освобождаемых на основании закона 22.06.1909 года, в последнее время значительно сократилось как в общем, так и в процентном отношении». То, что закон об условном досрочном освобождении широко не применялся на практике, возможно, объясняется расплывчатостью критериев, по кото-

рым осужденных можно было освобождать условно, а также недостаточной регламентацией самой процедуры освобождения.

С целью эффективного применения Закона «Об условном досрочном освобождении» на практике в уездных городах создавались так называемые Особые совещания (их полное название — Особые совещания по применению закона об условно-досрочном освобождении). Председателями этих совещаний назначались, как правило, представители судебной власти. Так, в Кургане председателем подобного Особого совещания в августе 1909 года был назначен мировой судья 1-го участка Курганского уезда А. Коротков [8]. Законодательная процедура условно-досрочного освобождения, как уже говорилось, предусматривала вначале возбуждение вопроса об условно-досрочном освобождении заключенных уполномоченными на то должностными лицами. Это выражалось во внесении представления об освобождении «заслуживающих» такой поощрительной меры арестантов на рассмотрение Особого совещания, которое могло одобрить данные представления либо «не уважить» их. Основаниями отказа в удовлетворении представления могли стать формальные основания или «неблагоприятная оценка личности и поведения заключенного». Особое совещание по результатам рассмотрения представления выносило постановление, которое должно было утверждаться Окружным судом. Суд мог также не утвердить постановления совещания по двум из вышеуказанных оснований. Окружной суд выносил свое решение в форме определения.

Определенным пробелом в законодательстве того времени было отсутствие каких-либо четких критериев «неблагоприятной оценки личности и поведения заключенного», что, на взгляд автора, могло привести к необоснованному ущемлению права заключенных на условно-досрочное освобождение. Однако анализ источников говорит о том, что отказов в удовлетворении представлений об условно-досрочном освобождении арестантов либо неутвержденных судом постановлений о таком освобождении было немного. В Кургане из общего числа внесенных представлений (39) не было одобрено Особым совещанием только одно по причине «неблагоприятной оценки личности и поведения заключенного», на которого вносилось представление. Из общего числа вынесенных совещаний постановлений об одобрении представлений (38) Окружным судом не было удовлетворено также только одно постановление, но уже «по формальным основаниям» [9].

Для нас опыт реализации закона об условно-досрочном освобождении важен прежде всего с точки зрения эффективности претворения в жизнь исправительно-воспитательной направленности тюремной реформы в исследуемый период. Количество условно-досрочно освобожденных из мест заключения, их процентное отношение к общему числу имеющих на это формальное право заключенных, а также процент арестантов, освобожденных досрочно, но совершивших после освобождения какое-либо преступление, может свидетельствовать о последовательности либо, наоборот, непродуманности пенитенциарной политики государства, направленной на гуманизацию наказания, исправление осужденных. В целом на территории империи практика показала довольно высокую действенность нововведения: 95 — 97 % случаев применения условно-досрочного освобождения были успешными, т. е. преступный рецидив у большинства условно-досрочно освобожденных в дореволюционной России не наблюдался [10]. Сегодня же подавляю-

щее большинство условно осужденных лиц в период испытательного срока, как правило, совершают какие-либо преступления.

Что же касается Южного Зауралья, то в документах отсутствуют сведения о количестве арестантов, освобожденных по закону 1909 года условно-досрочно, но оказавшихся затем вновь в местах заключения за совершенные преступные деяния. Однако можно предположить, что процентное соотношение таких «оступившихся» арестантов к общему числу условно-досрочно освобожденных на территории Южного Зауралья в дореволюционный период не сильно отличалось от аналогичного показателя применительно ко всей Российской империи.

Подводя итог, нужно отметить, что только 37 % от общего числа имеющих формальное право на условно-досрочное освобождение арестантов было освобождено этим порядком из Курганской тюрьмы в 1909—1915 годах. В условиях острой нехватки тюремных помещений для содержания заключенных, большинство из которых отбывало срок за преступления небольшой или средней тяжести, более широкое применение Закона «Об условном досрочном освобождении» могло в какой-то мере помочь решить проблему переполненности тюрьмы. Но ряд причин — нечеткая формулировка критериев, по которым осужденных можно было освобождать условно, недостаточная регламентация самой процедуры освобождения — не позволили этого сделать.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что впервые в современной исторической науке проведен анализ эффективности реализации законодательства об условно-досрочном освобождении на уровне конкретного региона — Курганского уезда Тобольской губернии, а также показан порядок проведения процедуры условно-досрочного освобождения. Результаты исследования могут быть использованы для теоретических разработок проблем истории пенитенциарной системы России и Юж-

ного Зауралья, а также для чтения лекций, спецкурсов по истории Отечества и Южного Зауралья в вузах России, Курганской области. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы для написания различных учебных пособий по вышеперечисленным дисциплинам.

Библиографический список

1. Жевлаков Э. Условная свобода / Э. Жевлаков // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 17.
2. Подробно о сокращении сроков наказания посредством Манифестов на территории Сибири, см.: Бортникова О.Н., Лукьяница Г.Ф. Амнистия в Западной Сибири (исторический аспект) / О.Н. Бортникова, Г.Ф. Лукьяница // Проблемы истории Сибири: Сборник научных трудов, посвященных 80-летию профессора Ю.П. Прибыльского. — Тобольск, 2006. — С. 129—131.
3. Государственный архив Курганской области (далее — ГАКО). Ф. И-253. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.
4. Бортникова О.Н., Лукьяница Г.Ф. Амнистия в Западной Сибири (исторический аспект) / О.Н. Бортникова, Г.Ф. Лукьяница // Проблемы истории Сибири: сборник научных трудов, посвященных 80-летию профессора Ю.П. Прибыльского. — С. 130—131.
5. Жевлаков Э. Условная свобода / Э. Жевлаков // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 17.
6. ГАКО. Ф. И - 253. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.
7. ГАКО. Ф. И - 253. Оп. 1. Д. 24. Л. 42.
8. ГАКО. Ф. И - 253. Оп. 1. Д. 6. Л. 64.
9. ГАКО. Ф. И - 253. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.
10. См.: Жевлаков Э. Условная свобода / Э. Жевлаков // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 17.

АСРИЕВ Асхат Шайгалиевич, аспирант кафедры историографии, методологии и теории истории.

Статья поступила в редакцию 30.06.2007 г.

© А. Ш. Асриев

Книжная полка

История и культура Отечества [Текст] : учеб. пособие для техн. вузов / В. В. Гуляева [и др.] ; под ред. В. В. Гуляевой. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Трикта : Акад. Проект, 2007. — 749, [1] с. : ил. — (Gaudeamus). — Библиогр.: с. 738-743. — ISBN 5-8291-0784-8. — ISBN 5-902358-97-3.

Пособие разработано в соответствии с Гос. стандартом высшего профессионального образования РФ. В нем освещается история России с древнейших времен до наших дней. Авторы достаточно полно рассматривают различные стороны жизни общества, обращая особое внимание на ключевые моменты каждой эпохи. Особое внимание уделено этапам развития экономики, предпринимательства и проведения социально-экономических реформ.

Пособие предназначено, прежде всего, для студентов, но оно будет интересно и широкому кругу любителей истории.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЕЧАТНЫМИ СМИ В ХОДЕ ДУМСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ 1999 Г. В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В материале проведен анализ влияния печатных изданий на результаты выборов по пропорциональной системе на территории Омской области.

Характеризуя развитие политических сил на территории области накануне избирательной компании, исследователи констатировали, что:

- организацию, способную вести политическую деятельность, сумела сохранить только КПРФ;
- структуры партий и движений правой оппозиции: «Яблоко», РПРФ, «Правое дело» находились в состоянии организационного развала;
- в состоянии организационного развала находилась региональная организация ЛДПР;
- так называемые правые националисты (КРО, РОД, движения, связанные с генералом А. Лебедем) активно обыгрывающие патриотические и державные идеи, в 1995 году окончательно подпали под контроль региональных властей и использовались последними для критики левых сил;
- на особое место в политическом спектре региона претендовал РОС. Его лидер, омич С. Бабурин, активно критикуя КПРФ, не шел на контакты с региональной властью. Организационных структур движения не имело;
- НДР, состоящее из чиновников государственного и муниципального аппарата, резко теряло свои позиции в связи с деятельностью по созданию новых политических организаций провластной ориентации;
- в политической палитре региона появилось «Отечество — вся Россия», что не могло не привлечь внимание регионального руководства;
- не были созданы в области структуры нового движения «Единства».

Вышеперечисленное означало, что завершающая фаза партийного строительства придется на начало избирательной компании. Как следствие, ролью СМИ станет создание представлений о наличии в регионе тех или иных партий и последующей характеристики деятельности их представителей.

Фаворитом в положительном освещении программных положений и предстоящей деятельности в случае победы на выборах стал блок «Единство». По данным газеты «Намедни», в воскресенье, 3 октября, в Москве прошел его объединительный съезд. «Любопытно, что это движение вызвало большие пересуды и кривотолки, — писала газета. Как ни странно, громче всех о «Единстве» заговорили как раз те, кому в политической конфигурации «левые — центр — правые» ближе именно положение нового блока — центр.

С раздражением о «Единстве» высказался и ряд губернаторов, входящих во «Всю Россию» и НДР. Но более других обеспокоилась московская элита, привыкшая главенствовать в Думе. «Единство» полностью ориентировано на регионы, но ни один из губернаторов-основателей не собирается идти в Думу. По мнению автора материала, «Единство» способно потеснить соседей по политическому центру — ОВР и НДР, взять часть голосов у «Яблока» и даже у коммунистов и правых сил. Потому-то так волнуется столичная элита, не желающая делиться с регионами теплыми думскими креслами, поэтому и морщатся олигархи, привыкшие оптом покупать голоса депутатов, поэтому настораживается криминальный мир, огнем и мечом пробивающийся во власть. А все вместе — это признак того, что «Единство» имеет на предстоящих выборах неплохую перспективу» [1]. Как писал один из журналистов газеты «Вечерний Омск»: «В скором времени омичи, возможно смогут увидеть легендарного министра МЧС С. Шойгу. В ближайшие дни он отправится в командировку по Сибири и Дальнему Востоку, с целью проверки готовности регионов к встрече зимы. Для С. Шойгу это поручение будет полезным еще и по другой причине: в канун выборов нет лучшей рекламы для возглавляемого им «Единства», чем личное общение с будущими избирателями» [2].

Имели место и отрицательные характеристики партии, данные ей журналистами таких газет, как «Четверг», «Зеркало плюс», «Ваш Ореол» и «МК» в Омске». Большой материал о движении с подробным анализом предвыборного списка «Единства» был опубликован газетой «Четверг» от 16 ноября. В завершение материала анонимный автор заметил: «...чем дальше, тем меньше сомнений, что на блоке «Единство» смело можно ставить лейбл «Сделано в Кремле». Мнение было поддержано газетой «Зеркало плюс» [3].

Героем публикаций становится глава партии С. Шойгу. «Первую неделю ноября министр МЧС провел в поездках по Северному Кавказу, а сейчас решает проблемы переселенцев из Чечни в Ставрополье. Опыт, приобретенный в «горячих точках» России, он готов применить в мировом масштабе. С. Шойгу встретился со Строубом Тэлботом по вопросу создания международного агентства по ЧС. По этой же проблеме он выступит на Ассамблее ООН в середине

ноября, — пишет газета «Намедни» от 10 ноября 1999 года [4]. А между тем министр МЧС продолжает отвечать на вопросы, заданные ему по электронной почте, дает интервью о кавказской войне, проблемах борьбы с терроризмом, о беженцах и вынужденных переселенцах. Газеты продолжают освещать деятельность министра МЧС. На завершающей фазе выборов «Вечерний Омск» сообщает потенциальным избирателям, что глава МСЧ С. Шойгу отправился в отпуск для руководства избирательной компанией «Единства» [5]. Между тем «Неделя» публикует своеобразные размышления на тему «Кто останется «на хозяйстве?»». В материале негативная характеристика всех партий, кроме «Единства» [6]. Информационное поле региона дополняют публикации газет «Омская правда», «Неделя», «Четверг» и «Новое обозрение», доведших до избирателя заявление премьера В. Путина, в котором он «как гражданин» говорит о поддержке «Единства».

«Неделя» со ссылкой на «высокопоставленный источник в аппарате Совета Федерации сообщила, что центральный штаб избирательного блока «Единство» достиг договоренности с поддерживающими блок губернаторами об оказании ими помощи КПРФ на парламентских выборах» [7]. Новость более чем интересная, способная дезориентировать часть функционеров КПРФ и внести сумятицу в ряды её электората.

Таким образом, продвижение «Единства» в Государственную Думу было поддержано наибольшим количеством публикаций в печатных СМИ региона — 82: 59 носили информационно-рекламный характер, 13 — положительный и 10 — отрицательный.

Освещение предвыборной гонки КПРФ начинается с информации газеты «Намедни» от 13 октября 1999 года. Автор заметки обращает внимание читателя на то, что популярные оппозиционеры вынуждены либо вступать в КПРФ, либо «гасятся» ее структурами. Таким образом, по мнению газеты, уничтожается народно-патриотическое движение. В адрес А. Кравца и О. Смолина звучит упрек, что место в Думе они получают по партспискам. Что касается В. Дорохина, то, по мнению газеты, в случае проигрыша последний, останется депутатом ЗСОО, а в случае победы сделает карьеру, оставив коммунистическую фракцию ЗСОО без одного из депутатов. Таким образом, читателя подводят к мысли о том, что голосовать за этих людей нецелесообразно. Автор публикации поддерживает Бабурина против Кравца, Никифорова против Смолина, и делается это для размыва левого электората [8].

Вышеупомянутая газета продолжает отрицательную оценку партии и в номере от 10 ноября 1999 года описывает состоявшийся 7 ноября митинг. Газета рассказывает, что выступили кандидаты в Думу, выдвинутые омским обкомом КПРФ, — А. Кравец, О. Смолин, В. Дорохин, некоторые депутаты ЗСОО и горсовета от КПРФ. Автор информации не забыл отметить и то, что «Дорохин вот совсем недавно перестал являться на митинги в норковой кепке, этом воспетом фольклором атрибуте новорусской «крутизны». Далее, продолжая «ронять рейтинг» партии, автор описывает «со своей колокольни» видение им подоплеки митинга. Он верно подмечает: «Может, конечно, это и не мое дело — что-то советовать «товарищам», но не может удержаться, и... — но, с другой стороны, простой обыватель, который и решает исход выборов, смотрит на это и думает, что выбор у него, оказывается, невелик — или вороватые «олигархи», или возвращение «прелестей», подобных только что увиденным». Подхватывает негативный материал «Кри-

минал экспресс», в своем материале «Красный день календаря».

Критику в адрес КПРФ поддерживает газета «Время» от 10 — 16 ноября 1999 года: в лице автора (Ю. Перминов) излагает ход последней пресс-конференции омских представителей избирательного объединения «КПРФ» (А. Кравец, О. Смолин, В. Дорохин). По мнению автора, «именно г-н Кравец делает все для того, чтобы в Думу прошел какой-нибудь Веретено» [9].

Газета «Неделя» публикует в защиту КПРФ альтернативное видение митинга 7 ноября, проведенного оппозицией [10].

КПРФ не сбавляет темп предвыборной агитации и как следствие — на страницах «Вашего Ореола» от 10 — 16 ноября 1999 года появляется её заявление о том, что партия хочет получить в Госдуме на ближайших парламентских выборах контрольный пакет акций вместе со своими союзниками по «левопатриотической коалиции». «Об этом, — пишет газета, — заявил на прошлой неделе секретарь обкома и ЦК компартии А. Кравец. По его мнению, даже без союзников коммунисты могли бы спокойно рассчитывать на 30 % мест в парламенте, «партия всегда исповедовала объединение всех патриотических сил», а потому из 18 мест в общепартийном списке компартии 11 мест решено отдать беспартийным сторонникам. Но, как уточняет автор материала, «в региональных списках... более заметен партийный акцент» [11].

«Зеркало плюс» публикует материал безымянного автора, который, в свою очередь, указывает на снижение рейтинга Г. Зюганова и предрекает, что «ожидаемая декабрьская победа коммунистов может обернуться июльским поражением». Основываясь на данных социологических опросов, автор пытается объяснить читателям, что, «критикуя Ельцина, Зюганов прочно связывает себя (в общественном мнении) с кремлевским старцем, от которого россияне устали. И потому «хотели бы доверить руководство страной «не засвеченному» ни в прошлой президентской кампании, ни в повседневной политической борьбе, яркому и мудрому человеку. Автор материала советует коммунистам «не агитировать, как прежде, россиян за кандидата народно-патриотических сил, а поддерживать на выборах близкого коммунистам по убеждениям и духу человека, и этот человек Е. М. Примаков». Продолжается информационная поддержка КПРФ газетами «Новое обозрение» и «Омское время» [12].

Газета «Омская правда» от 19 ноября 1999 года публикует письмо за подписью потомственной омички, пенсионерки, в котором она обращает внимание читателей на бездейственность партии, городской администрации и депутатов — коммунистов всех уровней. Однако «Омское время» от 26 ноября, поддерживает рейтинг КПРФ в глазах избирателей, публикуя 3 материала в её поддержку. Также, по информации газеты «Ваш Ореол» от 1 — 7 декабря 1999 года, наиболее подготовленной к выборам в финансовом плане является КПРФ — избирательный фонд 30 млн руб. В пресс-центре КПРФ наличие столь солидной суммы объясняют тем, что люди несут им последнее — лишь бы поддержать народных заступников на выборах [13].

КПРФ получила всего 24 публикации в региональной прессе: 20 публикаций носили информационный характер, а 4 — отрицательный. Однако у областной партийной организации имелось собственное издание, газета «Красный путь» на протяжении всей избирательной кампании ведущая пропаганду за партсписок КПРФ, её кандидатов и отражающая критику слева.

По данным газеты «Воскресение» от 27 октября — 3 ноября 1999 года после отказа ЦИК РФ в регистра-

ции ЛДПР скандальный лидер «либеральных демократов» В. Жириновский времени на раздумья не терял. И поразительно быстро, словно этот вариант был уже ранее им подготовлен на случай провала, нашел выход из положения. На съезде никому практически не известной партии «Духовное возрождение России» и конференции такого же глубоко «законспирированного» Российского союза свободной молодежи было принято решение о создании избирательного «Блока Жириновского» [14].

Либерально-демократическая партия России в Омском регионе в предвыборной гонке 1999 года получила лишь 4 публикации в региональных печатных СМИ: 3 публикации носили информационно-рекламный характер и 1 — отрицательный.

Большой материал рекламного характера на В. С. Черномырдина (НДР) опубликовала газета «Омская правда» от 8 октября 1999 года. Помимо всех достоинств В. С. Черномырдина был отмечен и тот факт, что во время визита в США ему было присуждено почетное звание профессора одного из университетов, а его именем назван Центр российско-американских экономических исследований [15]. И это во время умеренно проповедуемого российскими СМИ «цивилизованного национализма» и антиамериканизма.

По факту же предвыборной гонки НДР имела 22 публикации в региональных газетах, только одна из которых носит отрицательный характер.

Публикации об ОВР начала газета «Воскресение». Объемная статья, опубликованная 27 октября, отражала политический дрейф омского губернатора от ОВР к «Единству». Как следствие, критика Лужкова и Примакова [16].

Не собираясь сдавать позиции, омские представители ОВР заявили о создании молодежной организации. Так как конференция проходила в день рождения Е. Примакова, новое молодежное объединение отправило поздравление лидеру блока. Организация получила название «Молодежь за Отечество». Был утвержден проект устава, выбраны руководящие органы. Об этом сообщили сразу две газеты — «Омский вестник» от 2 ноября и «Новое обозрение» от 3 ноября 1999 года.

«Воскресение» между тем продолжило критику ОВР и опубликовало материал по «Отечеству», включив в него факты позволяющие скомпрометировать движение с таким звучным названием и в тоже время дающие основание считать, что это политическое объединение раздражает региональную власть. По информации газеты «Намедни», в Омске побывал руководитель избирательного штаба объединения ОВР Г. Боос, в свое время возглавлявший в правительстве Е. Примакова министерство по налогам и сборам. Он встретился со студентами, промышленниками и предпринимателями, дал наставления активистам местного отделения «Отечества» и ответил на вопросы журналистов. Автор материала отмечал, что омские активисты движения и Г. Боос расстались вполне довольные друг другом и предположил, что хорошая работа омичей не останется незамеченной и в Омск нагрянут первые лица из федерального списка «ОВРага» [17].

Ряд отрицательных публикаций по отношению к ОВР продолжил «Ваш Ореол». Он критиковал лидеров предвыборного блока «Отечество — вся Россия», пытавшихся в погоне за дополнительными голосами представить ОВР самым несчастным и гонимым властями [18].

По материалам газет «Неделя», «Новое обозрение», «Омский вестник» и «Вечерний Омск» 21 ноября

в Омск прибыл А. Вольский, президент Российского союза предпринимателей и промышленников, крупный хозяйственник, один из лидеров «ОВР». Программа визита А. Вольского была весьма насыщена: встреча с губернатором, с членами правления Омской региональной ассоциации промышленников и предпринимателей, с избирателями в ДК «Рубин», пресс-конференции, брифинги [19].

«Вечерний Омск» положительно отзывался о деятельности и программах Примакова и Зюганова. С его точки зрения, блок КПРФ — «ОВР» является перспективным политическим образованием. Единственное, что вызывает беспокойство автора, это возможность кремлевского центра, используя тактику «разделяй и властвуй», помешать складыванию союза. Точка зрения более чем интересная, с учетом последующего блокирования депутатских фракций «ОВР» и «Единства». По всей видимости, автора статьи интересовали голоса слева, но для «ОВР».

Из 44 публикаций региональных газет об «ОВР»: 35 носили информационно-рекламный характер, 5 — отрицательный и 4 — положительный.

Предвыборная деятельность «Яблока» началась с предложения бюджета, который в Минфине поспешили назвать «предвыборным ходом». Через две недели в предвыборном штабе омского «Яблока» сообщили, что в пятницу в Омск прилетит лидер «яблочников» Г. Явлинский. Визит лидера «Яблока» в Омске начался с «неприятностей»: оказались расторгнутыми договоренности с руководством ОмГТУ о проведении встречи со студентами. Программа его пребывания в Омске началась со встречи с Л. Полежаевым и председателем ЗСО В. Варнавским. Далее Г. Явлинский принял участие в заседании АСДГ, мимоходом посетил магазин «Яблонька», где приобрел зеленых яблок и получил вместо традиционного «хлеба с солью» яблочный пирог, встретился с общественностью в РЦСО, побывал в горсовете и дал пресс-конференцию журналистам. Такую информацию представили читателю газеты «Вечерний Омск», «Неделя», «Зеркало плюс» [20].

Большой материал с фотографиями по визиту в Омск лидера движения «Яблоко» Г. Явлинского был опубликован газетой «Время» от 3 — 9 ноября. Не без лукавства автор материала представил такой «жареный факт»: «А вот личность товарища Кравца, похоже, начинает превращаться в «ходячий» политический анекдот. То Жириновский удивляется, то Рыжков младший, то вот сейчас уже и Явлинский... «Я не знаю Кравца, я даже не знаю, как он выглядит. Может быть, он есть в Думе, но я этого не видел». Возникает вопрос о странной забывчивости или отсутствии памяти у Г. Явлинского, «забывшего» отсударивать несколько тысяч долларов, или «неучтенный» джип И. Хакамады, но тем не менее... Хотя многие соискатели депутатского мандата на такой забывчивости «погорели», например, кандидат по избирательному списку РОСа А. А. Зиновьев. В целом заметка направлена как против Явлинского, чьи высказывания подвергаются сомнению, так и против Кравца, которого очередной раз «секут» используя фразу «яблочного» лидера [21].

Аналогичный, только положительный материал о визите в наш город Г. Явлинского преподнесло «Зеркало плюс» от 3 ноября. Автор материала, освещая визит лидера «Яблока» в наш город упоминает, что «политик местного масштаба, бывший член фракции КПРФ в ЗСОМ. Машкарин, ныне поддерживающий губернатора, задал свой вопрос о роли лидера омских коммунистов в Думе А. Кравца, чтобы досадить быв-

шим товарищам по компартии. И попал в точку. Явлинский сказал, что никогда не слышал о таком депутате и идеологе, как А. Кравец, не помнит его в Думе». И далее «дифирамбы» в адрес Явлинского [22].

«Яблоко» по результатам избирательной кампании имело 27 публикаций в омских печатных СМИ — 2 отрицательных и 2 положительных, остальные носили информационный характер.

Продвижение РОСа началось с публикации в газете «Время» от 17 — 23 ноября 1999 года материала рекламного характера о совместном концерте ВИА «Лейся, песня!», Олега Макина, Александра Шаганова. Перед началом концерта выступавшие поведали потенциальным избирателям, что будут поддерживать РОС и С. Бабурина на выборах [23]. Далее РОС опубликовал список кандидатов в депутаты — 18 фамилий, обращение к патриотам Отечества, с просьбой отдать голоса в свою поддержку, 10 пунктов программы, с которой идет на выборы. Все дальнейшие информационные публикации положительного характера имели место на страницах партийной газеты «Время» в предвыборный период.

В целом РОС С. Бабурина получил 35 публикаций в региональных газетах. Но только 2 публикации имели положительный характер.

Состоявшиеся 19 декабря 1999 года выборы в Государственную Думу показали, что пятипроцентный барьер по Омской области перешагнули 6 политических партий и объединений:

— КПРФ заручилась поддержкой 28,56 % избирателей, чем во многом была обязана журналистам «Красного пути» и активистам, работавшим на местах;

— «Единство» получило 21,56 % голосов избирателей благодаря СМИ. Относительно низкий в сравнении с общероссийским процент голосов отданных за движение в регионе связан с нечеткой линией поддержки движения местной исполнительной властью;

— «Яблоко» — 8,65% голосов избирателей был во многом связаны с поддержкой партии городскими газетами;

— СПС — 8,33 % голосов избирателей — следствие отчаянной агитационной компании в центральных СМИ и заявленной поддержки со стороны премьер-министра В. Путина;

— Блок Жириновского — 7,54 % голосов избирателей — следствие «популярности» В. Жириновского;

— «ОВР» — 7,16 % голосов избирателей как результат почти годичной агитации за неё СМИ и личному рейтингу Е. Примакова.

Анализируя влияние СМИ в избирательной кампании, проводимой по пропорциональному принципу, необходимо отметить, что именно СМИ создали в представлении избирателя политическое поле, на

котором действовало «Единство», движение на момент выборов, не имеющее каких-либо региональных организаций.

Победа на парламентских выборах в регионе КПРФ была обусловлена:

— раздробленностью правых сил («Яблоко», СПС, «Единство», ОВР);

— критикой «Единства» не только в левой, но и в городской и «свободной» печати;

— наличием на предвыборной дистанции трёх претендентов на статус «партии власти» (НДР, ОВР, «Единства»).

Естественно, промахи и недочёты в планировании избирательной кампании представителями правящей экономической и политической элиты были подвергнуты анализу и учтены впоследствии.

Библиографический список

1. Намедни. — 1999. — 6 октября.
2. Вечерний Омск. — 1999. — 30 октября.
3. Четверг. — 1999. — 16 ноября. Зеркало плюс. — 1999. — 17 ноября.
4. Намедни. — 1999. — 10 ноября.
5. Вечерний Омск. — 1999. — 24 ноября.
6. Неделя. — 1999. — 23 ноября.
7. Неделя. — 1999. — 30 ноября.
8. Намедни. — 1999. — 13 октября.
9. Время. — 1999. — 10-16 ноября.
10. Неделя. — 1999. — 10 ноября.
11. Ваш Ореол. — 1999. — 10—16 ноября.
12. Зеркало плюс. — 1999. — 10 ноября; Омское время. — 1999. — 19 ноября.
13. Ваш Ореол. — 1999. — 1—7 декабря.
14. Воскресение. — 1999. — 27 октября — 3 ноября.
15. Омская правда. — 1999. — 8 октября.
16. Воскресение. — 1999. — 27 октября.
17. Намедни. — 1999. — 10 ноября.
18. Ваш Ореол. — 1999. — 10—16 ноября.
19. Неделя. — 1999. — 23 ноября.
20. Ваш Ореол. — 1999. — 27 октября — 2 ноября; Вечерний Омск. — 1999. — 30 октября; Неделя. — 1999. — 2 ноября; Зеркало плюс. — 1999. — 3 ноября.
21. Время. — 1999. — 3—9 ноября.
22. Зеркало плюс. — 1999. — 3 ноября.
23. Время. — 1999. — 17—23 ноября.

НОВИКОВ Валентин Сергеевич, ассистент кафедры истории и регионального развития Омского государственного аграрного университета, аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета.

Статья поступила в редакцию 01.04.08 г.

© В. С. Новиков

РАЗВИТИЕ СЕТИ И ФИНАНСИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СКЛАДОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

На основании проведенного исследования можно сказать, что развитие сети сельскохозяйственных складов Переселенческого управления и их финансирование происходило в соответствии с развитием аграрной политики царизма. Эти факты определяли роль сельскохозяйственных складов в политике царского правительства как инструмента в аграрном освоении Сибири и Дальнего Востока.

Актуальность темы объясняется тем, что аграрный вопрос играет значительную роль в настоящее время. Попытки современного правительства поднять на ноги агропромышленный комплекс страны пока не увенчались яркими победами и подвигами, а также возросшие миграционные процессы на постсоветском пространстве делают значимым изучение вопросов колонизации окраин Российской империи в конце XIX — XX вв. В связи с этим знание аграрной истории страны может помочь в решении практических задач современного состояния агропромышленного комплекса и вопросов миграции.

Специальных работ по этому вопросу нет. В обширной отечественной историографии даются лишь отдельные оценки роли сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в работах Л. Ф. Склярова, С. М. Дубровского, Л. М. Горюшкина, И. А. Асаланова, В. Г. Тюкавкина, Л. Б. Ус, Д. Я. Резун, М. В. Шиловского, Д. М. Кузнецова. В. Г. Тюкавкин писал о необходимости изучения деятельности сельскохозяйственных складов. Наиболее полное освещение этого вопроса дано в работе Д. М. Кузнецова [1]. В работах Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского рассматриваются вопросы культурного освоения Сибири (авторы опираются на теорию фронта) в конце XIX — начале XX вв. [2].

Источники для изучения вопроса многообразны. Их можно классифицировать на группы в зависимости от характера: законодательные, делопроизводственные, статистические материалы, периодическая печать.

Однако наиболее ценными источниками освещающими заявленную тему являются материалы делопроизводственного характера, хранящиеся в фондах государственного архива Омской области (ГАОО), важное место в которых занимают отчеты. В ГАОО сосредоточены документы по деятельности сельхозскладов на территории всей Сибири — это Фонд 78 «Главная контора сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Омске 1900 — 1919 гг.». Центральное место в массиве документов данного фонда занимают сводные годовые отчеты, составленные директором сельскохозяйственных складов и главным бухгалтером. По своей структуре отчеты состоят из объяснительной записки к отчету и цифровых данных бухгалтерского типа. При формировании отчетов использована единая схема построения, что

облегчает исследование, делает возможным сопоставить результаты на протяжении ряда лет. В этих документах содержится важная информация о природно-климатических условиях каждого года, численности складов и их местонахождении, оборотных средствах, о конкуренции с частными фирмами, о покупке и продаже сельхозскладами машин, орудий, инвентаря и семян, о кредитной политике складов. Отчеты за все годы деятельности сельхозскладов опубликованы в г. Омске и имеют очень высокую степень репрезентативности по рассматриваемой проблеме. Фонд 78 располагает большим количеством разновидностей делопроизводственной документации, позволяющей всесторонне рассмотреть заявленную проблему: циркуляры, распоряжения и инструкции по различным отделам Переселенческого управления, отчеты различных структурных подразделений Переселенческого управления, переписка об открытии сельхозскладов и их отделений, постановления Главной конторы, деловая переписка, ведомости цен и др.

Немаловажным делопроизводственным источником, характеризующим финансирование складов, являются «Сметы специальных средств Переселенческого управления», которые публиковались с 1906 г. Структура сметы состоит из наименований специальных средств, прихода и расхода сельхозскладов, наименований проданных товаров, расходов по содержанию администрации складов. В последние годы существования складов в сметах публиковались объяснительные записки, которые дополняют отчеты.

Указанный комплекс источников позволяет дать анализ вопросов, связанных со становлением сети сельскохозяйственных складов и финансированием данного государственного предприятия.

Новизна статьи заключается в том, что впервые предпринимается попытка анализа вопросов, связанных с финансированием государственного предприятия, отвечающего за столь щепетильный вопрос рубежа XIX — XX вв., а также предоставляется возможность проследить характерные черты становления сети сельскохозяйственных складов Переселенческого управления. Практическая значимость статьи видится в предоставлении дополнительного материала по изучению вопросов связанных с аграрным развитием Российской империи в конце XIX — начале XX вв.

Обороты и чистая прибыль сельхозскладов за 1895–1908 гг. (в тыс. руб.)

Таблица 1

Годы	Обороты		Чистая прибыль	
	Всего	В среднем в год	Всего	В среднем в год
1895–1899	1036	207	–57	–11
1900–1904	5996	1199	434	87
1905–1908	19525	3905	1508	302

Примечание: сост. по ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

Цель статьи заключается в попытке показать наиболее значимые факторы развития и деятельности сельскохозяйственных складов Переселенческого управления.

С развитием переселенческого движения росла сеть сельскохозяйственных складов. Для столь масштабного мероприятия, как помощь государству в колонизации Сибири, сельхозсклады не обладали огромными средствами, поэтому их деятельность развивалась не всегда параллельно со спросом, складывавшимся на различные машины и орудия. Зачастую деятельность сельскохозяйственных складов ограничивалась именно средствами, отпущенными на их функционирование. Увеличение средств осуществлялось лишь благодаря прибылям от торговых оборотов складов. Также условием засчет, которых складам удавалось удерживать свое предприятие на плаву, была комиссионная деятельность, которая ежегодно расширялась. Данный вид деятельности заключался в приобретении в частных фирмах машин и орудий на более льготных условиях, а также в пользовании кредитом или рассрочкой от частных предприятий на время распродажи товара. Вследствие вышеуказанного сельскохозяйственные склады встали на твердую экономическую почву несразу.

В начале 90-х г. XIX в. организуются склады сельскохозяйственных машин в селе Еланском Тюкалинского округа (1894 г.), в Ялуторовске (1895 г.) и других. Одним из первых открылся склад на средства Петербургского общества вспомоществования переселенцам. В октябре 1895 г. начал действовать склад в Кургане, возникший на пожертвования местных предпринимателей Смолина и Поклевского и долго не получавший ни копейки из казны. Следует отметить, что до 1898 года в Сибири объединяющего деятельность складов органа, несоответствие размеров оборотов имевшимся в распоряжении складов средств, недостаточность опыта ведения подобной работы и другие неблагоприятные условия привели к тому, что коммерческая деятельность складов к 1 марта 1898 года была сведена с дефицитом в 16 400 руб. Затем создаются склады Переселенческого управления. И уже в 1898 году в Сибири имелось 18 казенных складов, в 1900 году число их выросло до 32. Следующие два года, вследствие объединения складов, дали прибыль, которая позволила упразднить со счетов складов все неблагоприятные долги и сократить дефицит прежних лет. В итоге отчет по складам к 1 января 1901 года был сведен с убытком лишь в 12 836,77 руб., а весь год удалось закончить с чистой прибылью в 30 214 руб. [3].

Начиная же с 1907 года и по 1910 год на территории азиатской части страны формировалась разветвленная сеть учреждений по продаже сельскохозяйственных машин. Общая численность данного предприятия на территории Сибири за этот период выросла с 63 до 113 единиц [4] с суммарным оборотом капиталов 19 525 000. Резкий рост казенных сельскохозяйствен-

ных складов связан прежде всего с большим потоком переселенцев из европейской части страны (табл. 1).

После 1910 года наблюдался резкий рост количества сельхозскладов. Он был связан с массовым возвратом переселенцев на территорию Европейской части страны. Большим количеством вновь созданных складов и их отделений правительство намеревалось окружить переселенца сетью вспомогательных предприятий, которые помогали бы ему быстрее обосноваться на новом месте, тем самым оставить переселенца на новом месте водворения. Накануне I мировой войны сеть казенных сельскохозяйственных складов охватывала всю Сибирь и Дальний Восток и насчитывала 326 переселенческих складов и отделений [5], а также на территории Сибири присутствовало 330 кредитных товариществ-посредников по сбыту товаров и 600 торговых пунктов монополистических объединений и фирм (табл. 2). Указанные склады развили за промежуток с 1911 по 1914 год свой оборот с 19 525 000 руб. до 30 776 062 руб. [6]. При этом годовой оборот складов достигал 33% общего оборота торговых земледельческих организаций, что гарантировало первое место в этой отрасли.

В 1914 г. в круг деятельности этих складов входила не только торговля машинами и предметами домашнего хозяйства, но и заготовка хлеба (22 зернохранилища) [7]; кроме того, было открыто 50 товарно-продовольственных лавок [8] в отдаленных районах и лесных складов для продажи лесных материалов в районах безлесья.

Таким образом, возникновение и становление сети сельскохозяйственных складов Переселенческого управления было во всех смыслах полезным начинанием царского правительства, и обусловлено это начинание было хозяйственным развитием Сибири в целом, переселенческой политикой царизма, направленной на решение задач аграрного освоения Сибири.

В середине 90-х г. XIX в. на дело снабжения населения сельхозтехникой обратил внимание Комитет Сибирской железной дороги, созданный 10 декабря 1892 года [9]. Финансирование деятельности сельскохозяйственных складов осуществлялось через данный комитет. Но даже после перехода складов в ведение Переселенческого управления, исключительно комитет финансировал и контролировал их деятельность, и только с 1907 г. финансирование данного государственного предприятия из Комитета Сибирской железной дороги стало направляться в специальные средства Переселенческого управления ГУЗиЗ.

Несмотря на то, что комитет был организован для непосредственной координации строительства дороги, он, по сути, был инструментом осуществления правительственной политики по освоению Сибири. Во время своей деятельности комитет стал высшим государственным органом, на заседаниях которого вырабатывалась государственная политика по отношению к Сибири. Таким образом, Комитет Сибир-

Таблица 2

Число сельхозскладов и отделений и размеры их оборотов за 1898–1911 гг. (руб.)

Годы	Число пунктов	Обороты	Приходилось в среднем на 1 пункт
1898	20	211871,88	10594
1899	29	525163,85	18109
1900	34	718179,34	21123
1901	19	780461,81	40024
1902	29	1616576,24	55744
1903	36	1691417,8	46984
1904	31	1209301,74	39010
1905	48	2592587,47	54012
1906	70	2567161,05	36674
1907	63	4586182,28	72797
1908	61	5179903,99	84851
1909	64	4603608,26	71931
1910	113	4972398,7	44004
1911	226	6798062,66	30080
1912	253	8434969	33340
1913	277	7221091	26069
1914	326	8318933	25518
1915	240	5988621	24952
1916	131	5900000	41985
Итого		73492490,68	

Примечание: сост. по Переселение и землеустройству за Уралом: отчет по переселению и землеустройству за 1912 г. СПб: Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1913. С. 70–71. С 1912 г. Посчитано автором.

ской железной дороги стал основным финансистом деятельности казенных складов. Высочайше утвержденным 7 декабря 1895 г. журналом комитетом было отпущено в распоряжение МВД, в ведении которого состояло в то время Переселенческое управление, на устройство сельскохозяйственных складов в Сибири 30 000 руб. Затем высочайше утвержденным 15 марта 1896 г. журналом было отпущено ещё 10 000 руб. Министерству земледелия и государственных имуществ [10].

Исторические источники, «Сметы специальных средств Переселенческого управления» и Отчеты о деятельности сельскохозяйственных складов Переселенческого управления, позволяющие проследить финансирование сельскохозяйственных складов Переселенческого управления, не дают нам информации в период с 1897 по 1906 год. Поэтому на данный момент мы располагаем данными о финансировании казенных складов с 1907 г.

Однако данный период является периодом становления как сети складов, так и в целом системы деятельности данного государственного предприятия, поэтому наиболее значимым является вопрос о финансировании складов, приходящийся на период начала реализации Столыпинской аграрной реформы. Финансирование сельхозскладов происходило в ка-

честве специальных средств Переселенческого управления, однако эти средства отпускались не на Переселенческое управление, а на развитие Сибирской железной дороги. Данный факт, на наш взгляд, подчеркивает важность деятельности казенных складов в колонизационной политике царского правительства. Финансированием деятельности казенных сельхозскладов занимались Комитет Сибирской железной дороги и Государственное казначейство. Но наиболее значимым источником стали отчисления собственных прибылей складов (табл. 3).

Цифры, приведенные в таблице, говорят о капиталах (основном, запасном, страховом), которыми склады оперировали в каждом году, но помимо этих капиталов склады в результате своей деятельности получали выручку, которая, как правило, складывалась из следующих статей: выручка от продажи сельхозмашин, орудий и инвентаря; получение долгов с населения и процентов за рассрочку платежей; возврат судебных издержек; выручка за ремонт машин в ремонтных мастерских; выручка за размол зерна.

Основными статьями расходов сельскохозяйственных складов Переселенческого управления на всем протяжении их деятельности были: погашение долгов фирмам поставщикам; приобретение семян, сельхозмашин, орудий и инвентаря; плата за провоз

Таблица 3

Финансирование сельхозскладов Переселенческого управления за 1907–1918 гг. (руб.)

Наименование специальных средств					
Годы	Активный Комитет Сибирской ж.д.	Отчислено из чистых прибылей складов	Временно предоставленные	Предполагается к получению в следующем году в виде чистой прибыли	Всего
1907	413067	382745	83400	194600	1074712
1908	418067	509001	50000	280000	1257968
1909	368067	630950	50000	225000	1274917
1910	368067	630950	231355	610500	1841772
1911	368067	660830	231355	210000	1480152
1912	368067	762753	246328	200000	1578048
1913	368067	853096	246328	100000	1568391
1914	368067	1107000	246328	100000	1822295
1915	368067	1207026	246328	100000	1922321
1916	368067	1271703	246328	100000	1986098
1917	368067	1300000	246328	100000	2015295
1918	368067	1418300	246328	90000	2123595
Итого	4522604	10743354	2370406	2310100	19946464

Примечание: Сметы специальных средств Переселенческого управления за 1907–1918 гг.

товара по железной дороге; расходы по содержанию складов; расходы за пользование кредитом в Государственном банке; расходы по взысканию долгов с населения; расходы на агрикультурные мероприятия; вознаграждение комиссионеров.

Таким образом, опираясь на данные табл. 3, можно сделать вывод о том, что с 1909 года сельхозсклады Переселенческого управления фактически начинают увеличивать свои капиталы только за счет собственных прибылей от торговой деятельности. Немаловажным является факт почти двукратного увеличения отчислений чистой прибыли уже к 1911 году, а к 1914 году почти в четыре раза. Это свидетельствует об эффективности работы данного государственного предприятия, а также доказывает нам правильность вывода о том, что посредством увеличения сети сельхозскладов и увеличения финансирования этого предприятия царское правительство пыталось удержать переселенца на месте водворения, чтобы не допустить возвращения крестьянского населения в Европейскую часть страны.

Библиографический список

1. Кузнецов, Д. В. Администрация и поиски путей сельскохозяйственного освоения Среднего Прииртышья в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ...к.и.н. — Омск, 2000. — 18 с.; Дубровский, С. М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. / С. М. Дубровский. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 599 с.; Асалханов, И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. / Иннокентий Арсеньевич Асалханов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1975. — 267 с.; Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900 — 1917 гг.) /

Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1976. — 343 с.; Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — 344 с.

2. Резун Д. Я., Шиловский, М. В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. — Новосибирск, 2003. — 342 с.; Шиловский, М. В. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства / М. В. Шиловский // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. Вып. 3. — С. 6 — 16; Шиловский, М. В. Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / М. В. Шиловский // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII — XX вв. : сб. материалов Всерос. конф.; Томск. гос. ун-т. — Томск, 2002. — С. 35 — 44.; Шиловский, М. В. Специфика колонизации США и Сибири / М. В. Шиловский // Фронт в истории Сибири... Вып. 2. — С. 36 — 49; Шиловский, М. В. Переселения в государственной политике колонизации Сибири (XVII–XX вв.) / М. В. Шиловский / Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической перспективе: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского (25 — 26 февраля 2003 г.); науч. ред. Л. М. Дамешек. — Ч. 1. — Иркутск, 2004. — С. 19 — 26 и др.

3. Переселение и землеустройство за Уралом: отчет по переселению и землеустройству: 1906–1915. — СПб: Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1911 — 1913. — Пг., 1914 — 1915.

4. ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

5. ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 33, 50. Л. 29, 28.

6. ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 187. Л. 26.

7. Посчитано автором. Переселение и землеустройство за Уралом: отчет по переселению и землеустройству за 1912 г. СПб :

Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, в 1913 г. — Пг., 1914. — 402 с.

8. ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 50. Л. 22.

9. Переселение и землеустройство за Уралом: отчет по переселению и землеустройству за 1912 г. СПб.: Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, в 1913 г. — Пг., 1914. — 402 с.; ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

10. Ус, Л. Б. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по организации переселений (сб. ст.) / Л. Б. Ус // Сибир-

ский плавильный котел. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. — С. 196 — 210.

ГРАЧЕВ Роман Олегович, аспирант кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 07.03.08 г.

© Р. О. Грачев

УДК 947.083

О. А. ВЛАСЮК

Омский государственный педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ РУССКИХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В статье устанавливаются особенности и значение интеллектуальной среды русской истории второй половины XIX в. как фактора в формировании их представлений о пространстве.

Современная исследовательская ситуация характеризуется повышенным вниманием со стороны историков и историографов в изучении условий, факторов, мотивов формирования особого интеллектуального пространства ученых. Интеллектуальный ландшафт выступает как один из факторов формирования представлений о пространстве русских историков второй половины XIX в.

Особенность представлений о пространстве русских историков заключалась в наличии достаточно устойчивой оппозиции «центр» (столица) — «провинция». Она являлась одной из основных координат в определении статуса, смыслового наполнения того или иного пространства. Под «центром» понимается наличие отличного от других полиса «чья особенная культура объективно приобретает более широкое ценностное измерение, чем традиционный «почвенный» уклад всех прочих городов и весей» [1, с. 3]. Емкое и точное определение понятия «провинция» дал В. Даль в своем Толковом словаре живого великорусского языка. Под провинцией он понимал следующее: «Провинция — губерния, область, округ, уезд; провинция — живущий не в столице, житель губернии, уезда, захолустья» [2, с. 472]. Это противопоставление сохраняло свое значение на протяжении всей второй половины XIX в.

Одним из неотъемлемых компонентов «столицы» в представлениях историков являлся университет. В представлениях историков второй половины XIX в., Университет — это не только научное учреждение, центр общественной жизни, но и «научно-воспитательное» учреждение, где происходит образование не только ума, но и души, становление мировоззрения человека» [3, с. 29]. Эту роль университета отмечали почти все рус-

ские историки XIX в., ведь университет был «общим чаянием почти всего, что было мыслящего в России, верховным ареопагом в деле науки...» [4, с. 32]. Без университета пространство теряло свою привлекательность и заманчивость для исторического сообщества. Именно эту мысль высказывал П. Н. Милюков в своих письмах С. Ф. Платонову, он писал, что «Петербург без университета не имеет смысла» [5, с. 102].

В университете читали курсы лучшие специалисты в своей области. Так, в разное время на кафедре отечественной истории в Московском университете читали свои курсы С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков, М. К. Любавский и др. Не менее интересные курсы были представлены и в Петербургском университете. В своих письмах А. Е. Пресняков писал, что в будущем учебном году будет «слушать курс Лаппо-Данилевского «Методы изучения источников и явлений русской истории», по пятницам и, вероятно, по средам Форстена «Историю немецких университетов». Василевский читает византийскую историю последний год» [6, с. 144].

Наличие университета и университетской среды в представлениях русских историков было важным, но не единственным условием для причисления этого пространства к «столице». Так в своем письме С. Ф. Платонову П. Н. Милюков писал, что «Дерпт слишком захолустен и неудобен для ученой работы» [7, с. 98], хотя там с 1802 г. был открыт университет. В другом письме он заявлял, что «от Дерпта же отказаться мне уже не трудно: я думаю, там отвратительная обстановка и для ученой и для профессорской деятельности» [8, с. 115]. О нежелании ехать в Томский университет заявлял и М. К. Любавский: «Н. А. Попов предложил ехать в Сибирский университет на кафед-

ру русской истории. В Сибирь ехать не хотелось «ибо» — <...> в провинции дальнейшие занятия русской историей немислимы» [9, л. 7]. Эту же мысль высказывает в своих письмах и К. Н. Бестужев-Рюмин, он заявляет, что «не думаю, чтобы я уехал в провинцию, да и, кажется, дела не так складываются: я, признаться, и рад этому: кроме Петербурга и Москвы ученые занятия почти невозможны в России» [10, с. 16].

Помимо университета для исследовательской деятельности историка были необходимы архивы, библиотеки, музеи, которые располагались только в Москве или Петербурге, именно поэтому туда так стремились попасть русские историки не только столицы, но и провинции. Так в отчете Д. А. Корсакова, командированного в Санкт-Петербург с ученой целью на зимнее вакационное время и 14 дней в 1899—1900 академическом году, выражалась благодарность «г. директору Архива Министерства Народного Просвещения Н. П. Барсукову и помощнику его А. С. Раевскому, а равно директору Императорской Публичной библиотеки Генерал-лейтенанту Н. К. Шильдеру, его помощнику К. Ф. Феттерлейну и библиотекарю Русского отделения той же библиотеки В. П. Ламбину» [11, с. 15]. О посещениях московских библиотек писал матери А. Е. Пресняков, где заниматься ему было удобно и спокойно. Помимо библиотеки особое значение для историка имел архив. «Для историка архив — особая вселенная, это «кровеносная система» мира историков, а источник — пульс, по которому, по словам П. Н. Милюкова, можно подслушать... биение жизни» [12, с. 94]. А. А. Кизеветтер был полностью согласен с П. Н. Милюковым относительно особого отношения историка к архиву, как значимому «месту» в жизни и деятельности исторического сообщества. В своих воспоминаниях он писал, что «истинное душевное удовлетворение я испытывал только там, в архиве, погружаясь с мыслью в смысл старинных текстов, стараясь не пропустить в них ни малейшего намека, ни малейшей черточки, которые могли бы доставить мне какой-либо блик света на занимавшие меня исторические вопросы» [13, с. 195—196]. В архивах и библиотеках происходила встреча историков, их совместная работа. Так, А. Е. Пресняков писал матери о своих планах провести «2 недели января в Москве — в архивах с Платоновым, Дьяконовым (это дерптский юрист) и Рождественским (наш магистрант). В конце января вместе с Платоновым вернемся в Питер» [14, с. 124]. Библиотеки и архивы являлись традиционными местами не только исследовательской работы, но также встреч и знакомств историков.

Одной из традиционной форм межличностной коммуникации внутри исторического сообщества было участие в обществах и объединениях. Так, например, В. О. Ключевский и П. Н. Милюков были избраны в действительные члены Общества истории и древностей российских. В. Г. Дружинин принимал участие в деятельности Петербургской Археографической комиссии, П. Н. Милюков участвовал в работе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также являлся членом Общества любителей российской словесности, Е. Ф. Шмурло и Н. И. Кареев входили в состав Исторического общества при Санкт-Петербургском университете и др. На заседаниях Обществ проходило обсуждение докладов молодых историков, рецензий, написанных на поступившие рукописные материалы и статей, решались вопросы опубликования исследований.

Особым местом общения и коммуникаций русских историков второй половины XIX в. являлись

кружки и журфиксы. При Московском университете существовал исторический кружок молодых историков. Среди членов этого кружка были П. Г. Виноградов, П. Н. Милюков, М. К. Любавский, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский, М. Н. Покровский, М. С. Корелин, С. Ф. Фортунатов и др. На заседаниях этого кружка исследователи делились своими открытиями и идеями. Журфиксы отличались от кружков и салонов своей демократичностью и открытостью, на них можно было приходиться без приглашения. Так, П. Н. Милюков был завсегдатаем многих журфиксов, например, Н. В. Бугаева, Н. И. Стороженко, Ф. Ф. Фортунатова, И. И. Янжула и др. [15, с. 123]. Постепенно у П. Н. Милюкова начались свои журфиксы, которые проходили по вторникам. В Москве посещал П. Н. Милюкова А. Е. Пресняков, который «просидел часа три — много болтали и очень интересно для меня болтали. Он мне очень нравится» [16, с. 39]. В своих письмах Е. Ф. Шмурло вспоминал о гостеприимстве П. Н. Милюкова и Сергеевича, во время посещения Москвы. Они «вводили меня в круг московской профессуры» [17, л. 4]. С. В. Рождественский пишет о встрече с М. А. Дьяконовым, который свел его с В. Н. Сторожевым, а последний обещал свести с А. А. Кизеветтером. В Москве он посещает П. Н. Милюкова, «с особым трепетом — В. О. Ключевского, знакомится с П. Г. Виноградовым и Н. И. Кареевым» [18, с. 96]. Д. А. Корсаков навещал Н. И. Костомарова и С. М. Соловьева. «Чаще всего в это время я встречал у Костомарова А. Н. Пыпина, Е. А. Белова, Д. А. Мордовцева, Н. П. Барсукова, Д. Е. Кожанчикова» [19, с. 249]. В ходе бесед и общения между историками, выдвигались новые мысли и гипотезы, происходила полемика и диалог между коллегами. Историки отмечали ценность и необходимость неформального общения. Н. И. Кареев отмечал, что «традиция такого рода общения способствует направленному развитию науки, когда вырабатываются определенные навыки исследовательской работы» [20, с. 287]. Свободная атмосфера журфиксов способствовала формированию единого, не только информационного, но и научного пространства «на них процесс научного познания превращался в особую культуру мышления» [21, с. 22]. Такого рода знакомства приводили к установлению личных и деловых взаимоотношений между историками. К. Н. Бестужев-Рюмин читал материалы университетского курса П. Н. Милюкова, П. Н. Милюков писал рецензию на исследование А. С. Лаппо-Данилевского, М. П. Погодин был знаком с сочинением К. Н. Бестужева-Рюмина и др. Помимо этого написание рецензий, отзывов, пересылка рукописей и журналов. Их получение расценивалось как самый дорогой подарок. Так, внимание М. П. Погодина было приковано к историческим работам киевлян и вообще киевским изданиям. «Обозрение Киева» превосходное, и я обрадовался ему как дорогому подарку» [22, с. 5].

Эпистолярное наследие русских историков второй половины XIX в. дает основания делать вывод о наличии интенсивного коммуникативного пространства внутри исторического сообщества. В письмах отражается особый мир историка, его эмоции, переживания, чаяния и надежды. Так, в письме к М. П. Погодину Д. И. Иловайский, заявлял, что он послал отдельный оттиск своей статьи о Варяжском вопросе. «Из нее Вы увидите, что с норманизмом я окончательно расхожусь и клянусь вести с ним войну беспощадную...» [23, л. 1]. В переписке с С. Ф. Платоновым П. Н. Милюков делился новостями, например, по поводу диспутов «диспут Л[аппо] Дан[илевского] на-

чался поздно, тянулся долго. Кареев возражал ему совсем прилично <...> Диспут был скучным и монотонным, и устали все до крайности. Саша Лаппо защищался остроумно <...> Долго писать о его книге не буду, а поговорить бы хотелось: книга мне очень нравится...» [24, с. 363]. В письмах К. Н. Бестужеву-Рюмину И. М. Гревс, находящийся в Италии, обращается к историку за советом в написании своей диссертации и др.

Межличностные коммуникации историков в рамках университета, архивов, библиотек, журфиксов приводили к формированию особой насыщенной интеллектуальной среды. Наличие такой «плотной» интеллектуальной среды являлось основополагающим признаком «столицы». Остальное пространство русскими историками второй половины XIX в. мыслилось не иначе как «провинция», в которой можно было разве что собрать необходимый материал, осуществить подготовительные работы для научного исследования.

Библиографический список

1. Диденко П.И. Исторические формы оппозиции «центр — провинция» // Центр — провинция: историко-психологические проблемы: материалы Всероссийской научной конференции. — СПб: Нестор, 2001. — 339 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб: Диамант, 1996. Т. III. — 560 с.
3. Краснова Ю.В. Университетская лекция по истории: воплощение идеала (конец XIX — начало XX в.) // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда: материалы Четвертой Всероссийской конференции «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и центр). XX век: в 2 т. Т. 2. — Омск: Курьер, 2000. — 212 с.
4. Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829—1897). — Юрьев: печатано в типографии К. Маттисена, 1899. — 418 с.
5. Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков); под ред. В.П. Корзун. — Омск: ООО «Памира-фист», 2003. — 306 с.
6. Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889—1927. — СПб: Санкт-Петербургский институт РАН, 2005. — 968 с.
7. Письма русских историков / Указ. соч.

8. Там же.
9. РГАЛИ (Российский Государственный Архив Литературы и Искусства). Ф. 419. Оп. 1. Д. 527. Л. 7.
10. Малинов В.А. К.Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. — СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. — 216 с.
11. Ученые записки императорского Казанского университета. Кн. 1. Январь. 1901. — 250 с.
12. Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г. Путешествия русских историков конца XIX — начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. -М.: Институт российской истории РАН, 2002. — С. 94. — 476 с.
13. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881—1914. — М.: Искусство, 1996. — 395 с.
14. Пресняков А.Е. Указ. соч.
15. Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859—1904). — Рязань, 2001. — 439 с.
16. Пресняков А.Е. Указ. соч.
17. ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации). Ф. Р-5965. Оп. 1. Д. 695. Л. 4.
18. Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г. Указ. соч.
19. Корсаков Д. Из воспоминаний о Н.И. Костомарове и С.М. Соловьеве // Вестник Европы. — 1906. Т. V. Сентябрь. — С. 221—272.
20. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. — 384 с.
21. Дорофеева С.С. Роль журфиксов в формировании молодого ученого в конце 1860-х-середине 1890-х годов // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда: Материалы Четвертой Всероссийской конференции «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и центр). XX век: в 2 т. Т. 2. — Омск Курьер, 2000. — 212 с.
22. Понамарев С. М.П. Погодин в его отношениях к Киеву. — Киев, 1875. — 27 с.
23. РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.
24. Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову // Мир историка. XX век. М.: Институт российской истории РАН, 2002. — 476 с.

ВЛАСЮК Оксана Андреевна, аспирант кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 21.03.08 г.

© О. А. Власюк

Книжная полка

Голиков, А. Г. Источниковедение отечественной истории [Текст] : учеб. пособие для вузов по специальности 030401 «История» и направления подгот. 030400 «История» / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова; под ред. А. Г. Голикова. — М.: Академия, 2007. — 460, [1] с. — (Высшее профессиональное образование). — Библиогр. в середине кн. — ISBN 978-5-7695-3883-4.

Пособие знакомит читателя с основными видами письменных источников по отечественной истории X — начала XXI в.: летописями, законодательными и частными актами, документами дело-производства, статистическими источниками, материалами личного происхождения, периодической печатью. Читатель найдет в книге систематический обзор важнейших комплексов письменных исторических источников; проследит эволюцию этих источников; ознакомится с конкретными приемами выявления, обработки и анализа зафиксированной в них информации.

Для студентов вузов и преподавателей.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОМСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается процесс становления и развития Омской епархии в конце XIX — начале XX вв. Охарактеризованы органы епархиального управления, материальное положение духовенства, деятельность епархиальных съездов и церковных общественных организаций.

История становления и развития Омской епархии во многом связана с историей города Омска и тех обширнейших территорий, в границах которых она была образована. Освоение Сибири и формирование институтов Православной церкви — два взаимосвязанных процесса. Образование приходов и строительство церквей в Сибири осуществлялось параллельно с расселением пришлого населения. Народная колонизация приносила в Сибирь православный уклад жизни: у казачества — в виде христианско-военнообразованных общин, у крестьянства — традиционных приходских общин. «Все «потоки» колонизации осуществляли каждый по-своему распространение на Сибирь русского традиционализма, для которого православие являлось неотъемлемой чертой» [1].

Освоение русскими южных регионов Западной Сибири началось в XVIII в. В первой половине XIX в. после присоединения к России территории Центральной Азии эти районы из приграничных стали внутренними, что явилось стабилизирующим фактором их развития. Как следствие, изменилось положение города Омска, который прежде выполнял здесь роль военного форпоста России. Омск становится теперь гарантом экономического развития прилегающих к нему территорий, имея для этого все предпосылки. В 1868 г. была образована Акмолинская область с центром в г. Омске, объединившая южную часть нынешнего Омского Прииртышья и значительную часть Казахстана. Когда в 1882 г. было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области были объединены в Степной генерал-губернаторство, административным центром которого был определен Омск.

Постепенное смещение крестьянской колонизации с севера на юг, большое число переселенцев, обосновавшихся в степных и лесостепных районах Акмолинской и Семипалатинской областей, недостаток церквей с квалифицированным причтом, огромные территории существующих в Сибири епархий — все это являлось главными предпосылками образования Омской епархии. «Высочайшее повеление» об открытии самостоятельной Омской епархии состоялось 18 февраля 1895 г., а в конце марта того же года, со дня опубликования в церковных ведомостях, вступило в законную силу [2]. В состав епархии вошли 57 церквей Акмолинской и Семипалатинской областей, церкви Тюкалинского, Тарского и Ишимского округов Тобольской губернии, которые лежали ближе к Омску, чем к Тобольску (42 церкви Тюкалинского округа, 31 церковь Тарского, 19 церквей Ишим-

ского округа с Ишимским духовным училищем), а также 11 церквей Бийского округа Томской губернии.

Территория Омской епархии на момент её образования была заселена неравномерно. В основном население сосредоточивалось в Тобольской губернии и северной части Акмолинской области, где жили крестьяне-старожилы, переселенцы, а также казачество. Процесс заселения этих районов шел достаточно равномерно и не создавал трудностей для образования новых приходов и строительству церквей. Поселения возникали достаточно близко к старожилам.

В начале XX в. в процессе освоения южной части епархии количество поселений, располагавшихся на обширных территориях Степного края стало столь велико, причем некоторые из них находились на расстоянии до ста верст от имевшихся приходов, что побудило епархиальное начальство заняться открытием новых. В докладе консистории епископу Омскому и Семипалатинскому, в котором были представлены сведения о желательности открытия самостоятельных приходов, ставился вопрос о необходимости образовывать из вновь заселенных переселенческих участков Омской епархии «особые временные приходские районы с назначением в них разъездных причтов» [3]. На основании этого доклада епископ Омский и Семипалатинский Гавриил направил Синоду представление, в котором обосновывал необходимость образования разъездных причтов и ходатайствовал о предоставлении для этого средств.

Рассмотрение сведений о вновь образованных поселениях Омской епархии даёт возможность увидеть размеры этой проблемы. В Акмолинской области было 42 поселка с населением 13 450 душ мужского пола, которые находились на расстоянии от 10 до 70 верст от ближайшего прихода, в Петропавловском уезде — 16 поселков с населением 7 538 душ, на расстоянии от ближайшего прихода от 25 до 75 верст. В Атбасарском уезде находилось 14 поселков с населением 6 446 душ, на расстоянии 45 верст от ближайшего прихода, а в Семипалатинской области имелось 36 поселков, с населением 20 865 душ, на расстоянии от ближайшего прихода от 10 до 70 верст [4].

В качестве высшего органа церковного управления епархией в 1895 г. была учреждена Омская духовная консистория. Во главе консистории стоял епархиальный архиерей. Структуру епархиального управления определял «Устав духовных консисторий», введенный обер-прокурором Н. А. Протасовым в начале

1840-х гг. Именно к этому времени консисторская система окончательно сложилась в своих главных чертах, просуществовав без кардинальных изменений до 1917 г.

Система управления епархией была построена по принципу жесткого централизма и иерархии и состояла из трех уровней. Первый — епархиальное управление. Оно было представлено архиереем и духовной консисторией. Первым архиереем Омской епархии был назначен 18 февраля 1895 г. епископ Григорий (Полетаев) с титулом епископа Омского и Семипалатинского. Ведению епископа подлежали все дела епархии, а также надзор за поведением духовенства и монахов, за состоянием духовного просвещения и нравственным состоянием мирян.

В состав консистории входили лица духовного звания в количестве 4—6 человек, а также секретарь-столонячий и казначей. Её члены избирались епархиальным архиереем из священников и утверждались Синодом. Каждому члену духовной консистории вверялись для наблюдения особые дела, так называемый стол. В слушании или решении дел участвовали все члены консистории. Согласно уставу, консистория находилась в двойном подчинении — епархиальному архиерею и Синоду. По предложению обер-прокурора Синода определял секретаря консистории. Секретарь консистории, формально находясь в подчинении епископа, был напрямую, как и архиерей, связан с обер-прокурором Синода и посылал ему секретные донесения обо всех происшествиях в епархии. Кроме того, он следил за исполнением законов в деятельности консистории и ее отношениях с архиереем. Духовная консистория решала вопросы об учреждении приходов, открытии новых церквей, монастырей, часовен, их ремонте, перестройке, упразднении старых церквей и об отводе церковных земель. В функции консистории входило разрешение конфликтов между духовными лицами и прихожанами связанных с церковными земельными участками, а также награждение духовных лиц знаками отличия.

Второй уровень епархии составляла разветвлённая сеть благочинных. Благочинные утверждались епископом и являлись его помощниками в управлении епархией. Благочиние состояло из 10—15 приходов. В обязанности благочинного входило наблюдение за деятельностью притчей в приходах. Кроме того, два раза в год он должен был объезжать все приходы, входящие в состав благочиния.

Третий уровень — притчи приходских церквей, избиравшие из своей среды депутатов епархиальных и окружных съездов, духовных следователей, членов благочинных советов. Притч состоял из священнослужителей (иереи, пресвитеры) и церковнослужителей (псаломщики, причетники, пономари).

Съезды играли важнейшую роль в жизни приходского духовенства. По началу, ограниченные только заботой о поддержке церковных школ, постепенно съезды приобрели право обсуждать хозяйственные вопросы и организовывать сословную взаимопомощь. Это насторожило официальные власти, которые постарались поставить проведение съездов под свой контроль. Согласно Духовному регламенту, действовал определенный порядок взаимоотношений различных структур управления епархией. «Благочинные представляют отчет Епархиальному Преосвященству или консистории. Священники, диаконы и псаломщики по делам и нуждам служебным рапортом благочинным, а те, если не могут сами принять решения по этим делам, представляют рапорты епархиальному начальству с разъяснениями и сведениями

о данных вопросах. Священники могут сами обращаться к епархиальному начальству только в случаях, когда благочинный не выполнил или не решил их просьбу, когда священник должен лично дать ответ на указание епархиального начальства. Благочинные, священно и церковнослужители по делам личным (не служебным) могут обратиться к епархиальному руководству. Благочинные и церковные причты по делам служебным не могут входить в непосредственную переписку с высшими правительственными учреждениями, как-то: Губернаторами, Губернскими и Областными присутственными местами, с другими консисториями и консисториями и Коллегиями других вероисповеданий, а должны обращаться к содействию своего епархиального начальства. Обращаться к епархиальному начальству могут духовные следователи по порученным им делам к следствию и дознанию. С прочими должностными лицами, а равно с окружными и уездными полицейскими управлениями, волостными и станичными правлениями церковные причты по служебным делам сносятся не рапортами и предписаниями, а отношениями. Благочинным и церковным причтам не следует обращаться в суд и полицию для привлечения к ответственности за совершение в раскол или другую веру» [5].

В структуру управления Консистории входили также Омское епархиальное попечительство «о бедных духовного звания», Епархиальный училищный совет, Епархиальный комитет Православного миссионерского общества.

Епархиальное попечительство было создано в помощь семьям священнослужителей, потерявших кормильца, заштатным и престарелым священникам. Кроме того, попечительство утверждало опеку над сиротами священнослужителей, распоряжалось их движимым и недвижимым имуществом. Основной фонд попечительства на момент образования составлял 26 тыс. 655 руб. По действующему законодательству «к постоянным и определительным средствам призрения бедных духовного звания в виде доходов принадлежат: добровольные благотворительные приношения, кружечные сборы, часть доходов от свечной продажи, доходы кладбищенские, штрафные деньги, взыскиваемые по духовному ведомству, сборы по подписным листам, процент от основного капитала» [6]. На содержании попечительства состоял приют на 30 человек из малолетних сирот духовного звания, который находился в здании Епархиального женского училища.

Финансовое положение приходского духовенства было противоречивым. С одной стороны, духовенству оказывали материальную помощь приходские общества и государство, с другой, многие семьи священников находились в бедственном положении. Городское духовенство было обеспечено лучше, однако и в городе не все священнослужители имели достаток. Для улучшения материального положения церковно-и священнослужителей создавались органы приходского церковно-общественного самоуправления — попечительства. В круг деятельности попечительства входили поиски средств на содержание причтов, на содержание и ремонт церквей, приходских школ, библиотек, домов для духовенства и т.д. Согласно Общему положению о крестьянах, «...крестьянским обществам разрешалось устанавливать сборы на поддержание и устройство церквей, заведение сельских училищ, содержание учителей церковно-приходских школ» [7]. Кроме того, они подыскивали работу для безработных и бедных. Несмотря на все свои недостатки, процесс образования попечительства в Ом-

ской епархии получил широкое распространение. Однако расчеты правительства на то, что органы самоуправления решат все материальные проблемы церкви не оправдались. Собранные средства попечители тратили в основном на ремонт и постройку храмов. С другой стороны, вновь образованные из переселенцев приходы сами нуждались в материальной поддержке. Это особенно характерно было для Омской епархии, в которой интенсивно шел процесс образования новых приходов.

Попытка реорганизации приходской жизни получила неожиданное продолжение в указе Синода от 18 ноября 1906 г., в котором шла речь о создании церковно-приходских советов. Они возникали прежде всего там, где отсутствовали попечительства. Кроме советов при приходах Омской епархии создавались братства, кружки «церковного пения и чтения», общества трезвости. Учреждением церковно-приходских советов правительство пыталось осуществить идею создания подконтрольного церковно-общественного самоуправления.

С целью более широкого привлечения различных слоев городского и сельского населения к делам религии и церкви, создавались церковные организации. Среди них следует отметить деятельность церковных братств. В братствах обычно принимало деятельное участие все духовенство епархии. Их деятельность была предметом обсуждения епархиальных съездов. Последние вырабатывали уставы и постепенно, по мере потребности и сообразно средствам, расширяли круг деятельности братств. Деятельность братств направлялась на утверждение православия и ограждение православных от сектантской и раскольничьей пропаганды.

16 августа 1898 г. было создано Омское епархиальное «Братство ревнителей Православия, Самодержавия и Русской Народности и христианского благотворения». Братство делилось на семь ступеней. Братья первой ступени уплачивали взнос три рубля, шестой не менее ста рублей. В 4-м параграфе 3-й главы устава сказано: «Священство и церковнослужители Омской епархии, по долгу службы своей, состоят непременными ревнителями Братства». Братство устраивало трапезы для беднейшего населения, иногда на 400 человек, выдавало пособия на лечение, крещение, в долг, покупало книги и раздавало их бесплатно [8].

29 марта 1900 г. Преосвященный Григорий утвердил Устав «Братства ревнителей духовно-нравственного просвещения», целью которого было нравственное просвещение народа и противодействие чрезмерному употреблению спиртных напитков. Члены братства устраивали внебюджетные собеседования с народом, народные чтения. Была открыта чайная наподобие тех, что открывало Общество трезвости, организованы кружки из лиц воздерживающихся от спиртных напитков.

Большим влиянием в епархии пользовался епархиальный комитет Православного миссионерского общества. В 1898 г. председателем Общества был епископ Омский и Семипалатинский Григорий. Почетными членами являлись степной генерал-губернатор М. А. Таубе и военный губернатор Акмолинской области генерал-лейтенант Н. И. Санников. Членами совета числились протоиерей Недосеков, протоиерей Никольский, протоиерей Баженов, священники Рождественский и Тихомиров, коллежский советник Соловьёв, купец Волков, делопроизводитель священник Гусев.

Не оставались в стороне от нужд церкви представители крупного капитала и купечества. Характерной чертой омского купечества, особенно православного, была приверженность вере, соблюдение норм православного культа, требований официальной церковной морали. Купечество жертвовало церквям деньги, дарило иконы. Благотворительность в среде предпринимателей была явлением распространенным. Среди наиболее крупных жертвователей и попечителей были М. А. Шанина, М. Я. Мариупольский и другие [9].

Таким образом, рассмотрение проблем становления и развития Омской епархии позволяет расширить наши представления о содержании социокультурных процессов, проходивших в Степном крае на рубеже XIX — XX вв.

Библиографический список

1. История Курганской области (Церковь Южного Зауралья в досоветский период). — Т. 4. — Курган, 1998. — С. 15.
2. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 49. Л. 3.
3. ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 122. Л. 71.
4. ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 122. Л. 73—74.
5. Омские епархиальные ведомости. — 1898. — № 3. — С. 4.
6. ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 49. Л. 80.
7. ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 49. Л. 18.
8. Зайцева Л. Ю. Православная церковь и казахское население Степного края (конец XIX — начало XX вв.) // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII — XX вв.): матер. Междуна. науч. конф. — Омск; Кокшетау, 2001. — С. 141.
9. Очерки истории города Омска. — Т. I. — Дореволюционный Омск. — Омск, 1997. — С. 162—166.

БЕРКОВСКАЯ Зорина Николаевна, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.

Статья поступила в редакцию 17.04.08 г.

© З. Н. Берковская

ПЕРВЫЕ ПАРОХОДНЫЕ КОМПАНИИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО БАСЕЙНА

Статья посвящена первым пароходным компаниям, возникшим в Западной Сибири во второй половине XIX века. Приводятся сведения о количестве парового флота в начальный период зарождения парового судоходства по рекам Западной Сибири.

В хозяйственной инфраструктуре дореволюционной Сибири видное место занимало речное судоходство. Исторически оно возникло и развивалось одновременно с освоением Сибири русским населением. Однако только с появлением первых пароходов местное купечество оценило выгодность рек. Поначалу купцы с опаской относились к новому для них делу. Но позже они пришли к выводу, что пароходство не только увеличивает грузооборот, но и удешевляет перевозку товаров. Сибирские миллионеры стали приобретать пароходы. На первых порах это было монопольное владение пароходом, действовавшее на основании привилегии, выданной государством конкретному купцу. Владение по принципу привилегий не оправдывало себя, так как по окончании срока действия привилегий у бывших владельцев обычно появлялись конкуренты и начиналось ожесточенное соперничество в погоне за грузами и пассажирами. Конкуренты часто не имели достаточных средств для организации самостоятельного предприятия и вынуждены были объединяться. Тем самым создавались объективные условия для концентрации капитала. Уже в начальный период развития парового судоходства возникали фирмы на паях, объединявшие нескольких владельцев.

Коммерческое пароходство в Сибири возникло в 1846 году, когда появилась первая объединенная пароходная компания «Пароходство А. Ф. Поклевского-Козелло и К°». Владели компанией надворный советник А. Ф. Поклевский-Козелло и купец Н. Ф. Швецов. Компания владела двумя пароходами: «Основа» и «Взор». Спустя семь лет данная компания распалась из-за небольшой прибыли, которую приносило пароходное дело. Купцы стали работать поодиночке. В 1853 году заявила о себе компания, в которую вошли сибирские купцы Марьин, Хаминов, Кондинский, Тецков. Они составили в Обь-Иртышском бассейне компанию «Польза». Ей принадлежал 100-сильный пароход «Ермак», машина для которого была изготовлена в Бельгии на заводе Коккерия.

Чтобы выдержать соперничество, А. Ф. Поклевский-Козелло построил в 1856 году 80-сильный пароход «Иртыш». В итоге он имел в своем арсенале пароход «Основа» и «Иртыш». Владельцы фирмы «Опыт», увидев в лице А. Ф. Поклевского-Козелло серьезного конкурента, пригласили его в компанию. В 1859 году он вступил в компанию. В следующем году в пароходное предприятие вошли купцы: Тюфин, Решетников, Гладышев. Позже компания была переименована из «Пользы» в «Опыт» и имела в своем распоряжении следующие пароходы: «Основа», «Ер-

мак», «Тобояк», «Иртыш». Пароходы компании совершали регулярные рейсы от Тюмени до Томска и обратно. Скорость судов очень часто зависела от погодных условий и количества груза. В источниках приводится информация, что пароход из Томска в Тюмень идет обычно 18 дней, а обратно 27 [2].

Противоречия между членами компании «Опыт», безусловно, существовали, но стремление к большим доходам перевешивало неприязнь. Вынужденная солидарность обеспечивалась кроме прочего необходимостью противостоять новым конкурентам. Не вызывает сомнения тот факт, что другие богатые купцы оценив всю выгодность нового дела шли на риск. Например, екатеринбургский золотопромышленник И. Рязанов построил в 1859 г. 25-сильный пароход «Иоанн» и организовал Обдорско-Обскую компанию, став одним из ее руководителей. «Иоанн» совершил первый грузовой рейс от Тюмени до Березова [1].

В 1860 году в состав уже известной компании «Опыт» вошло 80-сильное судно «Союз». Этот пароход первым поднялся в верховья Иртыша и дошел до Обской губы.

Примечателен тот факт, что помимо извлечения коммерческой выгоды пароходные компании расширяли зоны плавания, проникали все дальше и дальше. Одновременно осваивалась навигация на труднодоступных местах больших и малых притоков Иртыша, Оби, проводились первые исследовательские работы по изучению условий плавания. Коммерсанты поневоле становились и первыми исследователями Сибирских рек, инициировавшими впоследствии государственное изучение судоходных условий на реках Обь-Иртышского бассейна.

Интенсивное развитие пароходного дела в регионе сопровождалось наличием многочисленных компаний, предоставлявших разнообразные услуги по различным ценам. Конкуренция была настолько ожесточенной, что многие компании разорялись, некоторые работали в убыток и лишь немногие оставались «на плаву». Известен и тот факт, что конкуренты радовались, что у их собратьев по цеху тонули пароходы, пропадали грузы, сгорали при загадочных обстоятельствах буксиры.

Для того, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, в 1861 г. появилось новое монополистическое объединение — «Комиссионерство сибирского буксирного пароходства». В него вошли все владельцы пароходов. Сразу же поднялись фрахты. Но эта монополия просуществовала только два года и в 1862 г. распалась. Противоречия, возникающие среди пароходо-владельцев, оказались сильнее тенденции к объедине-

Таблица 1
Характеристики парового флота компании
«Коммиссионерство сибирского пароходства»

Владельцы	Кол-во пароходов	Совокупная мощность судна, л.с.
Тюфин	3	240
Тецков	2	140
Айтыкины	2	220
Ирбитская К ^а	2	85
Пасканов	1	40
Суханов	1	25
ИТОГО	11	490

нию, дававшему возможность устанавливать монополю высокие цены на транспортировку грузов.

Договориться о разделе сферы действий и размера фрахтов на перевозку грузов предпринимателям удалось лишь в 1865 г. Образовалось новое монополистическое объединение «Коммиссионерство сибирского пароходства». В него вошли А. Ф. Поклевский-Козелло, Н. Тюфин, И. Решетников, Хаминов, Тецков и компания ирбитских купцов. В следующем году к ним присоединились братья Айтыкины, Суханов. Пароходовладельцы распределили рейсы, установили фрахты. Успеху монополистов способствовал также заключенный в 1867 г. контракт с правительством на перевозку арестантов, солдат и следовавших с ними грузов [1].

Состав членов «Коммиссионерства сибирского пароходства» менялся. Оставил пароходное дело А. Ф. Поклевский-Козелло. В 1868 г. члены «Коммиссионерства» располагали значительной паровой флотилией (табл. 1).

Этой компании принадлежали 11 пароходов совокупной мощностью 830 л. с. Наиболее состоятельным среди членов компании был тюменский купец Н. Тюфин. После навигации 1868 г. он приобрел пароходы Ирбитской компании. По неполным данным, пароходы «Коммиссионерства» перевезли в навигацию 1868 г. 1025 тыс. пудов грузов. Пароходы остальных предпринимателей, действовавших самостоятельно, перевезли около 0,5 млн пудов грузов.

Состав предпринимателей, входивших в «Коммиссионерство сибирского пароходства», изменялся и в дальнейшем. Общая тенденция заключалась в концентрации подвижного состава. В начале навигации в 1870 г в Обь-Иртышской системе плавал 21 пароход общей мощностью 1480 л.с. «Коммиссионерству» принадлежали 17 пароходов мощностью 1025 л.с.

В 1865 – 1870 гг. пароходы этого монополистического объединения перевозили в среднем за каждую навигацию около 1,1 млн пудов грузов и 5,8 тыс. арестантов. Валовой доход на единицу мощности составлял 446,9 руб., расход — около 200 руб., «чистый дивиденд», или прибыль, — около 247 руб.

При таких доходах расходы на приобретение пароходов окупались в течение нескольких навигаций. Паровое судоходство в Обь-Иртышском бассейне постепенно превратилось в самую выгодную сферу приложения капиталов.

Развитие пароходства в Западной Сибири не осталось незамеченным купцами европейской России. Так, нижегородский купец И.С. Колчин, имевший значительный опыт организации парового судоходства в Волго-Камском бассейне, лично ознакомился в 1869 г. с состоянием судоходства в Западной Сибири и решил основать здесь дело. Пригласив в компанию

братьев Игнатовых, он открыл пароходную фирму «Товарищество Колчина и Игнатова». Главным управляющим был поставлен И.И. Игнатов.

Товарищество приступило к делу сразу же и очень энергично. Уже зимой 1869 – 1870 гг. был построен 120-сильный пароход «Рейтерн». В начале июня 1870 г. он с баржей на буксире отправился из Тюмени в Томск и совершил этот рейс за восемь суток. Судно двигалось с превосходной по тому времени скоростью. «Товарищество Колчина и Игнатова» установило регулярное сообщение между Тюменью и Томском.

В 1870 г. эта компания построила в предместье Тюмени напротив пристаней верфь и механический завод. В 1874 г. Судостроительное предприятие было перенесено к деревне Мысовской, расположенной в четырех верстах ниже Тюмени. В 1882 г. Оно стало называться «Жабынский механический и чугунолитейный завод». В 1871 г. Со стапелей этого предприятия сошло сразу четыре парохода общей мощностью 345 л.с. На новом заводе начали строить пароходы с железным корпусом.

«Товарищество Колчина и Игнатова» поставило дело на широкую ногу. Оно занялось расчисткой Туры и Тобола и построило специальные пароходы с небольшой осадкой, которые могли плавать до Тюмени даже в самые мелководные периоды навигации.

Появление новых конкурентов привело к ликвидации «Коммиссионерства сибирского пароходства». Его участники превратились из компаньонов в конкурентов.

Обострение противоречий между пароходовладельцами, взаимные надежды на финансовую несостоятельность и разорение соперников удерживали в ближайшие годы от создания новых монополистических союзов. Тем не менее произошло сосредоточение подвижного состава в руках немногих предпринимателей, шел процесс концентрации капиталов.

Подводя итоги, следует отметить, что такие личности, как Н. Ф. Тюфин, А. Ф. Поклевский-Козелло, Н. Ф. Швецов, И. И. Игнатов сыграли огромную роль в становлении речного флота Обь-Иртышского бассейна. Именно купцы, а не чиновники стояли у истоков организации первых пароходных компаний Западной Сибири. Возникновение пароходных компаний на территории Западной Сибири позволяет утверждать, что этот регион успешно осваивался и развивался: появлялись новые города, пристани. На территории региона возникли судостроительные мастерские. Все более широкая эксплуатация водных путей обусловила развитие производства в городах Обь-Иртышского бассейна. Пароходное дело обеспечило формирование рынка рабочей силы на круп-

нейших воднотранспортных узлах-пристанях, многие из которых к началу XX в. превратились в значительные центры торговли.

Библиографический список

1. Большаков, В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. / В. Н. Большаков. — Новосибирск: Наука, 1991. — С. 120 — 126.

2. О Сибирском пароходстве Тюменско-Томской водяной системы // Тобольские губернские ведомости. — 1857. — № 11. — С. 68 — 69.

БАШКИРЕВА Татьяна Юрьевна, заведующая библиотекой.

Статья поступила в редакцию 03.04.08 г.

© Т. Ю. Башкирева

УДК 930.1

Ю. Ю. ПАТЫЛИЦЫНА

Омский государственный университет им.
Ф. М. Достоевского

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЛИБЕРАЛЬНО-ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена характеристике современной отечественной историографии либерально-оппозиционного движения в Сибири в начале XX в. Показаны изменения в изучении проблемы, выделены вопросы, требующие дальнейшего исследования.

Изменения в общественно-политической жизни страны в 1990-е гг. положили начало новому этапу изучения либерально-оппозиционного движения в начале XX в. как в центре, так и на местах. Уход в прошлое советского режима, процессы демократизации политической системы сыграли важную роль в поисках подходов к изучению темы как комплексной проблемы, освобождении ее от идеологических штампов и стереотипов.

В условиях отхода от «единственно верной» марксистской схемы были предприняты успешные попытки издания энциклопедий и учебных пособий по истории партийно-политического движения в дореволюционной России [1]. В них изучению либеральных партий были посвящены объемные разделы, написанные с привлечением широкого круга опубликованных и архивных источников. Важным событием в историографии проблемы можно назвать публикацию работы «Первая революция в России: взгляд через столетие», подготовленной Институтом российской истории РАН [2]. Книгу отличает сочетание всего ценного, что было накоплено историками до 1991 г., и того нового, что стало доступным и возможным в современных условиях развития науки. Об усилении внимания к истории российского либерализма свидетельствует также проведение весьма представительных международных и общероссийских научных конференций и симпозиумов [3]. Главная цель таких конференций — не только знакомство с достижениями коллег, но и активизация исследований по важнейшим проблемам общественно-политической жизни в России. Изучению различных аспектов истории российского либерального движения посвятили свои работы В. В. Шелохаев, С. С. Секиринский и другие историки. Их наблюдения, аргументированные оцен-

ки и выводы позволяют обоснованно судить об эволюции идейных позиций либеральных партий, тех факторах, в силу которых потерпели неудачу попытки либералов реализовать свою модель социального переустройства на почве российской действительности [4].

История либерально-оппозиционного движения в начале XX в. получает основательное изучение и в региональной историографии. В этом плане следует выделить публикации уральского историка И. В. Нарского. На основе обширного круга источников, теоретических наработок зарубежной и отечественной исторической науки, им исследуется история российской провинциальной многопартийности в дореволюционный период, ее влияние на становление гражданского общества [5]. В ряду других проблем автор останавливается на деятельности кадетов в регионе, подробно анализирует отношения «главной российской либеральной партии» с представителями других политических партий, властями и обществом [6].

Определенные результаты на сегодняшний день достигнуты также в изучении либерально-оппозиционного движения в начале XX столетия на сибирской окраине Российской империи. На основе лишь количественных показателей можно говорить о большом интересе научного сообщества к указанной проблеме. Значительно увеличилось число публикаций, защищены кандидатские и докторские диссертации [7]. При этом заметно обогатилась источниковая база работ, чему способствовала серийная многотомная публикация документов центральных учреждений конституционно-демократической партии, «Союза 17 октября», а также хроник и материалов их региональных отделов [8].

В работах современных исследователей заметны и качественные подвижки в изучении проблемы. Так,

если раньше основное внимание историков привлекали события первой российской революции, то сегодня начинает разрабатываться история либералов Сибири на всем протяжении дореволюционного периода. Показательна в этом отношении исследовательская работа М. В. Шиловского. В учебных пособиях автору в значительной степени удалось систематизировать все наиболее известные данные о деятельности местных либералов и областников с момента их организационного оформления до ухода с политической арены [9].

Изменения коснулись также проблематики научных работ. Используя наработки историографии 1960-х — 1980-х гг., современные авторы от фактического описания перешли к аналитическому осмыслению событий и явлений. В результате исследователям удалось обрисовать предпосылки (как объективные, так и субъективные) формирования сибирских отделов либеральных партий, что положительно отразилось и на изучении самих этих политических организаций. Достаточно результативной, в частности, оказалась попытка В. В. Шелохаева, В. В. и В. Г. Третьяковых определить численность либерально-опозиционных партий в Сибири, что дало возможность более обоснованно судить о представительности их рядов в сравнении с другими политическими партиями, действовавшими на территории края [10].

В исследовательской литературе показаны отличия в социальном облике местных октябристов и кадетов (для отделов кадетской партии была присуща относительная демократичность состава, а для организаций «Союза 17 октября» характерен более высокий удельный вес буржуазии, чиновников и высокооплачиваемых слоев интеллигенции), определен организационный потенциал правого и левого флангов либерального движения. В этой связи очень важны подсчеты, проведенные О. А. Харусь, позволившие ей высказать суждение о наличии в рядах сибирских кадетов сравнительно широкого слоя представителей городских мелкобуржуазных слоев: около половины от общего числа участников, социальная принадлежность которых установлена. Это вносит коррективы в традиционные представления о кадетках как политической партии, которая объединяла в основном буржуазную интеллигенцию [11]. О. А. Харусь и другие авторы в то же время отмечают, что организационные возможности либералов были заметно ослаблены присутствием в их составе значительного числа случайных «попутчиков», «ведомых» членов кадетских и октябристских организаций [12].

В рамках изучения либеральной составляющей общественного движения в Сибири в начале XX в. в региональной историографии, как и в общероссийских исследованиях 1990-х — 2000-х гг., нашли специальное освещение также вопросы о мировоззренческих позициях представителей либерального лагеря. Наиболее полно данные сюжеты рассмотрены в монографии О. А. Харусь. Анализируя научные и публицистические работы вузовской интеллигенции Томска, исследователь выделяет как сильные моменты в мировоззренческой парадигме либералов (системность, органическая взаимосвязь ее компонентов), так и ее слабые стороны (элементы утопизма, предпочтение политическим вопросам в ущерб социально-экономическим проблемам). Специальное изучение «мировоззренческих вопросов» позволило современным авторам с большей основательностью подойти к анализу программных положений и тактики кадетских и октябристских организаций. Впервые столь подробно освещены подходы левого и правого

флангов либерального движения к решению насущных общероссийских и местных социально-экономических и политических проблем [13]. О. А. Харусь выделяет очень важное обстоятельство, отличавшее программные установки сибирских кадетов и октябристов. «Традиционализм октябристов, — указывает автор, — контрастировал с массовыми настроениями в пользу радикальных изменений, набравшими силу по мере углубления общенационального кризиса. Осознание этого противоречия обусловило декларативность программных положений октябристских организаций по социально-экономическим проблемам» [14]. Кадетские проекты социально-экономических преобразований, по оценке автора, напротив, «отличал детализированный подход к обоснованию предлагавшихся вариантов». В них к тому же содержались и практические предложения по осуществлению намечавшихся мер. При этом, как считает О. А. Харусь, «наиболее отчетливо прагматичность кадетов Сибири проявилась, пожалуй, в постановке региональных проблем», поскольку «тщательный учет специфики социально-экономического развития края являлся характерной чертой их проектов» [15]. Отмеченный вывод обогащает характеристику программных положений левого и правого флангов местного либерализма, кроме того, он дает возможность с большей точностью ответить на вопрос: почему кадеты гораздо сильнее октябристов могли влиять и влияли на общественное мнение в Сибири.

В новейшей литературе значительно глубже рассматривается опыт практической деятельности местных либералов на этапе демократической революции. Практически до конца 1980-х гг. исследователи в основном ограничивались освещением участия либералов в думских избирательных кампаниях и в представительных организациях буржуазии. Теперь же, благодаря публикациям В. В. Воробьева, Д. И. Попова, А. П. Толочко и других исследователей, прослежены их работа в культурно-просветительских обществах, обществах обывателей и избирателей, сотрудничество в периодической печати и т. п. [16]. Указывая на большую результативность практической деятельности кадетов по сравнению с октябристами, современные авторы в то же время обоснованно заявляют, что и первым не удалось в конечном итоге решить задачу формирования социокультурной среды, готовой поддержать либеральные реформы. Именно отсутствие широкой социокультурной среды заставляло кадетов стремиться к заключению соглашений по целому ряду вопросов с различными политическими силами (за исключением черносотенцев).

Таким образом, анализ современной литературы, посвященной либерально-опозиционному движению в Сибири в начале XX в., показывает, что освобожденные от идеологического давления историки, опираясь на широкий круг источников, проделали значительную работу в деле научного изучения и теоретического осмысления организации, идеологических воззрений, тактической линии и практической деятельности либералов. Все это дало возможность исследователям прийти не только к более обоснованным суждениям по отдельным аспектам темы, но и по-новому взглянуть на роль представителей либерализма в общественно-политической жизни региона.

Тем не менее, несмотря на заметные успехи, достигнутые к настоящему времени в изучении темы, остаются вопросы, требующие дополнительной разработки. Так, весьма актуален поставленный в некоторых публикациях вопрос об отношении кадетов

Сибири к авторам сборника «Вехи» и их идеям [17]. Его решение способно не только внести дополнительный штрих в осмысление мировоззренческой парадигмы сибирских либералов, но и конкретизировать в той или иной мере представления об эволюции идейных позиций сторонников кадетской партии.

Думается, что не менее перспективным является и изучение персоналий либерального движения в Сибири начала XX в. В общероссийской историографии (как впрочем, и в региональной) активно изучается деятельность представителей российского либерализма, таких как А. И. Гучков, П. Н. Милюков и некоторых других. В сибирской историографии исследователи уделяют внимание в основном личности Г. Н. Потанина. Но изучение его жизненного пути имеет определенные особенности: исследователи, как правило, разделяют научную и общественно-политическую деятельность. Даже в работах, претендующих на отражение всего творческого пути этого деятеля, говорится лишь об одном из указанных направлений его жизни. Кроме того, нередко встречаются прямо противоположные оценки общественно-политической деятельности Г. Н. Потанина. Это, по-видимому, объясняется полярными суждениями о сибирском областничестве. Лишь в новейших публикациях видны попытки если не устранить, то хотя бы свести к минимуму односторонние оценки и суждения, «восстановить историческую справедливость», показать всю полноту и значимость этого идеолога областничества в научной и общественно-политической жизни страны и региона второй половины XIX — начала XX вв. [18]. Что же касается изучения «жизненных коллизий» других представителей либерально-оппозиционного движения в Сибири в начале XX в., то такая работа только начинается. Так, В. В. Шелохаев, М. В. Шиловский и Ю. П. Родионов опубликовали очерки о жизни и деятельности профессора Томского технологического института, депутата III и IV Государственных дум от Томской губернии, известного деятеля кадетской партии Н. В. Некрасова [19]. Е. А. Дегальцева и А. В. Ремнев посвятили статьи характеристике общественно-просветительской деятельности местных либералов В. Н. Пепеляева и С. В. Востротина [20]. Однако отмеченные работы в исследовательской литературе являются пока единичными. В имеющихся публикациях встречаются лишь разрозненные сведения о жизненном пути таких видных представителей либерального лагеря в Сибири, как, например, В. А. Караулов, Е. А. Зубашев и некоторых других. История не может быть безликой. Знание же судеб ее непосредственных творцов позволяет лучше понять сам ход исторического процесса.

Дальнейшее изучение указанных вопросов бесспорно необходимо, а это означает, что перспективы для последующей исследовательской деятельности по-прежнему достаточно широки.

Библиографический список

1. Политическая история России в партиях и лицах. — М., 1993. — 363 с.; История политических партий России. — М., 1994. — 447 с.; Политические партии России: Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. — М., 1996. — 872 с.
2. Первая революция в России: взгляд через столетие. — М., 2005. — 602 с.
3. В декабре 1992 г. в Москве состоялась научная конференция на тему: «Россия: есть ли у либерализма шанс?»; в феврале 1995 г. — конференции «Современная социальная концепция: либеральное видение»; «Либерализм в России».
4. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX в.). — М., 1995. — 286 с.; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907 — 1914 гг. — М., 1991. — 232 с. и др.
5. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России). — Ч. 1 — 2. — Челябинск, 1995. — 366 с.; Он же. Политические партии в российской провинции (Урал, 1901 — 1916): шанс демократизации или модификация авторитарной действительности? // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII — XX веках. — Челябинск, 1997. — С. 122-145.
6. Нарский И.В. Кадеты на Урале в революции 1905 — 1907 гг. — Свердловск, 1991. — 148 с.
7. Воробьев В.В. Либерально-буржуазная периодическая печать в Сибири в общественно-политической жизни края в 1907 — 1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 1996. — 23 с.; Макарьева Н.В. Либерализм в Сибири 1890 — 1907 гг.: проблема типологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 1999. — 22 с.; Попов Д.И. Культурно-просветительные общества как объект организаторской и пропагандистской работы партийно-политических сил в Сибири (1907 — 1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 2000. — 23 с.; Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Томск, 1998. — 47 с.; Шиловский М.В. Сибирское областничество во второй половине XIX — начале XX веков: автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Новосибирск, 1992. — 34 с.
8. Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций, заседания ЦК. 1905 — 1915 гг. В 2 т. Т. 1. — М., 1996. — 408 с.; Т. 2. — М., 2000. — 511 с.; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905 — 1920 гг. В 3 т. Т. 1. — М., 1997. — 743 с.; Т. 2. — М., 2000. — 655 с.; Т. 3. Кн. 1. — М., 2000. — 831 с.; Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895 — 1917 гг. — Вып. 1. — Томск, 1994. — 143 с.; Вып. 2. — Томск, 1995. — 188 с.; Толочко А.П., Буктугутова Р.С. Общественное движение в Степном крае в 1895 — марте 1917 гг.: Хроника, материалы, документы. — Омск, 2004. — 130 с. и др.
9. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX века. — Вып. 1. Областники: учеб. пособие. — Новосибирск, 1995. — 138 с.; Он же. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX века. — Вып. 2. Либералы: учеб. пособие. — Новосибирск, 1995. — 76 с.
10. Третьяков В.В., Третьяков В.Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905 — 1917 гг. — Иркутск, 1997. — 240 с.; Шелохаев В.В. Численность и состав кадетской партии // Политические партии России в период революции 1905 — 1907 гг. Количественный анализ: сб. статей. — М., 1997. — С. 96 — 142; Он же. Численность и состав партии октябристов // Там же. — С. 143 — 183.
11. Харусь О.А. Кадетские и октябристские организации в Сибири: опыт реконструкции социокультурного облика // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX века. — Омск, 1997. — С. 33.
12. Там же. — С. 45.
13. Макарьева Н.В. Социально-экономическое развитие Сибири в программах либеральных деятелей России и Сибири рубежа XIX — XX вв. // Проблема экономики и социальных отношений Сибири (вторая половина XVIII — 20-е годы XX вв.). — Омск, 1998. — С. 57 — 63; Макарьева Н.В., Либуркин В.Н. Политическая программа сибирских либералов в 1890 — 1907 гг. // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». — Вып. 3. — Омск, 1999. — С. 289 — 297 и др.
14. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. — Томск, 1996. — С. 190.
15. Там же.
16. Воробьев В.В. Либеральная периодическая печать в общественно-политической жизни края (1907 — 1914 гг.): учеб. пособие. — Омск, 2003. — 124 с.; Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX — начале XX вв.: моно-

графия. — Омск, 2006. — 512 с.; Толочко А.П. Общества обывателей и избирателей в Сибири как форма организации периферийного отряда российских либералов в начале нового революционного подъема // Русский вопрос: история и современность: матер. док. Всерос. науч. конф. — Омск, 1993. — С. 59—63 и др.

17. См.: Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в.: монография. — Омск, 2001. — С. 59.

18. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. — Новосибирск, 1991. — 231 с.; Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: биографический очерк. — Новосибирск, 2004. — 244 с.

19. Родионов Ю.П. «Чужой среди своих» // Судьба России: образование, наука, культура. — Екатеринбург, 2000. — С. 321—323; Шелохаев В.В. Николай Виссарионович Некрасов // Вопросы истории. — 1998. — № 11—12. — С. 80—95; Шиловский М.В., Некрасов Н.В. (страницы биографии) // Из прошлого Сибири. — Вып. I. Ч. 2. — Новосибирск, 1994. — С. 26—37.

20. Дегальцева Е.А. Виктор Николаевич Пепеляев: общественно-просветительские аспекты биографии // Вопросы истории Сибири XX века: межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 1999. — С. 37—42; Ремнев А.В. Областные терзания сибирского кадета (Сибирь в неопубликованных воспоминаниях С.В. Востротина) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: матер. V регион. науч.-метод. конф. — Омск, 2004. — С. 132—138.

ПАТЫЛИЦЫНА Юлия Юрьевна, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документо-ведения.

Статья поступила в редакцию 17.04.08 г.

© Ю. Ю. Патылицина

УДК 93

Е. В. КОВАЛЬ

Омский государственный университет им.
Ф.М. Достоевского

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ФАМИЛИЯ В ОЦЕНКАХ АВТОРОВ АПОЛОГЕТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

В статье представлены особенности апологетической литературы дореволюционного периода, посвященной Российскому Императорскому дому, оказавшие наибольшее влияние на обывденное сознание эпохи, политическую, партийную и научную литературу. В статье дана критика этих апологетических оценок, показаны их сильные и слабые стороны.

Среди многообразия литературы о Российском Императорском доме XIX — начала XX вв. наиболее заметна так называемая апологетическая историческая литература. Рассмотрим построения авторов-монархистов.

В первую очередь, это работы, направленные на характеристику всего Дома Романовых. В представлении авторов «Дом Романовых» включает в себя прежде всего царствовавших монархов. Во внимание не берутся остальные члены императорской фамилии, то есть отпрыски царствовавшего дома. Среди таких работ можно отметить сочинения З. Воробьева, А. А. Иванова, В. В. Функе и др. [1]. В них дается представление о том, каким образом на российском престоле оказалась династия Романовых и как управляли страной представители этой династии. Например, в работе Д. Жолчина «Царственный Дом Романовых. Исторический очерк России от воцарения Дома Романовых и до наших дней» охвачен период от Смутного времени до царствования императора Александра III, положительно охарактеризованы государи и их деятельность. обстоятельно рассматривается царствование каждого самодержца, начиная с Михаила

Федоровича Романова и заканчивая императором Николаем II, в исследовании В. В. Назаревского «Чтения из истории Царствующего Дома Романовых. 1613—1913». Историк также предлагает иллюстрации различных достижений России и русского народа в различных областях в контексте деятельности династии Романовых. Будучи убежденными монархистами, полагая, вслед за Н.М. Карамзиным, что Россия спасется самодержавием, эти авторы занимают откровенно апологетические позиции по отношению к Дому Романовых. Они, конечно, видят разницу в последствиях для России правления того или иного монарха, но, во-первых, охотно извиняют все недостатки, поскольку сосредоточились на достоинствах, а во-вторых, разница в оценках колеблется между превосходными степенями («мудрейший», «великий») и более скромными, но очень высокими, оценками. Такой же подход характерен для историков-монархистов, изучавших более частные сюжеты.

Так, целый ряд исследований, посвященных коронационным торжествам и 300-летию Дома Романовых. Многие труды были опубликованы накануне коронации императора Николая II. Из обилия работ,

посвященных теме коронационных торжеств российских монархов, следует отметить очерк И. Н. Шантга «Коронования царей: ко дню предстоящего венчания на царство Их Императорских Величеств Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Федоровны», который написан в особо торжественном стиле, в духе восхваления и почтения к царствующему императору и его супруге, и начинается следующими словами: «Наступает великий день торжества всей России, день Священного коронования Государя нашего Императора Николая Александровича и достойной Помощницы во всех Его благих начинаниях Государыни Императрицы Александры Федоровны» [2]. В очерке представлены церемонии коронации у древних народов: египтян, индейцев, персов, греков, римлян, китайцев, турок и евреев. Целью очерка является сплочение народа и императора перед лицом столь важного и праздничного события в жизни государства. Другое издание, вышедшее в 1896 г. и переизданное позднее, «Сказание о венчании русских царей и императоров», составлено П. П. Пятницким, напрямую посвящено последнему российскому императору и его супруге. В том же году было опубликовано сочинение «Священное коронование русских государей» А. Аскарханова и многие другие работы [3]. Одни исследователи больше ориентируются на историю церемониала, функции, принадлежности царской власти [4], другие больше повествуют о самом процессе венчания царей на царство у разных народов [5], третьи уделяют основное внимание коронационным торжествам в Российской империи [6]. Авторы — адепты самодержавия по крайней мере последовательны. А. С. Извеков в своем труде «Священное коронование русских императоров на царство», вышедшем в 1897 г., описывая коронацию последнего российского императора и его супруги, уделяя внимания коронационным торжествам, никоим образом не упоминает о случившейся в то время ходынской катастрофе.

Интересно, что наряду со стандартным изложением коронаций русских царей и императоров, начиная от Михаила Федоровича, в работе П. Воздвиженского «Священное коронование и венчание на царство русских государей с древнейших времен и до наших дней» встречаются такие понятия как «царская фамилия» и «августейшая фамилия» [7]. Это нехарактерные для изложения подобного рода материала термины использовали, думается, потому, что в подобных работах внимание авторов главным образом сосредоточено на личностях правящих монархов, а не на их родственном окружении. В работах такого рода крайне редко встречается упоминание об императорской фамилии или отдельных ее представителях.

Торжества по случаю трехсотлетия царствования Дома Романовых также привлекали исследователей, написавших значительное количество работ по этому поводу [8]. В. В. Назаревский в работе «Значение Романовского периода в русской истории. 1613 — 1913» разъясняет величие Дома Романовых и могущественное положение России в царствование самодержцев этого дома, превозносит деятельность каждого правителя, в том числе и последнего российского императора Николая II, говорит о просвещении народа. «Триста лет правления Романовых дали удивительный, по своей силе и блеску, расцвет Русского государства», — пишет автор, добавляя, — «... не только необычный рост пространства Русской державы знаменуют собою время правления этой Династии, но и культурный завоевания в области наук и искусств и заставляют нас гордиться этим трехсотлетием» [9].

В брошюре «Дом Романовых (1613 — 1913)», вышедшей в 1914 г., кратко даны история восшествия на престол Михаила Федоровича и достижения каждого из царствовавших государей. В заключение же говорится: «Россияне! В нынешний знаменательный для России день пожелаем, чтобы потомство Дома Романовых управляло Россией еще многия столетия и тысячелетия! Пусть государи из Дома Романовых будут мудрыми правителями России и пусть ведут они народы, составляющие единое русское государство, мирной, трудовой дорогой к свету, преуспеянию во всех областях, мощности и силе! Ура!» [10].

Было опубликовано множество работ, специально прославлявшие именно императора Николая II. Среди них труд Н. И. Ефимова «Исторические устои верховной власти дома Романовых». Автор воспекает русских царей и русский народ, выделяет положительные стороны самодержавного строя в России, объясняет особую миссию русских во внешней политике. В речи также говорится о православии, его влиянии на государственную жизнь, об идеалах царей династии Романовых и о личных качествах последнего самодержца: «В настоящее время, (...) над всеми нами висит изумительно-мягкий, кристально-чистый, пленительный образ Царя, воплотившего в себе лучшие черты Народности и Дома Романовых. Я не дерзну оценивать его государственную деятельность, производить ей разработку, для которой, во-первых, еще не спрело время и в которой, во-вторых, совершенно нет надобности, ибо события царствования нашего обожаемого Монарха еще у всех свежи в памяти, великия блага, оказанные им России, у всех на глазах. Я позволяю себе отметить лишь одну сторону в личности нашего Государя. Ни для кого не тайна, что его царствование не было безмятежным. Крупные исторические эпохи, в роде пережитой или переживаемой нами, эпохи «переходныя», критическая, сопровождаемые поворотами колеса истории, никогда вообще не отличаются ни безмятежным благополучием, ни безмятежным покоем. Они знаменуются обыкновенно крайним напряжением народных сил, тяжелыми или — как выражался Петр Великий — несносными трудами, сильным умственным брожением, обилием нравственных скитальцев, борьбою противоположных начал. Может ли быть речь о безмятежном покое, когда внутренние враги нашего Отечества и союзные с ними евреи, финляндцы, поляки и др. инородцы почти с первых дней царствования нашего Государя, не предполагая встретить в нем твердости духа и мужества воли его великаго отца, подняли свою голову и стали домогаться осуществления своих планов относительно разрушения векового, исконного Русского государства и экономического строя, вскормившаго единую, сильную и могучую Россию» [11].

На фоне обобщающих трудов по истории самодержавной России отдельное место занимают работы, посвященные отдельным монархам. В частности, императорам XIX — начала XX вв. уделено внимание в сочинениях К. Бороздина, В. В. Барятинского и др. [12]. В статье «Император Николай I и Польша», опубликованной в «Русской старине», представлены отношения к полякам со стороны Екатерины II и Александра I, но основное внимание уделено расхождению во взглядах на польское государственное устройство у императора Николая I и великого князя Константина Павловича. Также можно отметить работу И. Н. Божерянова «Детство, воспитание и лета юности русских императоров», изданную для наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича.

В работах, вышедших до революции, все-таки основное внимание уделялось личностям императоров, их деятельности, событиям их жизни и царствования. В меньшей степени рассматривались родственники российских монархов, будь то императрицы или дети царя. Работы, характеризующие отдельных представителей императорской фамилии, встречаются гораздо реже, но тем не менее они есть. В статье Ф. Ф. Шимана «Император Александр Павлович и его двор в 1804 г.» дается характеристика не только императора Александра I, но и его супруги Елизаветы Алексеевны, вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великого князя Константина Павловича. Последнему посвящена также статья в «Русской старине» за 1900 г. «Цесаревич Константин Павлович (Историческая характеристика)». Вкратце повествуется о каждой представительнице императорской фамилии накануне предстоящего юбилея трехсотлетия царствования Дома Романовых в месяцеслове на 1913 год, составленном под руководством последней российской императрицы Александры Федоровны [13].

В дореволюционной историографии представлены также работы, посвященные, например, императорскому двору, церемониалу, царским забавам и пр. Среди них можно отметить исследования Н. Е. Волкова «Двор русских императоров в его прошлом и настоящем», А. Е. Зарина «Любимые местопребывания русских государей» и «Царские развлечения и забавы за 300 лет», С. М. Любецкого «Бракосочетание русских великих князей. Церемониалы, празднества и увеселения в Петербурге и Москве», а также другие работы [14]. В работе Н. Е. Волкова даются краткие биографические сведения о служивших при дворе людях, чинопроизводстве и этикету при императорском всероссийском дворе. А. Е. Зарин уделяет внимание истории создания и событиям, связанным с тем или иным дворцом. Речь идет о местах, связанных с именами монархов, что касается сведений о членах императорской фамилии, то они зачастую отсутствуют. В книге «Царские развлечения и забавы за 300 лет» описана лишь часть домашней жизни государей из Дома Романовых, главным образом, забавы и развлечения царей, такие, как охота, стрельба, шахматы, театр, а также расположение каждого государя к тому или иному роду развлечений. В работе С. М. Любецкого речь идет об обручении и бракосочетании Павла Петровича и Марии Федоровны, Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны. Коротко говорится о бракосочетании Константина Павловича и Анны Федоровны, об обручении и бракосочетании Николая Павловича и Александры Федоровны. В книге «Придворная жизнь 1613 — 1913: Коронация, фейерверки, дворцы» речь идет о том, как менялась придворная жизнь на протяжении трех столетий, выделены особенности придворной жизни при разных царях. Интересным является термин для обозначения императорской фамилии — «Высшая фамилия».

Таким образом, можно прийти к выводу, что в вопросе освещения жизни и деятельности российских монархов даже апологетически настроенные историки не предлагали однозначных оценок. Дореволюционных исследователей интересовали разные аспекты царской жизни — от коронаций и юбилейных торжеств, посвященных 300-летию царствования Дома Романовых, до увеселений и царских забав. Авторы стремились быть объективными, но время от времени их захлестывали чувства патриотизма и любви к царю и России, что сказывалось на характере и качестве работ. Было бы неверным полагать, что такие работы носили сугубо научный характер, на-

против, в большинстве случаев они имели публицистическое содержание. В силу этого они были востребованы. Даже признанные научным сообществом авторы отдали должное апологетическому направлению. Нельзя отрицать и некий научный вклад апологетов в рассмотрение вопросов, связанных с Императорской фамилией. Они смогли не только собрать факты, но и составить в широких хронологических рамках любопытное повествование, уникальное еще потому, что ни в советский, ни в постсоветский периоды этим сюжетам не уделялось внимания. Так или иначе, но апологеты смогли поставить вопрос об Императорской фамилии в отечественной исторической науке.

Библиографический список

1. Воробьев, З. Краткий обзор царствования Благословенного Дома Романовых. — Изд. 3-е — СПб: [б. и.], 1854 — 56 с.; Царственный дом Романовых. Важнейшие события русской истории с 1613 года до настоящего времени. — Изд. для народа. — Варшава: тип. Варшавск. учеб. окр., 1872. — 72 с.; Жолчин, Д. Царственный Дом Романовых. Исторический очерк России от воцарения Дома Романовых и до наших дней. Чтения для училищ, школ, семьи, войска и народа. С 16 портр. государей. — СПб: тип. Р. Глике, 1900. — 140 с.; Назаревский, В.В. Чтения из истории Царствующего Дома Романовых. 1613 — 1913. Издание Училищного Совета при Святейшем Синоде. — Вып. III — IV. — СПб: [б. и.], 1911; Иванов, А.А. Царственный Дом Романовых / А.А. Иванов; собрано изд. М.Н. Немченко. — СПб: [б. и.], 1912. — 48 с.; Царствующий Дом Романовых; под глав. ред. В.В. Функе. — М.: т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. — 419 с.; В память трехсотлетия царствования Державного Дома Романовых. — М.: тип. В.М. Саблина, 1914; Плахов, П. Царственный дом Романовых. — Киев: [б. и.], [б. г.] — 49 с.
2. Шантгай, И.Н. Краткий исторический очерк коронования царей. Ко дню предстоящего венчания на царство из императорских величеств государя императора Николая II и государыни императрицы Александры Федоровны. — Варшава: тип. К. Ковалевского, 1896. — С. 3.
3. Шантгай, И.Н. Указ. соч.; Сказание о венчании русских царей и императоров / П.П. Пятницкий. — Репринт. изд. — М.: [б. и.], 1896 — 108 с.; Аскарханов, А. Священное коронование русских государей. — М.: [б. и.], 1896; Венчание русских государей на царство. — Вильна: Виленское свято-духовное братство, 1896. — 36 с.; Георгиевский, Г.П. Коронование русских государей. — М.: т-во И.Д. Сытина, 1896. — 120 с.; Священное коронование русских царей и цариц. Издание А.А. Силаева. — М.: [б. и.], 1896. — 32 с. и др.
4. Священное коронование русских царей и цариц. Издание А.А. Силаева. — М.: [б. и.], 1896. — 32 с.; О священном короновании и его действиях. — М.: [б. и.], 1896.
5. Шантгай, И.Н. Указ. соч.
6. Токмаков, И.Ф. О священном короновании русских царей. — М.: К.И. Тихомиров, типо — лит. т-во И.Н. Кушнерев и Кс, 1896. — 16 с.; Воздвиженский, П. Священное коронование и венчание на царство русских государей с древнейших времен и до наших дней. — СПб. — М.: т-во М.О. Вольф, 1896. — 159 с.; Белозерская, Н. Царское венчание в России. — СПб: [б. и.], 1896 — 92 с.; Извеков, А.С. Священное коронование русских императоров на царство. — Варшава: [б. и.], 1897 — 20 с.; Священное коронование русских государей / С. Дедов. — Изд. 4-е. — СПб.: [б. и.], 1911. — 32 с. — (с 8 картинками); Царственный Дом Романовых (1613 — 1913). — Одесса: Издание Бланкиздательства М. Шпенцера, 1913. — 32 с.
7. Воздвиженский, П. Священное коронование и венчание на царство русских государей с древнейших времен и до наших дней. — СПб — М.: т-во М.О. Вольф, 1896. — С. 62, 83.
8. Торжественное собрание в день 300-летия Царствования Державного Дома Романовых. Четверг, 21 февраля 1913 года. «О Царственном Доме Романовых за 300 лет»: (историческая

справка), данная воспитанницей спец. доп. класса В. Поповой. — Казань : [б. и.], 1913; Назаревский, В.В. Значение Романовского периода в русской истории. 1613—1913. — Изд. комиссии по организации чтений для рабочих. — М. : [б. и.], 1914; Дом Романовых (1613—1913). — Кишинев : Издание Н.Г. Матрика, 1914. — 4 с.; Ефимов, Н.И. Исторические устои верховной власти Дома Романовых: Речь, произнесенная на торжественном акте Симбирской Мужской гимназии 21 февраля 1913 года. — Симбирск : типо — лит. А.Т. Токарева, 1914. — 126 с.

9. Назаревский, В.В. Значение Романовского периода в русской истории. 1613—1913. — М. : [б. и.], 1914. — С. 24.

10. Дом Романовых (1613—1913). — Кишинев : Издание Н.Г. Матрика, 1914. — С. 2.

11. Ефимов, Н.И. Указ. соч. — С. 41.

12. Бороздин, К. К характеристике императора Александра I (рассказ князя А.О. Орлова) // Исторический вестник: ист.-лит. журнал. — 1897. — Т. 68. — № 5. — С. 471—476; Барятинский, В.В. Царственный мистик. — Б.м. : [б. и.], 1912 — 146 с.; Император Николай I и Польша // Русская старина. — 1900. — Т. 101. — № 1. — С. 281—306; № 2. — С. 517—544; Что дал император Николай II русскому народу : Изд. для народа и войск. — СПб. : т-во Р. Голике и А. Вильберг, 1905. — 30 с.; Божерянов, И.Н. Детство, воспитание и лета юности русских императоров. Издано в память десятилетия со дня рождения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича. Издание общества попечения о бесприютных детях, на усиление средств по призрению в учреждениях приюта имени Ее Императорского Высочества Великой Княжны Марии Николаевны детей воинов, призванных для защиты Родины. — Пг. : [б. и.], 1915.

13. Шиман, Ф.Ф. Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. // Русская старина. — 1880. — Т. 29. — № 12. — С. 793—

822; Цесаревич Константин Павлович (Историческая характеристика) // Русская старина. — 1900. — Т. 101. — № 3. — С. 619—641; Царственные женщины Дома Романовых. Месяцеслов на 1913 год. СПб. : [б. и.], [1913] и др.

14. Волков, Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. — СПб. : печатня Р. Голике, 1900. — 246 с.; Зарин, А.Е. Любимые местопребывания русских государей. — СПб. : кн-во «Сельск. вестника»; М. : т-во И.Д. Сытина, 1913. — 128 с.; Он же. Царские развлечения и забавы за 300 лет (охота, шуты и скорморохи. Театры. Балы и маскарады. Увеселительные прогулки. Карты, лото и другие игры). Исторические очерки. — СПб. : кн-во «Сельск. вестника»; М. : т-во И.Д. Сытина, 1913. — 148 с.; Любецкий, С.М. Бракосочетание русских великих князей. Церемониалы, празднества и увеселения в Петербурге и в Москве. — М. : Унив. тип. (Кратков и Кс), 1866. — 24 с.; Придворная жизнь 1613—1913 : Коронации, фейерверки, дворцы. — СПб. : Кружок любителей изящных изданий, 1913. — 103 с.; О вторичном погребении Императора Петра III // Русский архив : ист.-лит. сб. — 1871. — Кн. 1. — Вып. 1. — Стб. 2066—2073; Рассказы и черты из жизни русских императоров, императриц и великих князей / И.В. Преображенский. — [Репринт воспроизведение издания 1901 г.]. — М. : Учеб. — науч. произ. центр «Познание», 1990. — 233 с.

КОВАЛЬ Екатерина Владимировна, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.

Статья поступила в редакцию 17.04.08 г.

© Е. В. Коваль

УДК 947.1/9 (471.62)

А. В. ГАЙВОРОНСКАЯ

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ОФИЦЕРОВ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению таких сторон жизни офицеров Кубанского казачьего войска второй половины XIX — начала XX веков, как военное образование, занятие науками, литературная деятельность, участие в общественной жизни войска, досуг и развлечения вне службы. Затронутые вопросы позволили обозначить некоторые особенности социально-культурного облика кубанского офицера и сделать предварительные выводы.

Происходящее в последние годы усиление общественного интереса к истории казачества и возвращение внешних атрибутов и традиций Кубанского казачьего войска делает закономерным обращение исследовательского внимания, прежде всего, к традициям воинской службы кубанского офицерского корпуса (О. В. Матвеев, Б. Е. Фролов, К. С. Чикаева и др.). Между тем такого же внимательного отношения требует и история повседневной жизни казачьих офицеров — воспитание, образование, семейные традиции, времяпрепровождение вне службы. Обращение к освещению быта кубанских офицеров позволит расши-

рить и дополнить сложившиеся представления о принятых в офицерской среде взаимоотношениях, правилах и манерах поведения, интересах, привычках, развлечениях — всего того, что формировало облик офицера Кубанского казачьего войска, подчёркивало его своеобразие и указывало на его общественный статус.

Хронологические рамки не случайны. В это время в России начинается период реформ, в том числе происходят значительные военные преобразования. Для Кубани вторая половина XIX столетия становится началом мирной жизни и открывает новую страницу в истории кубанского офицерства. Перемены затра-

гивают практически все стороны каждодневной жизни офицеров войска. В эти годы для кубанских офицеров и казаков открываются широкие перспективы для получения серьёзного военного образования, а путь к офицерскому званию теперь связан с последовательным получением специального образования в военных учебных заведениях. По утверждению современников, «с развитием военно-учебных заведений представлялось менее надобности в офицерах, производимых из выслуживающихся, но лишённых всякого образования нижних чинов. Постепенно изменились прежние основания, принятые для производства в офицеры, именно установилось производство в первый офицерский чин на основании прав по образованию, определяемых выдержанием установленного экзамена; производство без экзамена допускались в виде редкого изъятия, только за отличия военного времени» [1]. Однако таких офицеров могли повысить в следующий чин только после офицерского экзамена [2]. Для офицеров Кубанского казачьего войска успешная военная карьера часто начиналась с производства в первый офицерский чин как раз за боевые заслуги. Так, генерал П. Д. Бабыч не имел специального военного образования, генерал-майор Н. И. Вишневецкий свой первый офицерский чин получил «за доблесть в боях с разбойничающими горцами» [3], полковник Л. Я. Вербицкий чин хорунжего получил «доблестно участвуя в стычках против горцев», и только позже ему была предоставлена возможность получить более серьёзную военную подготовку [4].

Сразу хотелось бы подчеркнуть то, что к середине XIX века, когда образовательные требования усиливались, большинство офицеров Кубанского казачьего войска испытывало явный недостаток не только специального военного, но и начального образования. Например, в 1846 году наказный атаман жаловался на то, «что имея в войске много хороших боевых офицеров, он совсем беден офицерами, сведующими в письмоводстве» [5]. Через тридцать лет так до конца и не разрешённую проблему с пробелами в образовании казачьих офицеров сами офицеры войска объясняли следующим образом: «Кавказская война и служба, выпавшая на долю казаков во время её, не требовала от офицеров Кубанского войска научных военных сведений, поэтому большая половина находящихся теперь в строевых частях получила, так сказать, лишь практическую боевую подготовку, а остальная часть офицеров произведённых по покорении Кавказа хотя и держала экзамен на получение офицерского чина, но испытания делались им скорей для соблюдения правил, чем для убеждения в действительном знании положенных предметов. Снисходительность эта оправдывается главным образом не достаточно до комплектного числа офицеров и не менее важной причиной, это совершенном отсутствии руководств и руководителей, имея которые каждому Уряднику легко было бы приготовиться к экзамену» [6]. Сложная ситуация с образованием отчасти объясняла тот факт, что «с самых давних времён в кавказских казачьих частях командирами полков назначались постоянно штаб-офицеры из регулярных войск» [7]. Такой взгляд у начальства держался до 50-х годов, когда наказный атаман генерал-майор Рудзевич вошел, наконец, с ходатайством о том, чтобы впредь регулярных штаб-офицеров переводить в казачьи полки с большой разборчивостью и «в мере крайней необходимости», собственно на пополнение некомплекта. Рудзевич ходатайствовал, чтобы казачьи штаб-офицеры, даже не воспитывавшиеся в военно-учеб-

ных заведениях, но вполне способные и достойные, могли быть назначаемы командирами полков. «Не всякому офицеру, — сказано в рапорте, — представится возможность, по не зависящим от него обстоятельствам получить образование именно в каком-либо кадетском корпусе, но и при домашнем образовании и природных способностях, продолжая службу с усердием и отличием и обнаруживая все достоинства хорошего полкового командира, он лишается на это права. Видя крайним пределом своего поприща чин войскового старшины, отличнейший есаул делается весьма нередко посредственным штаб-офицером, не подстрекаемый надеждою на что-либо лучшее, он естественно падает духом, слабеет в усердии и охлаждается к службе» [8].

В 70-е годы ситуация с образованием в офицерской среде начинает улучшаться во многом благодаря появлению дополнительных учебных заведений, которые целенаправленно готовили офицеров для казачьих войск — Оренбургское и Ставропольское (закрыто в 1896 году) казачьи училища, Елисаветградское и Тверское кавалерийские училища, казачья сотня Николаевского кавалерийского училища. Повышение квалификации офицеров происходило в офицерских школах, где были открыты казачьи отделы, а высшее военное образование казачьи офицеры могли получить в Николаевской академии Генерального штаба.

Условия приёма в военные учебные заведения были обозначены в Своде военных постановлений [9]. На поступление в казачьи училища имели право молодые люди, принадлежащие к войсковому сословию, как состоящие на действительной службе, так и нет. Серьёзные ограничения существовали для поступления в Пажеский Его Императорского Величества корпус, «куда могли вступать лишь дети или внуки чинов Царской свиты, генералов и генерал-лейтенантов», а также в Николаевское кавалерийское училище, «куда принимались преимущественно дети потомственных дворян» [10]. Большим желанием многих молодых казаков было поступление в Николаевское училище в столице. Так описывал столь важный момент в своей жизни А. Г. Шкуро: «Моей заветной мечтой было попасть в Николаевское кавалерийское училище; для этого нужно было иметь не менее девяти баллов по наукам и восьми за поведение; мои же успехи, как в том, так и в другом, оценивались значительно ниже. Я принялся с рвением за учение, окончил корпус достаточно успешно и был принят в Николаевское кавалерийское училище, в его казачью сотню» [11].

При первой возможности родители стремились определить сыновей в эти учебные заведения. Для подготовки к экзаменам обычно брали частные уроки, а в качестве преподавателей обращались к офицерам в отставке или к студентам. Заметным итогом постоянно увеличивающегося числа обучающихся в специальных военно-учебных заведениях, со временем оказалось то, что в дополнение к основной традиции служения и наследования военной профессии, в казачьих семьях появилась новая семейная традиция — преемственность в получении военного образования несколькими поколениями одной семьи.

В это же время вопрос о повышении уровня образования офицерского корпуса армии и поощрение стремления офицеров к самообразованию явился одной из причин появления и распространения военных офицерских собраний в Кубанском казачьем войске. Участвуя в обсуждении необходимости и своевременности открытия офицерских собраний в войске, Атаман Темрюкского Военного отдела писал

следующее: «Нельзя не согласиться, что такие учреждения (но без казённого характера) по истине благотворительно бы повлияли бы на офицерское общество, в особенности же в среде гг. казачьих офицеров, которые по своеобразности их домашнего и школьного воспитания и по особым условиям семейной и общественной жизни далеко ещё не удовлетворяют требованиям современного взгляда на достоинство офицерского звания — именно сплотить их общество, развить в них дух благородного товарищества, т.е. поставить на должную высоту их нравственный уровень...» [12].

Первые временные офицерские собрания открывались при полковых канцеляриях, а позже после утверждения уставов, для них снимали отдельные помещения, и если позволяли средства, покупали или строили новые. Действительными членами таких собраний являлись офицеры войска и войсковые чиновники высокого ранга. Характерной особенностью появления такой новой традиции для Кубани стало то, что хронологически она совпала с началом распространения офицерских собраний в армии в целом. Таким образом, кубанским офицерам не надо было усваивать или перенимать предлагаемые уже сложившиеся традиции, а можно было полноправно участвовать в обсуждении нового прецедента, в процессе создания первых военных собраний, регулируя положения уставов в соответствии со спецификой региона и рядом местных традиций.

Поскольку офицерские собрания к началу XX века были открыты практически во всех крупных центрах расположения воинских частей на Кубани — Екатеринодаре, Майкопе, Ейске, Темрюке, Усть-Лабинской, Славянской, Хадыженской и др., а также за пределами области, переоценить их значение для повседневной жизни кубанских офицеров невозможно. В стенах таких собраний организовывались военные чтения, беседы, заслушивались доклады, проводились военные игры и отмечались полковые праздники. Многие из значительных событий в личной жизни офицера тоже происходили именно здесь — в собраниях офицерами и их семьями устраивались танцевальные и музыкальные вечера, давались спектакли, проходили литературные чтения. Там же располагались общества офицеров и проходили заседания судов чести.

Повсеместно при офицерских собраниях создавались полковые библиотеки. Атаманами отделов регулярно рассматривались и утверждались списки для выписки значительного количества периодических изданий для этих библиотек. Списки периодики из разных полков выглядели примерно одинаково. Среди журналов обычно были представлены «Разведчик», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Вестник иностранной литературы», «Исторический вестник», «Мир Божий», «Русская старина», «Стрекоза» и «Нива». Из газет — «Русский инвалид с военным сборником», «Вестник казачьих войск», «Кубанские областные ведомости», «Кавказ», «Новое время», «Приазовский край». Также делались заявки на приобретение собраний сочинений Гончарова, Данилевского, Тургенева, Толстого, Гоголя, Некрасова... Отдельно были выделены заказы на уставы, пособия и военно-историческую литературу, а также на портреты императора и членов императорской семьи. Подавались заявки и на сочинения кубанских авторов — полковыми библиотекарями заказывались «Кубанское казачье войско 1696 — 1888 г.» Е. Д. Фелицина и Ф. А. Щербины, а также «История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696 — 1896» В. Г. Толстова.

Распространению общих научных и специальных военных знаний среди офицеров способствовала и деятельность «Общества ревнителей военных знаний», образованного в 90-х годах XIX века. В 1902 году с просьбой о содействии в распространении деятельности общества к Наказному Атаману Я. Д. Малама обратился его председатель Командир 1-го Армейского Корпуса Генерал-от-Кавалерии Барон Ф. Е. Мейендорф: «Общество вступило в 4-й год официальной своей деятельности. Поставив себе задачей содействовать распространению военных и общих знаний среди русских офицеров, вообще и строевых по преимуществу, Общество, в течение минувшего 3-летия неуклонно стремилось к возможно лучшему выполнению этой задачи. Результаты минувшей работы Общества дают уже ему право на внимание со стороны войск. Предлагаемая же программа показывает, что в нынешнем году Общество намерено идти ещё дальше к своей просветительской работе, направив таковую не только на лиц, живущих в Петербурге, но и на тех, кто живёт вне этого последнего; средствами для этого должны явиться: возможно широкое развитие издательской деятельности и работа справочного бюро» [13].

В конце века в связи с памятливыми юбилейными датами кубанскими офицерами были составлены истории отдельных частей войска. Это содержательные и роскошно иллюстрированные труды В. Г. Толстова, И. Е. Гулыги, полковые памятки А. Г. Рыбальченко, В. Я. Червинского, И. С. Кравцова, статьи М. И. Санькова, К. И. Раковского, С. Г. Захарова, Н. М. Могиленцева, И. Тупикина и многих других [14]. В 1899 году, по указанию командира, генерал-майора В. А. Шереметева, полковником С. И. Петиним написана история Конвоя Его Величества в XIX веке [15]. Полковые истории создавались по инициативе командования или отдельных офицеров данной части и преследовали помимо прочего цель воспитания личного состава на ее боевых традициях [16].

Склонность офицеров к научным занятиям, например изучение истории Кубанского войска, всегда приветствовалась и поощрялась начальством. Среди офицеров, успешно совмещавших военную службу и научную деятельность можно назвать имена Попки, Фелицина, Вишневецкого, Дмитренко, Орлова... Их многочисленные работы были опубликованы как в местных, так и в центральных периодических изданиях.

Участие офицеров в гражданской и общественной жизни не обязательно было связано с выходом офицера в отставку. Довольно часто действующие офицеры занимали высокие должности и в гражданской сфере. По воспоминаниям современника «Военного, знакомящегося с Россией и ее армией, поражает, что у нас офицеры всех степеней, а в особенности высшие штаб-офицеры и генералитет, занимают все всевозможные административные, гражданские и хозяйственные должности, не имеющие ничего общего с военным делом» [17]. Такое наблюдение в полной мере соответствовало положению дел в Кубанской области. Многие офицеры Кубанского казачьего войска по долгу службы становились прекрасными хозяйственниками. Об одном из таких офицеров, занимавшем высокий пост при Наместнике на Кавказе по делам Кубанского и Терского казачьих войск П. П. Кривцове, с большим уважением отзывается в своих воспоминаниях М. И. Недбаевский: «Впоследствии из П. П. Кривцова выработался великолепный администратор и хозяин, который творил почти из ничего. Сначала он служил при Штабе 1-й Кавказской Каза-

чьей дивизии по хозяйственной части, где зарекомендовал себя как честный и отличный офицер. Затем его взяли в Штаб Кубанского Казачьего войска, здесь он зарекомендовал себя таким же работником и сделался известным не только в Тифлисе, но и в С. Петербурге... Он очень много содействовал проведению железной дороги от станицы Невинномысской до Кухарского перевала. За содействие по проведению Казачьей Черноморской железной дороги от Екатеринодара до Приморско-Ахтарской и от станции Крымской Владикавказской железной дороги, правление этой дороги поднесло П. П. Кривцову особый адрес и золотой жетон, дающий ему пожизненное право на бесплатный проезд по этой железной дороге в 1-м классе [18].

Обращаясь к вопросу о социальном происхождении и статусе казачьего офицера в современном ему обществе, можно отметить следующее. Высокий статус и престиж офицерского звания для дореволюционной Кубани явление очевидное, независимое от перемен в общественных настроениях в центральной России. Традиционно кубанские офицеры занимали высокие должности в гражданских ведомствах и принимали активное участие в общественной жизни Кубанской области. Офицерский корпус Кубанского казачьего войска был представлен офицерами, как принадлежащими к войсковому сословию, так и нет, хотя при назначениях всегда предпочтение отдавалось офицерам из казаков. Сословный состав офицеров был социально неоднородным, но выслуженное офицерское звание должно было стереть сословное неравенство между офицерами и открыть для офицеров не дворянского происхождения доступ в дворянское сословие. Надо сказать, что полученное офицерское звание не сообщало офицеру тотчас же права дворянина. Формально офицерский чин давал право на получение дворянства, личного или потомственного. Фактически же право на дворянство требовало юридического оформления, времени и денег. В целом к новому статусу казачьи офицеры относились весьма серьезно и обычно стремились как можно быстрее закрепить его документально. Выполняя все необходимые формальности, офицер сохранял свои права на дворянство даже в ситуации лишения офицерского звания. За преступления и проступки по службе, «разжалование в рядовые влечёт за собой лишение чинов, орденов и других знаков отличия, кроме лишь медалей за участие в войнах и походах и крестов, равного с ними достоинства, а также лишение прочих преимуществ, службою приобретённых. Разжалованный в рядовые сохраняет однако приобретённые чинами и орденами права дворянства или почётное гражданство» [19]. Весьма точным отражением ситуации с социальным статусом казачьих офицеров представляется мнение, высказанное исследователями истории Русской армии в эмиграции: «в годы перед Великой войной Российское офицерство состояло в большинстве своём не из родового дворянства, а из людей, чьи деды или только отцы, а зачастую лишь сами эти лица были удостоены дворянства: не дворянское звание делало офицером, а офицерское звание делало дворянином» [20].

Подведём итоги. Повседневный быт кубанских казачьих офицеров, их жизненный уклад, особенности службы, стереотипы поведения, отношение к военной профессии и офицерскому званию даже на первый взгляд всегда выделялись в общей офицерской среде русской армии. Явным недостатком долгие годы оставался низкий уровень образования казачьих офицеров. Решая эту проблему, правительство по-

ощряло создание специальных казачьих училищ, а в офицерских школах были открыты особые казачьи отделы. Со временем офицерский состав Кубанского войска стал всё больше пополняться выпускниками военно-учебных заведений, и существенная разница в уровне образования казачьих офицеров и офицеров регулярной армии постепенно перестала казаться разительной. Благодаря многолетнему пребыванию в атмосфере военных училищ, будущие казачьи офицеры получали не только приличное образование, но и возможность приобщения к традициям русского офицерства. Появление нововведений в армейской жизни, а некоторым из них предстояло стать правилами и нормами повседневной офицерской жизни, всегда широко обсуждалось в войске. Знакомясь с новыми проектами, принимая их, подстраивая под себя, кубанское офицерство продолжало сохранять войсковые традиции и поддерживать в своей среде собственную самобытность казачьих офицеров.

Библиографический список

1. Глиноецкий Н. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в Русской армии // Российский военный сборник. — 2000. Вып. 17. — С. 33.
2. Волков С.В. Русский офицерский корпус. — М., 2003. — С. 75.
3. Бардадым В.П. Радетели Земли Кубанской. — Краснодар, 1998. — С. 128.
4. Бардадым В.П. Отцы города Екатеринодара. — 2005. — С. 44.
5. История хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696 — 1896: составил есаул 1-го Кубанского полка В.Толстов: в двух частях; под редакцией генерал-майора Потто. — Тифлис, 1900. — С. 355.
6. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф.396. Оп.1. Д.411. Л.39.
7. История хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696 — 1896: составил есаул 1-го Кубанского полка В.Толстов: в двух частях; под редакцией генерал-майора Потто. — Тифлис, 1900. — С. 355.
8. Там же. С. 356.
9. Свод военных постановлений 1869 года. Книга 15. Заведения военно-учебные. Изд. 4-е. (По 1 января 1914 года). — С. 306.
10. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры // Российский военный сборник. 2000. Вып. 17. — С. 129.
11. Шкуро А.Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 59.
12. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.411. Л.13.
13. ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.8222. Л.161.
14. Матвеев О.В. Первая мировая и Гражданская войны в судьбах кубанской полковой историографии // Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска): материалы Всерос. науч.-практ. конф., Тимашевск, 2 — 5 окт. 2006 г. Краснодар, 2006. С. 176.
15. Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М., 2004. С. 7.
16. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 343.
17. Червинка Я. Военная карьера у нас и за границу // Российский военный сборник. — 2000. — Вып. 17. — С. 192.
18. ГАКК. Ф.670. Оп.1. Д.67. Л.127.
19. Воинский устав о наказаниях. СПб., 1897. С. 16.
20. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры // Российский военный сборник. — 2000. — Вып. 17. — С. 130.

ГАЙВОРОНСКАЯ Александра Владимировна, соискатель по кафедре дореволюционной отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 27.05.08 г.

© А. В. Гайворонская

РАЗВИТИЕ ВУЗОВСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КУЗБАССА В 1970—1980 гг.

В данной статье рассматривается развитие вузовской исторической науки Кемеровской области в начале 1970-х — 1980-х гг. Анализируется роль КПСС в данном процессе, формы научной работы и тематика исторических исследований, проводимых преподавателями кафедр общественных наук.

В советский период развития вузовской исторической науки Коммунистическая партия и правительство Советского Союза придавали большое значение развитию научно-исследовательской деятельности в вузах страны. Тон задавал XXIV съезд КПСС. В 1970 гг. вышел ряд постановлений органов центрального управления, посвященных дальнейшему развитию научной работы в институтах и университетах СССР. Они имели большой общественный резонанс и способствовали активизации исследовательской деятельности преподавателей кафедр общественных наук.

Решения XXIV съезда КПСС, постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 18 августа 1972 г. № 535 «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране» требовали повышения роли кафедр общественных наук и каждого преподавателя в подготовке специалистов высшей квалификации. Выпускники вузов должны были иметь глубокую теоретическую и профессиональную подготовку, владеть основами марксистско-ленинской науки, обладать высокими моральными качествами, быть проводниками политики партии, уметь работать с людьми [1, с. 410—414]. В области научных исследований XXIV съезд КПСС требовал решения комплексных исследований современных процессов развития общества для научного руководства социалистическим хозяйством и задач коммунистического строительства.

Для реализации этого постановления в январе 1973 г. прошло Всесоюзное совещание работников высшей школы. На совещании подчеркивалась роль научно-исследовательской работы в подготовке специалистов высокого класса.

Мероприятия, направленные на осуществление данного постановления, проводились и на местах. В 1973 г. состоялось выездное заседание секции общественных и гуманитарных наук Западно-Сибирского региона, которое обозначило направления научно-исследовательской работы и вузов Кемеровской области [2, л. 116—124]. На нем преподаватели истории, истории КПСС, политэкономии, философии и научного коммунизма обсудили некоторые вопросы координации и повышения эффективности научных исследований на кафедрах общественных наук институтов Кузбасса.

Ведущей формой научной работы продолжали оставаться конференции, в которых участвовали работники кафедр истории и истории КПСС разных вузов. В ноябре 1956 г. в КГПИ прошла первая в

Кемерове научная межвузовская конференция по истории черной металлургии Кузбасса. Председателем оргкомитета конференции была доцент, заведующая кафедрой истории З. Г. Карпенко. Результатом конференции явился сборник трудов объемом 360 страниц [3]. В 1959 г. кафедрами истории и истории КПСС КГПИ совместно с Кемеровским горным институтом и Сталинским (впоследствии Новокузнецким) педагогическим институтом была подготовлена и проведена конференция по истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в Кузбассе [4]. Материалы конференции были опубликованы. В сборник вошли статьи Е. А. Кривошеевой, П. К. Редькина «Установление советской власти и первые социалистические преобразования в экономике Кузбасса» и З. Г. Карпенко «Цветная металлургия Алтая (1747—1861 гг.)», «Горняки Кузбасса в предреволюционные годы» [5].

В 1961 г. при участии руководящих работников Кемеровского обкома партии была проведена межвузовская конференция по истории партийных организаций Кузбасса. В 1963 г. — вторая межвузовская конференция по той же проблеме. В 1967 г. была организована и проведена конференция «Рабочие Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма», в 1970 г. — конференция по проблеме «Осуществление ленинских идей превращения Сибири в экономически развитый район страны».

В 1968 г. Кемеровский горком КПСС и Кузбасский политехнический институт провели научную конференцию, посвященную 50-летию г. Кемерова. В 1968 г. под руководством Новокузнецкого горкома КПСС, Сибирского металлургического и Новокузнецкого педагогического институтов — конференция «350 лет Новокузнецку». В 1971 г. Кемеровским областным правлением НТО ЧМ СССР, Новокузнецким пединститутом, Кузнецким отделом географического общества СССР была организована и проведена конференция партийно-хозяйственного актива по вопросам совершенствования управления промышленными предприятиями и стройками.

Таким образом, в организации межвузовских конференций руководящую роль играли Кемеровские обком и горком КПСС, Новокузнецкий горком КПСС.

К 1971 г. сложились межвузовские авторские коллективы. По инициативе Кемеровского обкома КПСС готовилось объемное исследование «Очерки истории партийной организации Кузбасса».

К работе над ним были привлечены преподаватели Кузбасского политехнического, Кемеровского и Новокузнецкого педагогических институтов. Начиная с 1958/59 учебного года преподаватели кафедр марксизма-ленинизма КГПИ под руководством И. М. Костина и НГПИ под руководством С. И. Родионова разрабатывали тему «История партийной организации Кузбасса». Руководители авторской группы: кандидат исторических наук П. К. Редькин, ответственный редактор I и II части очерков, доктор исторических наук З. Г. Карпенко, ответственный редактор III части коллективного труда и работники архива Кемеровского обкома Н. Ф. Тебенев и Е. И. Чусовитина. Ответственными за главы были доктора исторических наук З. Г. Карпенко и В. А. Кадейкин, кандидаты А. А. Лукин, Н. Е. Таскаев, П. К. Редькин, В. Е. Савельев, С. Ф. Орлянский [6].

Коллективная монография «Горняки Кузбасса» была издана в 1971 г. Ее ответственным редактором была доктор исторических наук З. Г. Карпенко [7]. Коллективный труд «Металлурги Сибири (1917–1972 гг.)» готовилась проблемным советом «Социальные проблемы индустриального развития Сибири» при Кузбасском политехническом институте. Председателем его была доктор исторических наук З. Г. Карпенко. Авторский коллектив включал преподавателей Новокузнецкого и Кемеровского пединститутов, Сибирского металлургического, Кузбасского политехнического институтов. Над монографией работали: А. С. Бондаренко, З. П. Верховцева, Г. К. Волкова, Г. А. Докучаев, Ю. А. Иванов, З. Г. Карпенко, Е. А. Кривошеева, М. Ф. Ломаков, В. К. Мокшин, В. М. Потемкин, Г. Г. Халиулин, А. П. Юлина, Р. Л. Яворский, Ю. А. Шпарог, Н. Г. Чусовитин и др.

Коллективная монография «Металлурги Кузбасса» была издана на средства предоставленные Западно-Сибирским металлургическим заводом в 1975 г. Она также была подготовлена проблемным советом «Социальные проблемы индустриального развития Сибири». В написании монографии приняли участие историки КемГУ А. А. Халиулина, И. З. Габидулин, Р. М. Безлепкина, Н. Н. Турченко [8].

Коллективная работа «Энергетики Кузбасса» была подготовлена при участии кандидата исторических наук В. В. Алексеева (ИИФ и Ф СО АН СССР), кандидата исторических наук А. С. Бондаренко (Новокузнецкий пединститут), кандидата исторических наук Н. А. Гашкова (НЭТИ), доктора исторических наук З. Г. Карпенко. Данная работа была издана в 1977 г. [9].

Лабораторией гуманитарных исследований при кафедре истории СССР КемГУ совместно с межатраслевым научно-исследовательским институтом комплексной механизации и автоматизации технологических процессов машиностроения и отдельными машиностроительными заводами Кузбасса была подготовлена монография «Машиностроители Кузбасса». Она вышла в 1983 г. [10]. В Кемерове были опубликованы пять выпусков сборников статей «Из истории рабочего класса Сибири». Общий объем сборников составил 1112 страниц [11].

Активная научно-исследовательская работа велась кафедрами общественных наук области. Так, коллектив кафедры истории КПСС Кемеровского горного (впоследствии Кузбасского политехнического) института работал над проблемой «Деятельность КПСС по превращению Сибири в экономически развитый район страны».

Преподавателями кафедры истории КПСС КГПИ в конце 1960-х — начале 1970-х гг. проведены ряд ин-

ститутских и межвузовских конференций. Результаты конференций были опубликованы в 7 выпусках сборников статей «Партийные организации Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма». Они издавались с 1966 по 1973 гг. объемом до 200 страниц каждый [12].

На семинаре преподавателей кафедр общественных наук вузов Кемеровской области в 1973 г. заведующий кафедрой С. Ф. Орлянский выдвинул предложение о создании при кафедре истории КПСС КГПИ четыре межвузовских, межкафедральных группы, объединяющих преподавателей разных институтов Кемерова и Новокузнецка. Руководителями проблемных групп «Деятельность партийных организаций Западной Сибири по коммунистическому воспитанию трудящихся» был С. Ф. Орлянский, «Деятельность партийных организаций Западной Сибири по подготовке и воспитанию кадров» был доцент кафедры философии и научного коммунизма КГПИ Г. Г. Халиулин.

Руководителями проблемных объединений историков «Деятельность партийных организаций Западной Сибири по руководству промышленностью» был предложен доцент, ректор КГИК Н. П. Шуранов, «Деятельность партийных организаций Западной Сибири по руководству сельским хозяйством» — доцент кафедры истории СССР КГПИ П. К. Редькин [2, л. 131–135].

В постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6 апреля 1978 г. № 271 «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в вузах» подчеркивалось, что научный потенциал высшей школы использовался не полностью. Были выделены недостатки в научно-исследовательской работе вузов страны. Во-первых, мало выполнялось крупных комплексных исследований, результаты завершённых научных работ медленно внедрялись в практику. Во-вторых, была слабой научно-лабораторная, экспериментальная и опытно-конструкторская база вузов. В-третьих, нуждалась в совершенствовании система планирования и организации научной деятельности в вузах [13, л. 127–132].

В целях развития научно-исследовательской работы в вузах ЦК КПСС и Совет министров постановили предоставлять в планах и программах выделение вузам финансовых и материально-технических ресурсов, необходимых для проведения работ. Кроме того, следовало повысить ответственность руководителей и профессорско-преподавательского состава вузов за актуальность тематики, научный уровень выполняемых исследований и обеспечить улучшение планирования и координации научно-исследовательских работ в вузах. Предусматривалось создание в крупных городах на базе вузов межвузовских центров обслуживания научных исследований. Их финансирование планировалось осуществлять на хозяйственных началах за счет средств заказчиков.

Правительство стимулировало расширение и совершенствование форм научно-технического сотрудничества вузов страны с зарубежными вузами, в первую очередь — со странами СЭВ. Госплан и Министерство финансов СССР предусматривали в валютных планах по неторговым операциям на 1979–1980 гг. выделение Министерству высшего и среднего специального образования СССР по 100 тыс. руб. в год в валюте социалистических стран на расходы по командированию в эти страны научно-педагогических работников.

Из данного постановления вытекала необходимость укрепления связей между АН СССР и вузами

страны. Наряду с устоявшимися формами сотрудничества научных институтов с вузами (информационно-ориентировочная, консультативная работа, привлечение преподавателей вузов к авторской работе в академических трудах) приобретает значение проведение совместных исследований. В археологии это уже осуществлялось. Археологи проводили совместные экспедиции. В истории СССР новаторскую роль сыграл опыт сотрудничества ученых научных учреждений и вузов Сибири.

Постановление ЦК КПСС и Совета министров от 6 апреля 1978 г. определило дальнейшее развитие исторической науки всей страны и Кузбасса.

Проводилась работа по реализации постановления данного постановления на местах. Заведующий отделом науки и учебных заведений Кемеровского обкома КПСС В. И. Кудрявцев в справке «О мерах по выполнению данного постановления» указал, что в целях повышения эффективности научных работ был утвержден областной совет по координации научных исследований [13, л. 133]. Он был создан 16 мая 1978 г. В состав совета вошли 23 человека, в т. ч. А. И. Кожевников — заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений Кемеровского обкома КПСС, В. А. Михайлов — ректор КемГУ, Б. Г. Тарасов — проректор Кузбасского политехнического института, Н. В. Дадочкин — проректор Сибирского металлургического института, П. Т. Николаенко — проректор КемГУ, И. В. Звягинцев — заведующий кафедрой Кемеровского технологического института пищевой промышленности и др. [14, л. 68]. Кроме того, в состав координационного совета научных исследований вошли директора крупных заводов и НИИ области.

В 1978 г. на заседании бюро Кемеровского обкома КПСС было отмечено, что в последние годы предприятия угольной промышленности резко сократили объем финансирования научных исследований. Для преодоления невнимания к выполнению крупных комплексных исследований в вузах Кузбасса было принято ряд мер. Руководителей промышленных предприятий,строек, совхозов, ректоров вузов Кемеровский обком КПСС обязал привлекать студентов и ученых Кемеровской области к выполнению научно-исследовательской работы в соответствии с планами развития науки и техники, программными работами по решению основных научно-технических проблем. Необходимо было предусматривать в этих планах и программах по согласованию с министерствами и ведомствами выделение вузам финансовых и материально-технических ресурсов для проведения планируемых работ. Следовало шире привлекать профессорско-преподавательский состав вузов к выполнению на основе хозяйственных договоров крупных перспективных работ.

Более того, была усилена ответственность научных руководителей за актуальность тематики, научный и технико-экономический уровень проводимых исследований. В целях эффективного использования материальных и трудовых ресурсов вузов было решено создать межвузовский центр обслуживания научных исследований [15].

Работа по реализации данных мер привела к преодолению некоторых недостатков. В 1983 г. бюро Кемеровского обкома КПСС приняло постановление «О недостатках в выполнении постановления от 6 апреля 1978 г.». В нем отмечались положительные результаты в развитии кузбасской вузовской науки. Во-первых, увеличился объем исследований, выполняемых по хоздоговорам. Во-вторых, ученые Кеме-

ровского политехнического, медицинского, Сибирского металлургического, институтов и Кемеровского госуниверситета участвовали в разработке региональных и государственных целевых программ государственного комитета по науке и технике и АН СССР, выступая в роли головных исполнителей. В-третьих, увеличилось число преподавателей и студентов, участвующих в научной работе.

Тем не менее, сохранились недостатки в организации исследовательской работы. Самым существенным из них продолжал оставаться факт распыления научных сил и средств, неоправданного параллелизма и дублирования. КузПИ вел разработку сразу 90 тем, КемГУ — 128, СМИ — 216 тем [16]. Большинство их не были связаны друг с другом и имели лишь диссертационный характер. Подобный недостаток имела научно-исследовательская работа Новокузнецком педагогическом институте и Кемеровском технологическом институте пищевой промышленности [14, л. 2]. Процесс укрупнения тематики шел медленно. Многие преподаватели разрабатывали мелкие второстепенные вопросы. Имелись недостатки в планировании и организации хоздоговорных работ, в расходовании и выделении на них средств [17].

Таким образом, формой научной работы преподавателей кафедр общественных наук вузов Кемеровской области были институтские и межвузовские конференции, материалы которых публиковались. Результатом научно-исследовательской деятельности историков было создание коллективных монографий. Индивидуальные монографии издавались реже. Возможно, это было связано с тем, что одному ученому было сложнее написать фундаментальный труд, для создания которого требовались соответствующая квалификация, работа в архивах и просто много времени.

Среди тем научных исследований преобладали проблемы истории КПСС. Актуальными были вопросы истории СССР советского периода. Внимание кемеровских историков было сосредоточено на изучении развития отраслей тяжелой промышленности и руководящей роли Коммунистической партии в этом процессе. Это было связано со спецификой региона. Значительное место в тематике проводимой научно-исследовательской работы занимали проблемы археологии. Очевидно, это было связано с формированием вокруг А. И. Матрынова устойчивого творческого коллектива.

Библиографический список

1. Свод законов СССР. Т. 3. — М.: Известия, 1990. — 339 с.
2. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 26. Д. 136. Л. 116 — 124, 131 — 135.
3. Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816-1956). — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1957. — 360 с.
4. ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 24 «а». Л. 87, 93.
5. ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 39 «а». Л. 73-74.
6. ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 38 «а». Л. 52.
7. Горняки Кузбасса. — Новосибирск: Наука, 1971. — 284 с.
8. Металлургия Кузбасса: сб. науч. тр. Ч. 1. — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1975. — 200 с.; Ч. 2. — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1975. — 328 с.
9. Алексеев В. В., Бондаренко А., С. Энергетики Кузбасса. — Новосибирск: Наука, 1977. — 224 с.
10. Машиностроители Кузбасса: сб. науч. тр. — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1983. — 137 с.
11. Из истории рабочего класса Сибири: сб. науч. тр. Вып. 1 — 5. — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1965-1975. — 1112 с.

12. Партийные организации Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. Вып. 1 — 7. — Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1966 — 1973.

13. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 35. Д. 104. Л. 127 — 133.

14. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 38. Д. 106. Л. 2, 68.

15. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 35. Д. 32. Л. 15 — 16.

16. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 48. Д. 52. Л. 4 — 6.

17. Наука и вуз // Кузбасс. — 1974. — 17 мая. — С. 1.

ШУРОВА Лина Николаевна, аспирант кафедры новейшей отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 25.07.08 г.

© Л. Н. Шурова

УДК 364 : 93(571.51)

Г. В. КРУЧКО

Институт архитектуры и строительства Сибирского
федерального университета,
г. Красноярск

Управление социальной защиты населения админист-
рации Октябрьского района
г. Красноярск

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В статье освещены основные этапы становления и развития системы социальной защиты населения в Красноярском крае. Определены задачи каждого этапа, изучена структура системы, выявлены взаимосвязь между уровнем подготовки специалистов и появлением новых функций в работе и формировании качественно новой структуры системы социальной защиты населения в Красноярском крае.

Последнее десятилетие ушедшего века ознаменовалось созданием и бурным развитием системы социальной защиты населения в Российской Федерации. Этот процесс был востребован объективным ходом развития социально-экономической ситуации в нашей стране. Работа по формированию новых форм социального обслуживания и организации предоставления населению социальных услуг началась в Красноярском крае в 1988 году. Открывались первые отделения социальной помощи на дому, которые функционировали при районных отделах социального обеспечения, нарабатывались технологии социальной работы с пожилыми гражданами и инвалидами. Районные отделы социального обеспечения, кроме вопросов назначения пенсий и пособий, занимались выделением путевок на санаторно-курортное лечение и оказанием материальной помощи без учета каких-либо данных, за исключением размера пенсии [7, с. 14]. Этот период можно считать первым этапом — этапом образования и становления системы социальной защиты населения Красноярского края.

С 1992 года практически повсеместно началась работа по организации отделов социальной защиты населения. В Красноярском крае в 1992 году стартовал эксперимент по созданию единой пенсионной службы. Второй период существования отделов социальной защиты населения характеризуется как период бурного экстенсивного развития. Многие исследователи называют этот этап становления системы развивающе-функциональным. Серьезной проблемой периода становления территориальных органов социальной защиты населения стало отсутствие профес-

сионально подготовленных кадров специалистов по социальной работе [1, с. 163]. Одна из важных задач второго этапа — создание оптимальной организационной структуры системы социальной защиты населения региона.

В 1992 — 1993 гг. в Красноярском крае продолжала отрабатываться система приема граждан, учитывающая степень их нуждаемости и исключающая немотивированные обращения, либо обращения, несущие заведомо ложную информацию. В этот же период при отделах либо управлениях социальной защиты населения начинали свою работу координационные советы, в состав которых входили представители общественных организаций, здравоохранения, администрации. Практика работы системы социальной защиты населения Красноярского края, тенденции и процессы объективного характера, имевшие место в этот период, с неизбежной закономерностью ознаменовали наступление в 1995 — 1997 годах этапа технологизации социальной работы.

Технологизация социальной работы — третий этап развития системы социальной защиты населения в Красноярском крае. Социальная работа обязана быть технологичной. И чем выше и профессиональнее уровень технологизации социальной работы, тем выше может быть ее эффективность в целом. Технологии, используемые в социальной работе, достаточно разнообразны. Одно из важных место в Управлениях социальной защиты населения края занимали так называемые информационно-управленческие технологии по организации социальной работы. Здесь задействован большой спектр проблем — от диагнос-

тики и экспертизы социальной работы до применения социологических технологий. Структура социальной защиты населения Красноярского края в этот период претерпевает изменения в связи с внедрением других функций и быстрым развитием сети социальных учреждений [4]. В эти же годы продолжается увеличение численности специалистов по социальной работе, выпускаемых вузами Красноярского края. К началу 2000 года система социальной защиты населения в Красноярском крае естественно подошла к своему четвертому этапу развития — этапу дифференциации и интенсификации. В этот период существенно изменяются функции системы социальной защиты населения. Из ведения органов социальной защиты населения уходят вопросы начисления и выплаты пенсий, пособий. Вопрос дифференциации видов социальной деятельности является особенно актуальным. Муниципальные органы социальной защиты населения представляли из себя многопрофильные организации, насчитывающие многие сотни работающих. Многообразие задач, большое число структурных подразделений и работающих в них специалистов, единый источник финансирования и централизованные бухгалтерии не всегда позволяли правильно определить приоритеты социальной работы, терялась возможность сконцентрировать незначительные, как правило, финансовые средства на каком-то решающем и наиболее важном участке социальной работы. Одним из основных вопросов, стоящих перед территориальными органами социальной защиты населения, является вопрос замены льгот денежными компенсациями. Уже давно очевидно, что предоставление многочисленных и зачастую материально необеспеченных льгот отдельным категориям населения, не только не снимают социальную напряженность в обществе, но и, наоборот, усиливают ее [2, с. 118].

Немаловажным вопросом является участие территориальных органов социальной защиты населения в проведении коммунальной реформы. Важной задачей всей системы социальной защиты населения сегодня является создание жесткой вертикали управления отраслью, которой она все-таки является. Она должна быть управляемой, эффективной и самодостаточной [3, с. 19]. Сегодня можно без ущерба для дела значительно сократить численность муниципальных служащих в территориальных органах социальной

защиты населения, если выстроить эту жесткую вертикаль. Решение вышеназванных задач — это следующий этап в дальнейшем совершенствовании деятельности всей системы социальной защиты населения, направленный на повышение уровня жизни жителей Красноярского края [6].

Новизна данной работы состоит в изучении истории становления и развития системы социальной защиты во взаимосвязи с проблемами подготовки профессиональных кадров. Историками Красноярского края данная тема исследовалась недостаточно.

Библиографический список

1. Жуков В. И. Реформы в России: 1985-1995 гг. / В. И. Жуков. — М.: Феникс, 1997. — 280 с.
2. Информационные материалы по итогам работы отрасли за 2005г.: Бюллетень агентства социальной защиты населения администрации Красноярского края. 2006. — 146 с.
3. Крестов А. В. Становление государственной региональной системы социальной защиты населения: автореф. дис... канд. социол. наук. — М., 2000. — 25 с.
4. Левина М. И. Анализ законов о социальной защите уязвимых групп населения (1995 — 1999гг.). Социальное законодательство России и Великобритании / М. И. Левина. — М.: Хризостом, 2000. — 240 с.
5. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 22 августа 2004г. №122-ФЗ; под общ. ред. Н. А. Волгина, С. В. Калашникова. — М.: РАГС, 2005. — 456 с.
6. Семейная политика в Красноярском крае: состояние и перспективы развития: сб. матер. краевой науч.-практ. конф. — Красноярск, 2005. — 204 с.
7. Социальная защита: пути развития (заметки с совещания семинара) // Социальное обеспечение. - 1994. — № 8. — С. 4 — 10.
8. Текущий архив агентства социальной защиты населения администрации Красноярского края.

КРУЧКО Галина Викторовна, заместитель начальника Управления социальной защиты населения администрации Октябрьского района г. Красноярска, аспирант кафедры философии и истории института архитектуры и строительства Сибирского федерального университета.

Статья поступила в редакцию 09.12.07 г.

© Г. В. Кручко

Книжная полка

История России с древнейших времен до наших дней [Текст]: учеб. для вузов / Н. А. Клименко [и др.]; под ред. А. В. Сидорова; МГУ им. М. В. Ломоносова. — М.: Проспект, 2008. — 451, [1] с. — ISBN 978-5-482-01403-5.

В учебнике представлена история России с начала расселения славянских племен на ее территории до современности, эволюция государственности, внешняя и внутренняя политика, социально-экономическое и духовное развитие общества. Учебник отражает последние достижения исторической науки, содержит комплексный анализ основных периодов отечественной истории. Материал учебника соответствует требованиям государственного образовательного стандарта, аккумулирует опыт научной и преподавательской деятельности его авторов в Московском гос. университете им. М. В. Ломоносова.

Для абитуриентов, студентов, преподавателей вузов и школ, а также для всех интересующихся историей России.

КОНЦЕПТ «ИМПЕРИЯ» В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ КОНЦА XX В.

В статье рассматриваются работы зарубежных авторов конца 1990-х гг. посвященные изучению концепта «империя». Полученные выводы используются как составная часть работы по созданию общего поля современного научного представления о концепте «империя».

Редакторы сборника «После империи: мульти-этнические сообщества, создание нации» Хаген и Беркли, обратившись к сравнительному подходу, поставили задачу исследования феномена империи на исторической основе государств, традиционно относимых к империям Нового времени. Для этого были приглашены специалисты по истории Османской, Австро-Венгерской, Российской империй, а также СССР. Подход коллективного исследования можно назвать компаративистским, когда практика сравнения осуществляется не внутри одной работы, а внутри т.н. исследовательской площадки, формируемой сборником. Такой «имперский» подход претендует на панорамное видение истории.

В привлекаемых работах преобладает воззрение на нацию как на конечный этап в развитии государства, качественно отличающийся от империи (также рассматриваемой как исторический этап государственной формы). Данная точка зрения являлась доминирующей в середине 1990-х гг. Рассмотрим основные положения такого подхода.

Основной акцент в работах большинства авторов был направлен именно на изучение постимперского устройства мира, понимаемое как эпоха национального государства.

Беркли выделяет две доминирующие формы национального государства: основанные на гражданстве и этничности. Западная Европа больше обращалась к первому, Германия и Восточная Европа, или, как они были названы по отношению к Западу, «latecomers» [1, с. 101]» [пришедшие позднее], ко второму. Такой подход разделения на гражданскую и этническую форму «нацестроительства» обогащается у Беркли имперской перспективой, которая предполагает усвоение в процессе воспроизводства имперских принципов в национальном государстве как способов разрешения внутригосударственных проблем.

Э. Хобсбаум предлагает сосредоточиться не на причинах упадка империй, а на следствиях, переводя исследование в плоскость политологии, имеющей дело с политическими проблемами, среди которых Хобсбаум называет ксенофобию в современной Франции, массовые миграции, переселения народов, изучение положения новых стран [1, с. 13]. Национальные государства могут иметь те же проблемы, что часто представляются чисто имперскими: сецессионистские движения в Канаде, Испании, Бельгии.

Об опасности механического перенесения терминов и их подчас противоречивого понимания говорит Д. Бурбанк. Империя для бывшего колониального

Запада и его наследство в национальном западном государстве — это не совсем то, что империя и постимперское государство Востока [4, с. 24]. В целом проблема терминологии представляет перспективное направление для исследования. Однако вопросы понимания империи на протяжении разных исторических периодов, выяснение права смыслопорождения терминов к концу века оставались за рамками интереса исследователей империи. Бурбанк считает империю продуктом имперского и национального сознания в российской политической структуре [4, с. 24]. Такой подход выражает отношение к империи как к воображаемой сообщности, подобно нации. Понятия «империя» и «нация» можно отделить от понятия «государства», т.к. исследование переходит на уровень теоретической конструкции виртуальной сущности: понимание, общее мнение, представление. Империя представляет собой теоретическую дефиницию их инструментария историка. Только при таком подходе возможно обозначить его как нечто определенное, а не сваливать в кучу одинаковые слова с разными смыслами.

Как можно заметить, сама риторика авторов национальна. Как замечает К. Кейдер, в научном мире принята перспектива империи как объекта, распадающегося на нации. Также он отмечает потерю «очарования» национального государства, что обуславливает научные поиски вне национальной парадигмы, чаще всего именно в империи [1, с. 32]. Ставятся вопросы альтернативности истории, принимающие формулировку «что если?». Если национализм более не предстает единственно возможной основой для государства в свете формирования региональных и глобальных интегративных объединений, то, возможно, и империи имеют шанс на возвращение. Автор на примере Османской империи, отрицает детерминированность распада имперского государства. В частности, им выделен аспект постоянного вмешательства извне других империй, разрушавших имперскую идентичность с помощью поддержания и развития национализма в Греции и на Балканах.

Заслуживает внимания проект децентрализации государства с перенесением ядра [core] в Египет под управлением Мухаммада Али. Подобный сценарий восстановления империи демонстрирует и Китай. Конкурирующие державы (Россия и Великобритания) не позволили произойти подобному в Османской империи [1, с. 35]. Следовательно, причина распада могла быть во многом внешней.

Национализм, причем привносимый извне и поддерживаемый извне враждебными государствами,

предстает лишь идеологическим инструментом борьбы, аналогом войны, а не базой для становления нового государства.

К. Беркли, М. фон Хаген, В. Заславски и другие указывают на совокупность и системность причин распада империи, которые нельзя редуцировать до этнических конфликтов. Империя сдерживала их развитие, а после ее распада вопросы этничности лишаются механизма управления и могут принимать острые формы [1, с. 100]. Само понимание «сдерживания» национального развития в империи, данное с точки зрения научной парадигмы, показывает пребывание авторов в нациецентрическом представлении об империи. Авторы стоят на позициях национально детерминированного развития государства, хотя национализм совсем не во всех случаях ведет к созданию отдельных государств. Скорее наоборот, большая часть современных государств являются многонациональными, пользуются благами совместного проживания групп объединенных по этническому и иным принципам.

Солидарно с Хобсбаумом, выделившим вопрос миграции в постимперском мире, выступает Р. Брубейкер. Он прибегает к термину «unmixing» [несмешения] в отношении к народам империи. Как подсказывает Беркли, с XVIII века этническая мозаика классической империи начинает превращаться из гордости в обязанность [4, с. 103]. Если до этого времени в процессе ментальной самоидентификации этничность и язык не были принципиальными, то впоследствии ядра нации получают развитие, и процессы этнического перемешивания населения усложняются. Складываются более определенные этнические идентичности — нации. Во время складывания нации создается идентичность, которая будет ориентироваться в зависимости от обстоятельств на себя в своем государственном оформлении или на другое государство, например, империю.

Вопрос того, будет ли «unmixing» препятствовать функционированию империи, открыт, однако большинство авторов склоняются к тому, что все, что связано с национализмом, является лишь частью общей картины и не может объяснить причины падения империи как вида государства или даже как какого-то определенного исторического феномена. С. Ванк артикулирует противоположное мнение. Он полагает, что сама идеология национализма разрушает базис империи — имперскую идеологию, дает идейное обоснование для вывода из состава государства одной этничности [1, р. 50], что в целом ослабляет государство-империю, как можно ее назвать по аналогии с государством-нацией. Даже «немного» национализм — это конец империи, как можно заключить из его работы.

Ванк также обуславливает расформирование империи ослаблением монархического принципа, усилением автономий. Империя — пик развития экстенсивного немодернизированного государства. Т.к. ее философия извлечения доходов экстенсивна, а не интенсивна, как замечает Кейдер [1, с. 31]. Потеря одной территории, имеющей хозяйственную ценность, подразумевает ослабление всего государства.

Национализм является частью модернизационных явлений. Более подробно модернизация рассматривалась Кейдером в отношении Османской, О. Сабтельным — Австро-Венгерской и Российской, Р. Суни — Российской империй. Среди разрушителей империи они выделяют: патерналистский характер государства; национальный сепаратизм (инспирированный во многом в результате противостояния держав). Ка-

питализация провинций делает их менее зависимыми от центра, что структурно ослабляет империю. Европейский капитализм выступал как средство притяжения имперской периферии.

Сабтельный делает ремарку о неспособности центра противостоять процессам демократизации и национализма. А относительно патернализма — разрушение мышления, определяющего монарха в качестве единственного источника легитимности, выбивает еще один столп, поддерживающий империю [2, с. 78]. Монарх в сознании имперских подданных защищал их от чужой религии: от ислама — Австро-Венгрию, от католицизма — Россию [2, с. 78].

Модернизация, по мнению Суни, создавала условия для существования «актеров», независимых от центра [1, с. 153]. Это подрывало имперскую структуру в плоскости отношений центр-периферия, что в свою очередь рождало кризис легитимности. Центр становится якобы ненужным. Однако функции центра переносятся в другой центр, позиционируемый как национальный. В этом смысле разница между государством-нацией и империей размыта. Однако именно она признается авторами как основной для диагностирования империи в Советском Союзе.

СССР со времени своего создания воспроизводил отношения центр-периферия, говорят Суни и Заславский. Тоталитарная модель государства позволяла производить мощную мобилизацию ресурсов, но неспособность применить их с наибольшей эффективностью была слабой стороной центра. Можно предположить, что СССР с помощью тоталитаризма экстенсивно усилил имперский принцип проведения всего и вся через центр. Одним из воплощений принципа можно считать явление, именуемое Заславским дисциплинаризмом [1, с. 83], т.е. существованием по инструкции. Диагностируется отличие национального государства от имперского по степени «централизации». В исследованиях отсутствует указание на критерий определения ее степени и различения на ее базе государственных типов.

Упомянутые авторы также солидарны в том, что на российской почве империя противостояла нации. Крестьяне не были превращены в русских и пропагандируемая цель создания единой нации — советского человека — всегда уступала реальным задачам выживания и укрепления государства. Доказательствами служат, например, политика коренизации, а на системном уровне — выстраивание пирамиды, воспроизводящей иерархию наций в рамках государства: пятнадцать главных национальных республик и далее вниз по ступенькам статуса. Аналогично и по отношению к личностям — квотирование высшего образования и кадров согласно принадлежности к той или иной национальности. Партия воспроизвела религию. Имело место, таким образом, полное соответствие введенным Диоклетианом принципам иерархичности и теократии.

Перераспределение взрастило «гробовщиков» [1, с. 81] государства, как их именует Заславский, людей с эгалитарной психологией — люмпенпролетариат — усвоивших психологию перераспределения как основную форму обретения благ.

Бурбанк добавляет к общему представлению об СССР идею об окружении, во многом определявшем его функционирование. Для выживания СССР воспроизвел старую систему, видоизменив ее на основе более современных технических средств. СССР воплощал идею народов, а не народа [4, с. 34], что разрушало имперскую государственную «национальную» идентичность «советского человека».

СССР предстает как модернизированная империя, империя, доведенная до предела своих принципиальных возможностей. Возможно, в достижении предела функциональности имперской формы и заключается причина краха Советского Союза. Отличие от классической модели авторы видят в том, что система работала против русских национальных интересов. Данное мировоззрение расщепления единого на два субъекта можно сравнить с психологическим отклонением — раздвоением личности. Фиксирование мифа об исключительности российской истории не ведет к приращению исторического знания. С точки зрения элит, данный вопрос решается более конструктивно, предполагая наличие нескольких групп, борющихся за свои интересы в рамках государственного поля. В этом смысле никакого исключения Россия не представляет.

А. Мотыль ставит задачу формулирования теоретической модели, которую потом можно будет прилагать к реальным историческим фактам, помня о том, что никакой идеальный объект не может полностью соответствовать реальному [1, с. 19]. Сам концепт «Империя» также является интеллектуальным продуктом и приблизиться к ее пониманию и осознанию можно с помощью разных видений и мнений, сформулировав основные принципы, поместив ее в определенный родовидовой ряд. Такое представление и подход к историографии империи позволяет построить картину для общего видения феномена — его концептуализацию.

Мотыль предложил разделить в анализе концепта «империя» подход, основанный на перечислении признаков, с одной стороны, и исследовании причин краха империи, с другой. Ученый выделил культурно дифференцированные центр и периферию, причем это разделение может быть лишь воображаемым. Для него и для остальных авторов империя — государство. Но империя не ограничивается государством. Такой подход (можно назвать его государственным) дает возможность сузить концепт.

Признаками ядра являются, по Мотылю, территориальная выраженность; наличие политических, социальных и экономических организаций, поддерживающих друг друга; централизованный способ принятия решений. Ядро отличается от периферии наличием своей элиты и население. Между ядром и периферией существуют централизованные отношения. У центра должно быть несколько периферий.

Таким образом, исходя из различных конфигураций ядра и периферий, Мотыль может назвать близкие к имперской форме государства, не являющиеся империями. Это этнотерриториальная федерация — как Канада, постсоветская Россия — не обладающая имперским центром, но имеющая несколько административных единиц. Мультинациональное диктаторское государство — как Ирак Хусейна или Испания Франко, не обладавшие значимыми перифериями. И территориальные федерации — США и Швейцария — отсутствие ядра и культурно обособленных частей [1, с. 21].

Мотыль смотрит на внешние признаки и не углубляется в истинное устройство перечисленных государств. Его идеальная модель позволяет дифференцировать государства по их внешней государственной структуре. Демократия в таком случае не может быть империей, т.к. она должна исключать отношения неравенства частей. Следуя этой логике, сообразно внешнему демократическому устройству СССР также не мог быть империей. Понятие «демократия» ввиду своей политизированности затрудняет исследование империи.

По мнению автора, в самом начале своего существования СССР был диктатурой и только впоследствии стал империей, хотя так не назывался. Византийская империя к началу XVI в. фактически не являлась империей. Не всегда важно, как называет себя государство. Данная теория оставляет вопрос о будущем империй открытым, т.к. близкие формы государств могут в нее трансформироваться, а самоназвание не говорит о сущности.

Структурно в государстве может и не быть центра, но он может существовать функционально. Для анализа государств и выделения империй позволительно прибегнуть к понятию «имперские отношения», расширяющее представленную структурную модель классического понимания империи. Имперские отношения — это реальная политическая практика, осуществляемая на основе имперских принципов. К последним, наряду с дихотомией ядра и периферии относили постоянное стремление к расширению, обусловленное иррациональной легитимизацией империи, несправедливое распределение благ, патернализм, подданство по сравнению с гражданством. В настоящее время данные отличия не демонстрируют качественной разницы по сравнению с т.н. национальным государством, чье выделение в отдельный государственный вид может вызвать сомнения. Например, в связи с существованием национальных империй или перехода к глобальным отношениям, где доминирование может осуществляться не только при использовании вооруженной силы.

Мотыль, на основе своей теории смог резюмировать изыскания исследователей в отношении классической модели империи, которая на сегодняшней день выглядит недостаточной.

Р. Таагапера представил подход, основанный на историометрических методиках. Он обратился к количественной характеристике империи: продолжительности существования в территориальных пределах не менее S своего максимума. Критерий отбора государств был обоснован как обращение «к понятию, относительно которого мы имеем общее представление, например, лица, но не можем свободно дать определение [3, с. 477]». Т.е. автор прибегал к собственному представлению о том, кого считать или не считать империей. В силу отсутствия четкого логического критерия выбор государств может показаться произвольным.

По его данным, только 25 государств просуществовало более 200 лет, сохранив свою территорию в означенных рамках. На сегодняшний день существуют лишь два из них — Китай и Россия. Последнюю Таагапера ставит первой в списке государств, подверженных риску распада.

Тогда империя — это большое государство, склонное к распаду. Вот самое широкое определение империи в государственной системе координат. Мотыль и Таагапера защищают концепцию разложения империи ввиду имманентно присущих данной конструкции структурных параметров.

Другие ученые — Ванк С., Тилли Ч. — придерживаются противоположной позиции. Запланированный распад империи именуется «misplaced determinism» [неуместный детерминизм]. Тилли сравнивает размышления о причинах распада с размышлениями о причине перемены русла рек. Он выступает за глубокий скрупулезный анализ исторических фактов, отвергает сравнительный подход как основной в решении вопроса концептуализации империи. Также Тилли выходит за рамки чисто государственного представления о феномене, упоминая ЕС, ГАТТ,

НАФТА как выходящих за рамки государства носителей имперского образа [1, с. 7]. Национализм как идеология может уйти в прошлое, а имперские отношения останутся, вторит Кейдеру ученый.

Сам же Тилли дает рецепт для сохранения империи, наилучшим образом воплощенный в Китае. Для усиления интеграции было введено унифицированное администрирование; против чрезмерного усиления правителей периферий работали механизмы ротации чиновничества, назначение в «неродные» провинции; разрушению и ослаблению локальных идентичностей, что приводило к интеграции элит, снятию этнических различий в отношении государства к подданным; а против потери и искажения информации и в целом укрепления государства действовала практика постоянной демонстрации силы.

Как подчеркивают Беркли, Хаген и Тилли, империя предоставляет порядок и безопасность в обмен на лояльность к центру и налоги, а также поставку рекрутов. Обеспечить такой порядок продолжительное время можно, исполняя пункты «договора».

Ванк, вслед за Гегелем, определил империю (Австро-Венгрия) как механизм, состоящий из государственных организаций [Staatsorganisationen]. А определяющими характеристиками являются отсутствие целей образования, постановка на первый план «мощи» [Macht], а не государства [Staat].

Авторы фиксируют разные идентичности центра и периферии у колониальных государств и единой у континентальных (Беркли, Суни). Соответственно, общая имперская идентичность выступает интегратором этнической, культурной и политической гетерогенности. Институт подданства является одним из ее элементов, присущих этим видам империи. Его исследование — в зоне изучения идеологической опоры империи.

Хаген отмечает, что разрушение института подданства вместе с крушением «старого режима» выразилось в укреплении бывшего колониального центра и ослаблением бывшего континентального [1, с. 61]. Периферийные идентичности более ориентированы на национализм как идейную базу для создания государства. Центр располагает также наследием институциональным.

Донациональная идентичность имела дело с этничностями. Политизировать этничности смог национализм. Однако дальнейшее развитие предполагает глобализацию, следовательно, национализм уступает место новым формам идентичности, не исчезая, как и имперское наследие, но позволяя возникнуть над собой глобальной идентичности.

Рассмотренные работы зарубежных авторов в основном были направлены на проблемы постимперского устройства. Общее мнение можно сформули-

ровать как признание важной роли национализма в преобразовании мира империй в мир национальных государств. В то же время век империй не закончился. Их развитие шло в рамках «национального государства», на смену которому приходят глобальные общности. Такой процесс можно уподобить развитию государства от архаического к феодальному и абсолютистскому. (Киевская Русь — феодальные княжества — Московское государство и Российская империя).

Большинство авторов можно классифицировать как приверженцев «государственного» представления об империи. Но существуют взгляды на империю не только как на государство, но и как на надгосударственную сущность.

Размышляя о сущности СССР, авторы признают его скорее империей. Доминирующей формой понимания государства является национальное видение, а примером служит западное национальное государство. Следовательно, в глазах западных исследователей, СССР был более империей, чем национальным государством. Хотя идет процесс отказа от его абсолютизации, т.к. мир вступает в новую глобальную эру, когда воспроизводятся многие практики и отношения, характеризующиеся авторами как имперские. Признание империей определенного государства в настоящем или будущем — это политический акт, позволяющий воздействовать на представление обществ о мире. Задача историка состоит в формулировании четких научных рамок для концепта — научного инструмента.

Библиографический список

1. After Empire. Multiethnic societies and Nation-Building/ edit.by K. Barkley, M.von. Hagen. Westview Press, 1997. — 200 p.
2. Subletny O. The Hubsburgs and Russian Empires: Some comparisons and Contrasts// Empire and Society. New approaches to Russian history. Slavic Research Center. Hokkaido University Supporo Japan, 1997. — P. 73-92.
3. Taagapera Rein Expansions Contradiction Pattern of large Polities: Context for Russia// International Studies Quarterly voll 41, 1997. — P. 475-490.
4. Бурбанк Дж. Империя и гражданское общество. Имперская конструкция России и Советский Союз // Имперский строй в России в имперском измерении XIX-XX вв. ; отв. ред. П.И. Савельев. М., 1997. — С. 19-35.

МАТВЕЕВ Владимир Евгеньевич, аспирант кафедры отечественной дореволюционной истории и документо-ведения.

Статья поступила в редакции. 14.04.08 г.

© В. Е. Матвеев

ЖАНРОВЫЙ СОСТАВ ФОЛЬКЛОРА БАРАБИНСКИХ ТАТАР

На основании анализа фольклорных материалов данной группы сибирских татар автором статьи выявляются жанровый состав и сюжетное разнообразие барабинского фольклора. Автор ограничился рассмотрением лишь области народной прозы, которая является наиболее сложной по структуре. Результаты исследования могут быть использованы в курсе лекций и теоретических семинаров по фольклору и этнографии сибирских татар, барабинских татар в частности.

Фольклор в историческом плане помогает выявить новые данные, проливающие свет на многие проблемы этнографического характера, в них мы можем найти подтверждение многим историческим событиям и личностям или тех моментов исторического развития, которые остаются недостаточно освещенными в литературе, а также в них «находят отражение реальная действительность, жизнь и их быт в конкретно-исторических условиях» [1].

Цель данной статьи — выявить жанровый состав и сюжетное разнообразие области повествовательной поэзии фольклора барабинских татар. Лирическая и драматическая области составят предмет следующего нашего исследования.

Автором данной работы привлекались самые разные источники: фольклорные материалы этнографических экспедиций разных лет; фольклорные тексты, извлеченные из опубликованных работ, в которых фольклорные произведения рассматривались исследователями в языковом аспекте. Как показали результаты исследования, наиболее информативными и ценными оказались материалы 50 – 70-х гг. XX в., так как именно они несут в себе высокую степень сохранности традиционного фольклора.

К сожалению, работ, в которых систематизированно были бы представлены произведения всех жанровых систем барабинского фольклора, нет. Первые попытки определения жанровой структуры в литературе встречаем в работе Н. А. Томилова, а также в совместной статье Д. Г. Тумашевой и Ф. В. Ахметовой [2]. Безусловно, выдача полной и исчерпывающей классификации вряд ли на данном этапе работы возможна, поэтому подготовленный каталог жанров не следует принимать за окончательный.

Итак, в соответствии с классификацией фольклорных жанров по родам и видам рассмотрим область повествовательной поэзии, которая «по своей форме делится на два больших раздела: на поэзию прозаическую и стихотворную» [3]. Барабинская эпическая проза весьма разнообразна по составу и степень ее информативности высока. Она включает в себя сказки (ЙОМАКЛААР), героический эпос, различные мифологические рассказы о демонологических персонажах: былички (СӨЙЛӘКЛӘР) и бывальщины, предания (ХИКЭЯТЛААР) и легенды (РИВАЯТЛААР), баиты (БӘЕТ), бытовые рассказы (ТЭРМЭШ ЙОМАКЛААР), детский фольклор (ВОКЛАРНЭН ФОЛКЛОРЭ). Область же стихотворной поэзии включает так называемые афористические жанры как пословицы (МАКАЛЯЛӘР), поговорки (ЭЙТЕМ-НЭР), загадки (ТАБЫШМАКЛААР).

Самым популярным видом народной прозы барабинского фольклора является сказка. Так, сказка о животных является одним из самых древних жанров сказки. В литературе отмечается об отсутствии данного жанра в фольклоре барабинских татар. Как оказалось, данное утверждение было несколько преждевременным. Ведь что такое сказка о животных? Это сказка, в которой главными героями выступают дикие животные и птицы. Сказка о животных с присущими ей чертами анимизма и тотемизма в материалах экспедиций ОмГУ, ТГУ нами была обнаружена. Правда, их совсем немного, и их количество не позволяет определить их тематический круг. Но единственное, что утешает, — это характерно для всех групп татар, в том числе и казанских, данная разновидность сказок составляет не более 8 % от всего объема [4]. Судя по количеству записей, сказки о животных составляют примерно 0,1 % всего сказочного наследия барабинских татар. Основные герои этих произведений дикие животные и птицы. Среди барабинских татар особенно распространены сюжеты сказок «Кукушка-дочь» [5], «Заяц и лисица» [6], «Лебедь и ласточка» [7].

Достаточно внушителен объем текстов героического эпоса. Известно, что эпос начинает складываться с упадком семейно-патриархальных отношений в Барабе. «Эпос обыкновенно называют героическим или богатырским, так как он воспекает подвиги богатырей» [8]. Существует утверждение о том, что именно от барабинцев берет свое начало героический эпос, а затем он был заимствован другими тюркскими народами. Героический эпос присутствует в барабинском фольклоре в классическом виде, в каком его следует понимать. На это указывал еще В. В. Радлов, который отмечал наличие героического эпоса Идгей, цикла богатырских сказок у барабинцев [9]. В отличие от других групп сибирских татар у барабинцев он сохранил «черты древнего героического (алып кеше) эпоса, нежели любовного дастана» [10]. Варианты героического эпоса даны не только в работе академика В. В. Радлова, но эпические произведения встречаются также и в работе Л. В. Дмитриевой [11]. Кстати, основные сюжеты эпических произведений, зафиксированные В. В. Радловым и Л. В. Дмитриевой почти полностью совпадают. Но, к сожалению, в записях текстов В. В. Радлова мы не встречаем стихотворных ставок, в то время как у Л. В. Дмитриевой они есть. По мнению С. С. Суразакова, В. В. Радлов «...не смог сохранить полностью стихотворной формы, потому что он записывал не исполнение, а словесный пересказ эпоса сказителем» [12]. По количеству разрозненных сюжетов об Оклеге и Караманче [13], о Ка-

рамальгале [14], о Кунурбае [15], Насике [16], Артыше [17], Адьян-батыре [18], Карым-батыре [19], Чурумбае [20], Исбулате [21], о Тэнбатыре [22], о Ермаке и Кучум-хане [23], о Кучуме и Оклеге [24] можно судить о размывании складывающегося героического эпоса.

Героическую тематику можно встретить одновременно и в других фольклорных произведениях: в мифах, легендах, исторических преданиях и исторических песнях, но наиболее ярко, на наш взгляд, выражена в сказках о батырах. Сказки о батырах (богатырях) относятся к числу эпических текстов [25] и в фольклоре барабинских татар она вполне оформлена. Некоторые исследователи считают, что эта сказка имеет архаическую форму [26]. Герои этого жанра батыры совершают подвиги, завоевывая себе невесту: «Каракаколь» [27], «Цан — Мерген» [28], «Темир — алып» [29]. А вот в сказке «Молодец Пюрюш» герой достает невесту для своего хана [30]. В основе сюжета большинства волшебных сказок лежат подвиги батыра. В сказке «Кордон и Чоддон» события разворачиваются в период войн с казахами [31]. Интересен сюжет сказки о батырше Тайши, которая вступает в сражение со своим мужем Темирханом для спасения своего брата [32]. В. М. Жирмунский трактует наличие архаической формы как признак относительной изоляции барабинских татар от более обширных тюркских народов и отсутствием влияния мусульманской культуры. «... поэтому у них (барабинцев. — Д. А.) сохранилась в чистом виде архаическая форма богатырской сказки [33]. Тексты некоторых барабинских сказок приводит академик Н. А. Томилов в своих работах [34].

Волшебные сказки барабинских татар по своей форме приближаются к классическим образцам. Известно, что классическая форма волшебной сказки предусматривает двух- или трехкратное испытание героя, счастливый конец — женитьбу на царевне и получение полцарства. Е. М. Мелетинский отмечает, что «в сказке женитьба — конечная цель — важнейшая ценность. Благодаря женитьбе герой приобретает более высокий социальный статус и, таким образом, «преодолеывает» коллизию, возникшую на «семейном» уровне» [35]. Не отходят от этих канонов барабинские сказки: Косчагын — агай (Орел) [36], Дочь Тахтамышы [37], «Большой Иван и Малый Иван» [38], «Черт — пери» [39], Катича [40], «Сын старика» [41] и другие. Встречаем в работе Л. В. Дмитриевой три варианта лиро-эпического сказания «Козы-Курпач и Баян-Сылу» [42]. Есть один вариант и среди материалов этнографической экспедиции Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского [43]. Оригинальный вариант данной сказки содержится в работе В. В. Радлова [44].

Интересны и увлекательны сюжеты бытовых сказок. Хотя они представлены несколько слабее по сравнению с волшебными сказками. В них отражается народный юмор и в каждом сюжете, как в капле воды, отражаются будни народа, его надежда и мечты о лучшей жизни. В некоторых сказках мы встречаем представителей потусторонних сил. И в этом плане барабинская сказка сродни барабинской быличке. Любят барабинцы сказку «Пылтыр» («Прошлый год») о том, как бараба обманул шайтана [45]. С другой стороны, на наш взгляд, бытовые сказки во многом по сюжету аналогичны историческим преданиям, так как и тот и другой как жанры повествуют о событиях, произошедших в действительности. Например, в сказке «Бедняк и мулла» [46] отражается процесс имущественного расслоения. Аналогичный сюжет встречаем и в сказке «О мулле и Барамбае» [47].

Распространены сказки типа анекдота о народе пулмух: «Раньше был такой народ пулмух (дурноватый). Этот народ глупый был [48] — так обычно начинаются сказки. Или вот еще о глупости говорит следующая сказка, в которой один брат убивает другого, целившись в пауту, севшего на лоб брату [49]. С аналогичным сюжетом встречаются тексты многих барабинских сказок [50].

Встречаются в фольклоре и былички (СӨЙЛӘ-КЛӘР) — рассказ о встрече с мифологическими персонажами с установкой на достоверность, в которых наиболее ярко и полно отражены образы татарской демонологии, охарактеризовать лишь некоторые из них. Здесь можно найти описание почти всех существ низшей мифологии: духов-хозяев (леса, воды, жилища и т. д.), чертей (шайтанов) и др. Таким образом, опираясь на данные материалы, будет несложно хотя бы частично реконструировать образы вышеперечисленных существ. Можно по материалам проследить внешний облик этих персонажей, узнать места их постоянного обитания, их поведение и характер влияния нечистых духов на людей. Значительное место в татарской демонологии занимает образ хозяйки воды — СУ-АНАСЕ [51]; хозяин озера — КУЛЬ-УЯЗЕ [52]; хозяин дома — ЮРТ-АНАСЕ [53]; хозяйка леса (урмана) — пицын [54]; черта — шайтан [55]. Сюжеты о нечистой силе у барабинских татар, взятые в общих чертах, мало чем отличаются от аналогичных сюжетов других групп татар.

Что касается преданий (РИВАЯТ) и легенд (УЙТЫРМА), то они составили предмет исследования предыдущей статьи автора [56]. Отметим только то, что именно произведения этого жанра преобладают в барабинском фольклоре.

Эпический жанр включает в себя и малые или так называемые афористические формы — пословицы, поговорки, загадки. Они составляют область стихотворной поэзии. Пословицы и поговорки способны передать особенности быта, обычаев, элементов традиционно-бытовой культуры, учат нравственности. Они охватывают буквально все сферы жизнедеятельности, и что характерно, одни и те же пословицы и поговорки встречаются (в отличие от крупных форм) у разных этнических групп сибирских татар. Как тут не вспомнить замечание К. В. Чистова о большой «проницаемости» малых форм и «герметичности» крупных [57]. В большинстве из них отражаются социальная дифференциация, высмеиваются людские пороки: лень к труду, злость, жадность, а также восхваляются добродетели. Большое место занимала тема физического и умственного труда. Барабинцы считали труд одним из источников духовного роста человека. Так, известны такие поговорки, например, Польш татарга оцхэр — Без труда не вытащишь и рыбку из пруда [58]. В некоторых пословицах подчеркивается ценность знаний: Онэрле уммас окэрсэз кэн курмас. Не забыли барабинцы отразить свое отношение к переселенцам, в лице поволжско-приуральских татар: Кильган киль мэзак — Пришедший кот [59]. Встречаются поговорки и пословицы, отражающие межличностные отношения членов семьи. Вот, например: Килен кэче — ким. Сноха — униженный человек [60].

Хорошо представлены материалы и по загадкам (ТАБЫШМАКЛАР), которые почти полностью описывают тот тематический круг, который встречается в загадках других народов. «Природа, человеческое тело, мир животных и растений, процессы земледельца, орудия его труда, примитивная техника — вот это основной объем охваченных загадкой явлений» [61].

В загадках отчетливо отражены взгляды людей на природу и окружающую обстановку [62]; о доме, о его составных частях [63]; о домашней утвари [64]; о домашних животных и домашней птице [65]; о земледелии и сельскохозяйственных культурах [66]. Далее тематический круг продолжают загадки о явлениях природы [67]. И завершает тематический круг загадка о небесных явлениях [68].

Особое место занимают исторические песни (баиты) барабинских татар. В исторических песнях, как правило, отражаются исторические лица или события, имевшие исторический характер. В наших материалах встречаются тексты исторических песен (баита), сюжеты которых в большинстве посвящены военной тематике, так, например, один из баитов посвящен отражению событиям русско-японской войны 1904 – 1905 гг. [69], а другой — германской войны (1914 г.) [70]. Не вышел из бытования баит о птицах Сак и Сок [71], который встречается в фольклоре и других групп сибирских татар. Сюжет данного баита в следующем: мать прокляла своих двоих детей, и они превратились в мифических птиц Сак и Сок. Отныне они не могут встретиться ни с родителями, ни даже друг с другом. Ф. И. Урманчеев данный баит относит к числу наиболее ранних образцов жанра и считает его полностью основанным на древних мифологических представлениях [72].

Особого внимания заслуживает детский фольклор, который существует как самостоятельная область устного народного творчества. Среди материалов встречаются игры, а также и считалки. Например, известна барабинцам такая детская игра, носящая название «Шишки, желуди, орехи» [73], или вот еще одна игра, носящая название: «Что мы делаем — не скажем, что мы делаем — подскажем» [74]. Популярны игры, в которых активно задействованы руки ребенка, например, игра, носящая название: «Пэсэем, пэсэем, тонаунга цыцаем» («Кошечка, кошечка, испачкаю тебе носик») [75]. К сожалению, нам не удалось собрать материалы по бытовому фольклору, состоящие из двустуший, четверостиший, песенок и приговорок. Не находим их и в литературных источниках. И в этом смысле существует значительный пробел. Поэтому задача по выявлению сюжетно-тематического круга детского фольклора остается открытой.

Итак, проведенный анализ фольклорных источников данной этнической группы сибирских татар, позволил сделать следующие выводы относительно жанрового состава и сюжетного разнообразия фольклора. Эпический жанр в материалах этнографических экспедиций в классическом виде, к сожалению, не представлен. Но, однако, о его разнообразии и богатстве мы можем судить по работе В. В. Радлова. Также героическая тематика представлена в мифах, легендах, исторических преданиях, песнях, богатырских сказках. Достаточно хорошо представлен такой жанр как быличка, в основе которой лежат также религиозные воззрения барабинцев. Что касается сказок, то из множества их видов выделяются, прежде всего, сказки волшебные. Автором данной работы в результате анализа было выявлено несколько сказок о животных, как вид сказки, ранее определявшийся исследователями как отсутствующий. Что касается бытовой сказки, то она в фольклоре барабинцев представлена слабее. Интересным по содержанию и композиции являются и обнаруженные тексты широко известной у тюркских народов исторической песни (баита). Здесь встречаем как классический образец баита, представленный баитом о птицах Сак и Сок, а

также баиты, сложенные намного позже и отразившие события прошлых веков, например, периода русско-японской войны. Жанр малых форм пословичный представлен очень хорошо, и их количество позволяет провести сравнительный анализ с материалами других групп сибирских татар и определить их тематический круг. Также это касается и загадки.

В данной работе автор ограничился рассмотрением лишь области народной прозы, а лирическая и драматическая области станут предметом следующих исследований. Результаты проведенной работы позволяют уже сделать некоторые выводы. Мы видим, что устное народное творчество барабинских татар обладает разнообразием и богатством фольклорных жанров, которые явились результатом взаимовлияния и взаимопроникновения культур нескольких этнических общностей, с которыми барабинцы вступали в разные исторические периоды в этнокультурные и этногенетические контакты. Автор полагает, что в дальнейшем после полного выявления жанрового диапазона фольклора, исследователям предстоит проведение сравнительного анализа фольклора барабинских татар с устным народным творчеством других татарских этнических общностей и рядом этносов, являющихся родственными по происхождению или проживающими в данном регионе и на соседних территориях. Представленная в данной работе жанровая структура фольклора барабинских татар может быть использована при подготовке учебных пособий, лекционных курсов.

Библиографический список

1. Исхакова, С.М., Валеев Ф.Т. К вопросу о роли фольклора в историко-этнографическом изучении сибирских татар // Этнокультурные явления в Зап. Сибири. — Томск, 1978. — С. 173.
2. Томилов, Н.А. Фольклор — история — быт (по материалам фольклора барабинских татар) // Народная культура Сибири: материалы VIII науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. — Омск, 1999. — С. 59-63; Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В. Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1983. — С. 12 — 25.
3. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность. — М., 1976. — С. 46.
4. Татарские народные сказки. — Казань, 1992. — С. 9.
5. МАЭ ОмГУ. Ф.1, 1975, Д. 36-1, К. 79.
6. МАЭ ОмГУ. Ф.1, 1975, Д. 76-1, К.65.
7. МАЭС ТГУ, 1973, Т. 3, Л. 30-31.
8. Миллер, В.Ф. Русская былина, ее слагатели и исполнители // Русское устное народное творчество: хрестоматия по фольклористике. — М., 2003. — С. 314.
9. Радлов, В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. — СПб, 1872, Т. 4. — С. 14.
10. Ахметова-Урманче, Ф.В. Звучание дастанов В.В.Радлова / Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск — Омск, 2002. — С. 340.
11. Дмитриева, Л.В. Язык барабинских татар. — Л., 1981.
12. Суразаков, С.С. Героический эпос алтайцев // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, 1958, вып. II. — С. 57.
13. МАЭ ОмГУ. Ф.1, 1977, Д. 3-1, К. 186, 187, 188.
14. МАЭ ОмГУ. Ф.1, 1977, 3-1, К. 274.
15. МАЭ ОмГУ. Ф.1, 1977, 1977, Д. 3-1, К. 162; МАЭС ТГУ, 1971, Т. 503-1, Л. 27.
16. МАЭ ОмГУ. Ф.1, 1977, Д. 3-1, К.5.
17. МАЭ ОмГУ. Ф.1, 1977, Д.72-7, К. 223.
18. МАЭ ОмГУ. Ф.1, 1977, Д.72-7, К. 229.

19. МАЭС ТГУ, 1973, Т. 542-1, Л. 66.
20. МАЭС ТГУ, 1973, Т. 542-1, Л. 14,15; МАЭС ТГУ, 1973, Т. 542-1, Л. 35,36,37.
21. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1975, Д. 76-1, К.15.
22. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977, Д. 3-1, К.92-94.
23. Дмитриева, Л.В. Указ. соч. — С. 27-31; Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. — СПб, 1872, Т.4. — С. 8—9.
24. Дмитриева, Л.В. Указ. соч. — С.16—17.
25. Фольклор и этнография : проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. — Л., 1990. — С. 113.
26. Тумашева, Д.Г., Ахметова Ф.В. Указ. соч. — С. 24.
27. Радлов, В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. - СПб., 1872, Т.4. — С. 65—70; МАЭ ОмГУ, 1977, Д. 3-1, К. 100-101.
28. Дмитриева Л.В. Указ. соч. — С. 60—62.
29. Дмитриева Л.В. Указ.соч. — С. 70—72.
30. Дмитриева Л.В. Указ.соч. — С. 66—69.
31. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977, Д.3-1, К.85.
32. Дмитриева, Л.В. Указ.соч. — С. 81—84.
33. Жирмунский, В.М. Тюркский героический эпос. — М., 1984 — С. 21.
34. Валеев, Ф.Т., Томилов, Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. — Новосибирск, 1996. — С.162; Томилов Н.А. Татарские народные сказки // Земля сибирская, дальневосточная. — 1992. — № 7/8. — С. 11—16; Томилов Н.А. Об умной жене // Вестник культуры / Изд. Комитета по культуре и искусству Администрации Омской области Омского отделения Российского фонда культуры и Управления культуры Администрации г. Омска. — 1993. — № 4; Томилов Н.А. Ахмет и хан // Вестник культуры. — 1994. — № 2; От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири) — Томск, 1995. — С. 144—163.
35. Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография. — Л., 1970. — С. 146.
36. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977, Д.3, К.158-160.
37. Дмитриева, Л.В. Указ.соч. — С. 100—102.
38. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977, Д.3-1, К.173-176.
39. Дмитриева, Л.В.Указ.соч. — С. 108—115.
40. Дмитриева, Л.В. Указ.соч. — С. 77—81.
41. Дмитриева, Л.В. Указ.соч. — С. 50—55.
42. Дмитриева, Л.В. Указ.соч. — С. 32—49; С. 95—98; С. 115—119.
43. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977, Д.3-1, К. 170-172.
44. Радлов, В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. — СПб, 1872, Т. 4. — С. 9—20.
45. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977, К. 169.
46. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1972, Д. 72-7, К. 335-336.
47. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1975, Д. 76-1, К.26.
48. МАЭ ОмГУ, 1977, Д. 3-1, К. 167, К. 293.
49. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1975, Д.76-1, К.29.
50. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1975, Д.76-1, К.34; МАЭ ОмГУ, 1975, Д.76-1, К.83; МАЭ ОмГУ, 1975, Д. 76-1, К.82; МАЭ ОмГУ, 1977, Д. 3-1, К.69.
51. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977, Д.3-1, К.14, 166.
52. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977 Д. 3-1, К.166.
53. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977, Д. 3-1, К.23.
54. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1977, Д.3-1-, К.156.
55. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1975, Д.1-30, К.164; МАЭ ОмГУ, 1977, Д. 3-1, К.147.
56. Исторические предания и легенды барабинских татар // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2007. — № 6 (62), ноябрь—декабрь. — С. 35—39.
57. Чистов, К.В. Духовная культура и этнические процессы. Вводные замечания // Современные этнические процессы в СССР. — М., 1977. — С. 318.
58. МАЭ ОмГУ, 1983, Д. 9-1, К. 244.
59. Полевые материалы автора 2005 г., инф.: Сунинова Джамиля Азатуловна, 1970 г.р., д.Усманка, Венгеровского р., Новосибирской области.
60. Полевые материалы автора 2005 г., инф.: Сунинова Д.А.
61. Рыбникова, М.А. Загадка, ее жизнь и природа // Русское устное народное творчество : хрестоматия по фольклористике. — М., 2003. — С. 124.
62. Полевые материалы автора, инф.: Сунинова Д. А.
63. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1983, Д. 9-1, К. 257.
64. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1983, Д. 9-1, К. 282; МАЭ ОмГУ, 1983, Д. 9-1, К. 283.
65. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1983, Д. 9-1, К. 281; полевые материалы автора, инф.: Сунинова Д. А.
66. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1983, Д. 9-1, К. 283.
67. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1983, Д. 9-1, К. 280; полевые материалы автора, инф.: Сунинова Д.А.
68. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1983, Д. 9-1, К. 279.
69. Дмитриева, Л.В. Язык барабинских татар. — Л., 1987. — С. 56.
70. Дмитриева, Л.В. Язык барабинских татар. — Л., 1987. — С. 65.
71. Полевые материалы автора 2005 г., инф.: Сунинова Д. А.
72. Урманчеев, Ф.И. Народное поэтическое творчество // Этнография татарского народа. — Казань, 2004. — С. 201—202.
73. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1983, Д. 9-1, К. 262.
74. МАЭ ОмГУ. Ф.И, 1983, Д. 9-1, К. 262, К. 264.
75. Полевые материалы автора 2005 г., инф.: Сунинова (Майлюкова) Д. А.

ЛУКМАНОВА Динара Маликовна, старший лаборант музея археологии и этнографии.

Статья поступила в редакцию 21.04.08 г.

© Д. М. Лукманова

Книжная полка

История и культура Отечества [Текст] : учеб. пособие для техн. вузов / В. В. Гуляева [и др.] ; под ред. В. В. Гуляевой. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Трикста : Акад. Проект, 2007. — 749, [1] с. : ил. — (Gaudeamus). — Библиогр.: с. 738—743. — ISBN 5-8291-0784-8. — ISBN 5-902358-97-3.

Пособие разработано в соответствии с Гос. стандартом высшего профессионального образования РФ. В нем освещается история России с древнейших времен до наших дней. Авторы достаточно полно рассматривают различные стороны жизни общества, обращая особое внимание на ключевые моменты каждой эпохи. Особое внимание уделено этапам развития экономики, предпринимательства и проведения социально-экономических реформ.

Пособие предназначено, прежде всего, для студентов, но оно будет интересно и широкому кругу любителей истории.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ШАЛАША В ИСТОРИИ ЖИЛИЩА КОЧЕВНИКОВ

На основе анализа обширного материала в археологических, письменных и изобразительных источниках рассматривается развитие переносных жилищ кочевников Евразии, что позволяет проследить ступени генезиса от исходной формы — конического и полусферического шалашей до решетчатой юрты.

Предыстория кочевого жилища уходит своими истоками к поселениям и стоянкам эпохи энеолита и неолита (IV — III тыс. до н. э.). Именно в эту эпоху сезонные передвижения охотников и рыболовов в соответствии с миграциями дичи, рыбы вызвали к жизни появление легко переносимого и легко устраниваемого жилища. Об этом свидетельствует множество поселений под открытым небом. Таковы, например, дюнные поселения кельтеминарской культуры Приаралья (Джанбас 4, Кават 7 — IV тыс. до н. э.), в которых, судя по реконструкции С. П. Толстова, жилища представляли собой огромный шалаш из дерева и камыша, яйцевидного в плане очертания (17×26; 19×30 м), с коническим верхом (высота — 8 — 10 м) [1]. На сходный характер жилищ указывают материалы археологических раскопок на Устьюрте и в Центральном Казахстане (стоянки на реках Сарысу и Дамсы), где также, по мнению археологов, употреблялись шалашы с жердевым остовом [2, 3].

Возможно, уже в этот период у обитателей степи существовали два вида шалаша: конический и полусферический, известные до сих пор ряду кочевых скотоводческих народов Евразии. Представление о первом, по мнению Н. Н. Харузина, дает шалаш карасов, «составленный из листовенных и еловых жердей, покрываемых летом березовой корой, зимой — оленьими или лосиными выделанными кожами. ...3—4 сажени в поперечнике основания. ...в середине горит огонь, раскладываемый без особого очага» [4, с. 5]. И далее: «На месте, где предполагают устроить вход, жерди расставляются шире; на высоте 1,5 арш. от земли прикрепляют поперечную жердь; отверстие прикрывается привешенным куском кошмы или звериной шкурой» [там же, с. 7—8]. Согласно обзору жилищ тюрко-монгольских народов, опубликованном исследователем в цитируемой работе «История развития жилищ у кочевых и полукочевых ...народностей России», аналогичная простейшая конструкция характерна для шалашей алтайцев, телеутов, сибирских татар, якутов, монголов, казахов и др. Они также втыкали в землю по кругу несколько жердей, связывали или скрепляли их верхние концы. Отличались лишь размеры и количество жердей, а также материалы, используемые для покрытия. Алтайцы предпочитали кору листовенницы или сосны, бересту и войлок; телеуты — «рогожи из лык горохового дерева» и камыш; сибирские татары — бересту, камыш и тростниковые циновки; буряты — хвойные ветки, меховые шкуры и войлок; монголы, калмыки и казахи — войлок [там же].

О конструкции полусферического шалаша можно судить по описанию карлукского шалаша — лочига, который был зафиксирован Б. Х. Кармышевой в горных районах Южного Узбекистана в 1950-х гг. Каркас лочига сооружался из перекрещивающихся деревянных дуг, концы которых втыкались в землю. Первые две дуги ставились под прямым углом. Затем, ориентируясь на них, размещали остальные дуги, каждая из которых была ниже предыдущей. Получался полусферический купол, верх которого состоял из решетки, образовавшейся от скрещивания дуг, а низ — из вертикальных жердей. Дуги во всех местах скрещивания привязывались друг к другу волосными шнурками. Вход представлял собой просто проем, получившийся в результате того, что одна, две или три основные жерди не ставились. Для поддержания купола ставили несколько подпорок в виде длинной жерди с развилкой на конце [5].

Если о шалашах древнейшего периода мы можем судить, главным образом, на основании поздних этнографических данных, то «развитие» шалаша в последующие столетия освещено в значительно более широком круге источников. Судя по описанию Геродота (V в. до н. э.), у аргипеев, входивших в скифо-сакский мир: «...Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без крыши» [6, с. 193]. О знакомстве ираноязычных скифов с конструкцией конического шалаша свидетельствует описание древнегреческим историком их «бани»: «Устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают его как можно плотнее...» [там же, с. 205].

Важные перемены в конструкции скифского шалаша — чума — происходят позднее; это зафиксировано керченскими находками. Во-первых, росписью в склепе Анфестерия (I в. до н. э. — I в. н. э.), изображающей какой-то сюжет из жизни кочевников [7, рис. II, 1, с. 15]. Центром композиции здесь является жилище, называемое Л. Г. Нечаевой «юрта — шатер», конструкция которого характеризуется следующим образом: «Основу юрты составляет усеченная пирамида; над ней возвышаются еще две невысоких пирамиды, образуя ступенчато-пирамидальный верх...» [там же, с. 14]. Исследователь справедливо обратила внимание на то, что основные шести остова не скрещивались вверху, а скреплялись квадратной рамой. По мнению С. И. Вайнштейна, функцию скрепления выполняли отдельные палки-обвязки, а остов состоял

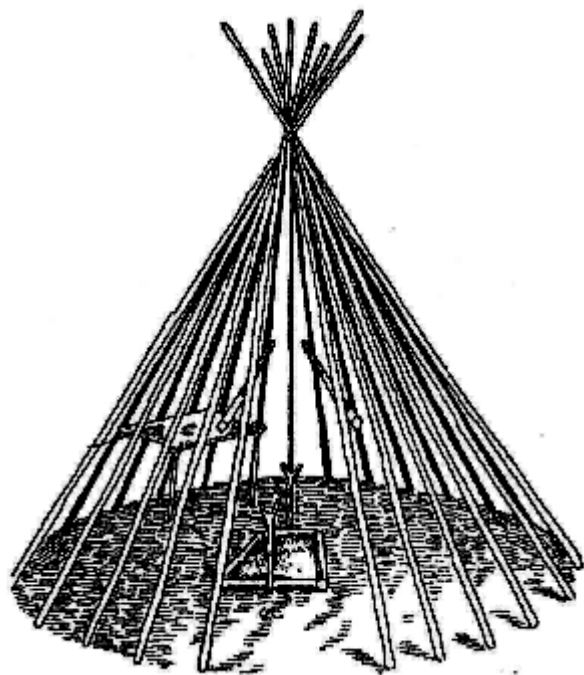

Рис. 1. Конический шалаш
(по А.А. Попов. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961, табл. III, 1)

«из четырех конически установленных шестов с тремя квадратными обвязками из горизонтальных жердей, прикрывающихся войлоком» [8, с. 45]. Во-вторых, изменение конструкции конического шалаша подтверждает одна из глиняных игрушечных моделей, найденная также в Керчи (II в. н. э.). Судя по публикации, на перекрытии кузова четырехколесной повозки установлено шатровидное сооружение, которое исследователем интерпретируется как покрытый войлоком шалаш с пирамидально-усеченным каркасом [7].

Итак, у ираноязычных кочевников чум превратился в шалаш с прямоугольным планом и пирамидальной формой. Эти две характеристики Л. Г. Нечаева выделяет в качестве основного отличия шалашей ираноязычных кочевников от тюрко-монгольских, у которых шалаш — «от простейших конических до сложно-решетчатых — всегда имеют круглую в плане форму» [там же, с. 14]. Однако это — очень спорное утверждение, поскольку многочисленные источники указывают на то, что у ираноязычных кочевников также был пологий округлый в плане шалаш, полусферический из гнутых жердей. По нашим наблюдениям, подтверждением этому служит другая глиняная игрушка-повозка, найденная в Керчи на Глинище в детской могиле. Судя по описанию исследователя, на кровле кузова четырехколесной повозки крест-накрест укреплены широкие дуги, образующие остов верхнего помещения, которое, вероятно, имело покрытие из войлока, шкур или древесной коры. На опубликованной фотографии модели четко просматривается полусферический каркас, у которого вершины дуг не смыкаются плотно и не имеют опоры, а как бы висят в воздухе. Аналогично Л. Г. Нечаева видит в каркасе крытого загона для овец у белуджей [там же, с. 12]. У нас нет недостатка в примерах: во-первых, каркас описанного выше карлукского лочига [5], во-вторых, рудимент подобной конструкции — арочное перекрытие второго этажа ингушских боевых башен [9], в-третьих, описание Иосафа-

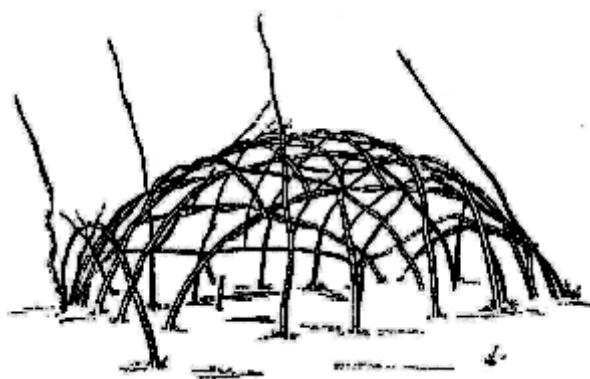

Рис. 2. Полусферический шалаш
(по А.А. Попов. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961, табл. VIII, 11)

том Барбаро остова домов-повозок кочевников Дешт-и Кыпчака (XV в.): «Берут деревянный обруч, диаметром в полтора шага, и на нем устанавливают несколько полуобручей, пересекающихся в центре» [10, с. 144]. Письменным подтверждением данной гипотезы является сообщение Аммиана Марцеллина, что у аланов жилищем служили кибитки «с изогнутыми покрывками из древесной коры, которые они перевозили по беспредельным степям» [11: 2, 18].

В то же время вполне правомерно считать, что у племен «скифского» мира в Центральной Азии и Южной Сибири во второй половине I тыс. до н.э. развитие конического шалаша проходило несколько иначе. Так, если, как мы видели выше, у ираноязычных кочевников жерди крепились квадратными горизонтальными обвязками, то у тюрко-монгольских — круглыми. О появлении у них верхнего круга-обвязки пишет Н. Н. Харузин: «Первоначальное скрепление жердей посредством простого связывания верхних концов заменяется следующими приспособлениями: для поддержания жердей в неизменном направлении они скрепляются кольцами, свитыми из прутьев; далее верхние концы жердей, образующих остов, вставляются уже в особо приспособленный для этого круг — чангарак» [4, с. 17]. Первую ступень иллюстрирует шалаш северных монголов «обахай», вторую — казахская «аблайша» и туркменская «ораха». Своеобразным решением нижней обвязки является основание якутского шалаша, которое «заплетается для крайности внизу в три ряда сырым тальником, что называется курду» [там же, с. 14]. Однако прямой аналогией пирамидально-усеченной конструкции скифского шалаша, тождь с круглым планом, мы считаем казахский походный шалаш «ос», который, по словам Харузина, «состоит из деревянных кругов от 1 — 2 сажень в диаметре, соединенных по окружности жердями» [там же, с. 16]. Вероятно, дальнейшее развитие этой конструкции иллюстрируют постройки типа круглых деревянных монастырских юрт Монголии, которые составлены из досок, вертикально закрепленных в деревянные круги [12, с. 26 — 27].

Таким образом, уже на начальном этапе формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов Евразии начинается поиск рациональных архитектурных решений. Главная задача — сделать жилище удобным для установки и перевозки. Поскольку конический шалаш, с его тяжелыми и массивными жердями, в новых условиях морально устарел, обитатели степей начали уменьшать наклон стен и облегчать каркас. Горизонтальная обвязка придавала жесткость конструкции и превратила ее в настолько

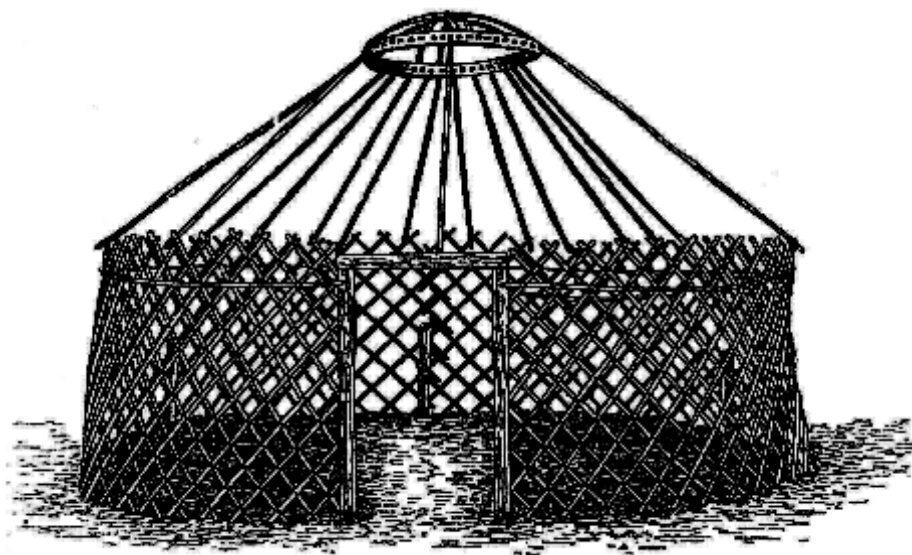

Рис. 3. Решетчатая юрта (по А.А. Попов. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961, табл. XVIII, 1)

крепкое целое, что шалаш можно было перевозить, не разбирая, и устанавливать на повозке. Революционным был сам отрыв шалаша от земли, ведь отсутствие всякой привязанности к земле — это символ кочевничества. Если обратить внимание, то самые примитивные шалашы, например, те, что мы видели у барабинских татар и северных бурят, втыкались в землю. Отголоском докочевнической эпохи, на наш взгляд, является и строительный ритуал при установке карлукского шалаша — лочига. Вот как пишет об этом Б. Х. Кармышева: «...одна из женщин вбивала колышек на глубину одной пяди. Потом вынимала его. В образовавшуюся ямку наливала воду, чтобы земля несколько размякла и жердь лочига глубже вошла и крепче держалась. Вторая женщина вставляла в эту ямку утолщенный конец жерди» [5, с. 72]. В этом отношении весьма уместно, нам кажется, привести размышления Г. Гачева: «Что такое юрта? Как делается это помещение? Заарканивается сачком жердей кусок пространства... а одевают его «шкурами» — кошмой... Дом строится снизу, с фундамента, сеется в землю... Он строится — как злак растет: выражая понятие земледельца о мире. Юрта же строится сверху» [13, сноски, с. 413].

О генезисе юрты в литературе высказывались самые противоречивые точки зрения. Так, гипотеза Н. Н. Харузина сводилась к тому, что юрта возникла из конического шалаша в процессе его модификации. Он же высказал предположение, что прототипом решетки послужил плетень. С. И. Вайнштейн развил эту мысль при обосновании своей версии. По мнению ученого, юрта генетически восходит к полусферическому шалашу из согнутых в дугу жердей, о распространении которого свидетельствует рисунок округлого по силуэту жилища, найденный исследователем при раскопках одного из курганов казылганской культуры скифского времени в Туве. Следующим звеном в цепочке, по его мнению, является сплетенный из ивовых прутьев куполообразный шалаш с высокой шейкой-дымоходом сверху, так называемый «шалаш хуннуского типа». И наконец, наиболее важный этап развития кочевнического жилища заключался в переходе к разборно-складному решетчатому остову стен жилища в древнетюркское время [8].

Вместе с тем широко распространена точка зрения о крайней древности юрты кочевников. Так,

А. Х. Маргулан пишет: «Прообразы легкого разборного или переносного жилища появляются уже в конце бронзовой эпохи, в карасукское время (IX — VIII вв. до н.э.), когда, с переходом к яйлажному скотоводству и с сезонными передвижениями, появилась необходимость в жилищах типа юрты. Первоначально юрта, видимо, развилась из рубленого жилища, имевшего в плане круглую или многогранную форму с разборным шатровым куполом» [3, с. 48]. К этой точке зрения в последнее время присоединился А. И. Курочки, утверждающий, что юрта не меняла своего качества, по крайней мере, 2500 лет [14]. Как видим, эта важная проблема еще далека от своего разрешения и требует дальнейших исследований.

Не вступая в полемику о генезисе решетчатой юрты, отметим, что ее изобретение и распространение С. И. Вайнштейн относит к I тыс. н.э. и связывает с древнетюркским периодом — узловым эпохой в истории племен степной Евразии, когда заканчивается процесс генезиса хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов, и он стабилизируется в своих классических формах. Этот период ознаменован достижениями в материальной и духовной культуре, означающими, что кочевой стиль достиг совершенства. В результате многовекового отбора и шлифовки под углом зрения максимальной практичности, компактности, прочности, легкости и удобства при постоянных переездах появились мобильные жилища, сборно-разборная мебель, небьющаяся посуда, легкой одежды, предназначенной для верховой езды. Исследователи считают, что особое значение эпоха древних тюрков имеет для архитектуры кочевых народов, поскольку именно в этот период она «претерпела ряд внезапных изменений и оставила достаточное число очень характерных и значительных памятников, позволяющих судить в целом о широких возможностях строительной культуры в степях» [14, с. 81]. Свидетельством тому не только города — центры сосредоточения власти кочевников, мемориальные усыпальницы ханов и полководцев, храмы и замки-крепости в степях, но и решетчатая юрта.

Юрта — портативный цилиндрический шалаш нового типа — имела совершенно своеобразную конструкцию: она состояла из двух частей — вертикальной стенки, образованной из решетки, которая может складываться, и самостоятельного верха. Как пишет

С. И. Вайнштейн: «Преимущества юрты по сравнению с предшествующими типами шалашей очевидны: она не нуждалась в транспортировке в громоздких повозках, ее можно было быстро собрать и разобрать, сравнительно легко перевезти вьюком в мало-доступные ранее места... Юрта имела лишь один существенный недостаток: ее остов нельзя было изготовлять, как прежде, в каждом кочевом хозяйстве. Изготовление решеток было доступно лишь особым мастерам-ремесленникам» [8, с. 46].

С этого момента юрта становится основным типом жилища кочевников Великого пояса степей. Упоминания об остальных видах шалашей, несмотря на то, что они существовали наряду с решетчатой юртой, лишь изредка встречаются в средневековых источниках. Так, например, у огузов помимо юрты жилищами служили чумы «шатыр» (чашыр) и «алычак», а также палатки из различных покрытий и деревянных опор, часть из них устанавливалась на телеги [там же]. Известно также об использовании шалашеобразных жилищ оседающими кочевниками Хазарского каганата. «Дома семендерцев, — пишет арабский географ X в. ал-Муккадаси, — выстроены из дерева, переплетенного камышом, и имеют островерхние крыши» [цит. по 9, с. 18]. Подтверждением служат и материалы археологических раскопок, — в частности, на это указывают наклонные стенки округлой в плане полуземлянки с очагом в центре, исследованной С. А. Плетневой на Правобережном Цимлянском городище [15]. Судя по описанию ал-Гарнати (XII в.), население в поволжско-прикаспийском городе Саксине проживало в палатках: «В городе существует сорок родов гузов, каждый из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком» [цит. по 16, с. 208]. Шалаш из ветвей, конический шалаш, неразборные жилища на телегах входят в перечень типов жилищ, после дворца и решетчатой юрты, в «Сокровенном сказании», или «Секретной истории монголов» [8].

В поле зрения русских исследователей XVIII—XIX вв. шалаша тюрко-монгольских народов попали при переходе последних к полуседлости, когда они сохранились уже «в качестве обрядового переживания некогда господствовавшего типа жилища», как, например, кюйме — свадебные кибитки ногайцев, туркмен и кыргызов; либо в качестве стационарных построек беднейшего населения Сибири, как, например, чумы, в которых алтайцы или селенгинские буряты пытались воспроизвести образ юрты; а также как временные, походные жилища казахов, монголов, калмыков, туркмен и т.д. [4, 17].

Таким образом, анализ приведенных данных привел нас к выводу, что прав был Н. Н. Харузин, называя шалаш «эмбрионом развития жилищ кочевников». Действительно, шалаш в том или ином виде на протяжении всей истории кочевничества сопровождал обитателей степей: на раннем этапе бытовали два его вида — конический и полусферический, которые подразделялись на разборные и неразборные, водруженные на повозки; после завершения формирования хозяйственно-культурного типа появился цилиндрический разборный шалаш с решетчатым складным каркасом стен, так называемая юрта, у которой тоже была неразборная разновидность, установленная на

колеса, и на его основе множество других видов переносных жилищ. К сожалению, шалаш и юрта, с которыми связана целая эпоха в культурном развитии многих народов, уже исчезают. В настоящее время в городах Казахстана юрты украшают только музеи и праздники, они стали редкостью даже в сельской местности. Своему прямому назначению, по нашим наблюдениям, они служат только на пастбищах Монголии, наряду с такими видами переносных жилищ, как «аблайша», «жолым Ый» и «итарка», которые мы зафиксировали у монгольских казахов в 2003—2004 гг. в ходе работы комплексной этнографической экспедиции МонгКЭ (рук. С. Е. Ажигали).

Библиографический список

1. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. — М., 1962.
2. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
3. Маргулан А.Х. Архитектура древнего периода // Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. — Алма-Ата, 1959.
4. Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. 1896. № 1. Кн. XXVIII. ч. I, II.
5. Кармышева Б.Х. Основные виды переносного жилища узбеков // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. — М., 2000.
6. Геродот. История. — Л., 1972, IV, 23, с. 193; IV, 73, с. 205.
7. Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э. — первая половина II тыс. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М., 1975.
8. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. — № 4.
9. Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982.
10. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей. — Л., 1971.
11. Аммиан Марцеллин. Деяния. — Кн. XXXI, 2, 18.
12. Кондратьева М.И. О юртообразных зданиях Внешней Монголии. — СЭ, 1935. — № 3.
13. Гачев Г. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). — М., 2002.
14. Куркчи А.И. Архитектура кочевой степи в VIII в. // Архитектурное наследие. Вып. 37. — М., 1990.
15. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — М., 1967.
16. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966.
17. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX вв. — М., 1976.
18. Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. — М. — Л., 1961.

ТУРГАНБАЕВА Ляйля Рымбековна, кандидат архитектуры, ассоциированный профессор Казахской головной архитектурно-строительной академии, докторант отдела этнологии Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, г. Алма-Ата, Республика Казахстан.

Статья поступила в редакцию 21.04.08 г.

© Л. Р. Турганбаева

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКОГО УЧЕНОГО В. П. КОСОВАНОВА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На основании проведенного исследования впервые произведен анализ научной и научно-популярной литературы о научно-исследовательской деятельности сибирского ученого, библиографа, краеведа В. П. Косованова: установлено отсутствие в настоящее время обобщающей комплексной работы по обозначенной проблеме, выявлено значение трудов В. П. Косованова для осознания динамики становления Енисейского региона, современных проблем экономического развития Сибири.

Деятельность председателя КОРОГОН (1926 — 1937 гг.) крупнейшего сибирского библиографа, краеведа, профессора геологии Вячеслава Петровича Косованова (1880 — 1938 гг.), несмотря на значительный вклад в развитие производительных сил, в научное и библиографическое изучение Сибири и Приенисейского (Красноярского) края в частности, до сих пор, на наш взгляд, не получила подробного и обстоятельного освещения в имеющейся научной литературе.

По тематико-хронологическому принципу работы, затрагивающие тот или иной аспект научно-исследовательской деятельности В. П. Косованова, могут быть условно поделены на несколько групп.

К первой группе относим работы, в которых внимание авторов сосредоточено на библиографической деятельности В. П. Косованова и анализе одного из крупнейших его трудов — «Библиография Приенисейского края. Систематический указатель книг и статей на русском и иностранном языках, опубликованных с 1623 по 1923 год включительно» (свыше 25 000 наименований литературы в четырех томах), ставшего первым в Сибири опытом библиографирования краеведческой литературы и остающегося востребованным.

После выхода в свет первого (в 1923 г.) и третьего (в 1930 г.) томов «Библиографии Приенисейского края» на страницах общероссийских, сибирских и краевых периодических изданий появилось восемь рецензий (5 — на первый том и 3 — на второй том). Рецензенты-библиографы, высказав замечания, в целом единодушно дали высокую оценку указателю [1].

В последующем каждый из авторов, писавший о жизни и деятельности В. П. Косованова, считал своим долгом непременно упомянуть хотя бы одной строкой о «Библиографии Приенисейского края».

В разные годы издавались библиографические справочники и словари, содержащие краткие биографические данные о В. П. Косованове и списки его библиографических работ [2]. Особо отметим библиографический словарь известнейшего библиографа В. А. Николаева, в котором он попытался дать наиболее полный список библиографов Сибири и Дальнего Востока. В словаре помимо небольшой заметки энциклопедического характера о В. П. Косованове

приведен наиболее полный перечень его опубликованных библиографических работ (7 названий) и литература о нем и его библиографических работах. В этом заключается ценность словаря В. А. Николаева применительно к исследуемому вопросу. Впоследствии именно данным списком воспользовался А. Н. Бученков для написания статьи о библиографической реабилитации В. П. Косованова.

Главный библиограф Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина А. Н. Бученков, решая поставленные в статье задачи, в частности для подтверждения тезиса о неполноте «Сибирской библиографии» В. И. Межова, ссылается на В. П. Косованова как на рецензента данного труда, указавшего на «слишком значительное количество пропусков», а также подчеркивает методическое влияние В. И. Межова на составителя «Библиографии Приенисейского края» [3].

В начале 1970-х гг. библиографы Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, рассматривая вопросы организации краеведческой справочно-библиографической работы библиотеки, обращались к истории краеведческой библиографии края. И. С. Малолеткова упоминает три основные опубликованные библиографические работы В. П. Косованова и о деятельности Библиографической комиссии под его руководством [4]. Несколько более подробно эти же аспекты с акцентом на «Библиографию Приенисейского края» затронуты в работе В. А. Макаровой [5].

Сибирский исследователь А. Н. Лебедева, изучая библиографию краеведческой библиографии первого советского десятилетия, не могла не отметить доклад В. П. Косованова «Сибирский библиографический институт и организация его работы». При этом автором была допущена фактическая ошибка (эта же ошибка содержится в статье А. Н. Бученкова «Народный профессор» [6]): В. П. Косованов выступал с докладом на съезде по организации Института исследования Сибири в 1919 г. в Томске [7]. Выявить и устранить ошибку (В. П. Косованов на съезде не присутствовал, его доклад был зачитан А. Я. Тугариновым) позволило изучение архивных материалов [8], однако последнее не являлось целью автора анализируемой статьи.

В статьях красноярских исследователей А. Б. Шиндиной [9] и А. В. Слабуха [10] предлагаются справочные данные о Библиографическом бюро Приенисейского края, возглавляемом В. П. Косовановым, и о его труде «Библиография Приенисейского края» соответственно.

Специальные работы о библиографическом аспекте научно-исследовательской деятельности появились в юбилейном по отношению к «Библиографии Приенисейского края» году — в 1998 г. (75 лет со дня выхода в свет второго тома указателя). Публикации сотрудника Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края Н. В. Фефеловой [11] и библиографа А. Н. Бученкова [6, с. 123–132] объединяет стремление создать портрет В. П. Косованова как человека и ученого в большей степени через призму его библиографической деятельности. Для того чтобы портрет не выглядел однобоким, авторы приводят краткие общеизвестные сведения о его жизни, деятельности и достижениях в других областях исследований. Наиболее глубоко рассмотрена библиографическая деятельность В. П. Косованова в статье А. Н. Бученкова, в которой впервые обобщен опубликованный материал, касающийся «Библиографии Приенисейского края», и оценен данный монументальный труд с позиций современной библиографии.

Во вторую группу включаем работы, в которых основное внимание уделяется научно-исследовательской деятельности В. П. Косованова в области изучения производительных сил Сибири и Приенисейского края в частности.

Многогранная и плодотворная деятельность В. П. Косованова по изучению края была отмечена еще при жизни исследователя. В 1928 г. опубликованы юбилейные статьи (к 25-летию научной, литературной и краеведческой деятельности В. П. Косованова) сотрудника музея Приенисейского края А. Н. Соболева [12] и заведующего Енисейской ихтиологической лабораторией профессора А. И. Березовского [13], которые служат ценными источниками для характеристики В. П. Косованова как ученого и человека, ибо их авторы являются непосредственными свидетелями его жизни и деятельности. А. И. Березовский в конце статьи помещает список, состоящий из 10 опубликованных и 6 подготовленных к печати работ В. П. Косованова, и до настоящего времени он остается наиболее полным из имеющихся в литературе о сибирском исследователе.

Признанием сибирской научной общественностью заслуг В. П. Косованова как ученого можно считать тот факт, что в 1930–1931 гг. во втором томе «Сибирской советской энциклопедии» была помещена о нем статья [14]. Она в сжатом виде передает содержание статей А. И. Березовского. В ней приведены краткие биографические данные, очерчен круг его научных интересов, дан список, однако далеко не полный, главнейших трудов (6 названий).

Необходимо отметить публикации участников красноярских геологических походов С. В. Блохина и Т. Белоногова, вышедшие в журнале «Советское краеведение» в середине 30-х гг. XX в. В статьях ученого секретаря ОИКС С. В. Блохина сообщается о целях и задачах, о подготовке и проведении, о результатах первых геологических походов (1933 г. и 1934 г.). В. П. Косованов в них упоминается как один из инициаторов, организаторов, руководителей и активных участников геологических походов, призванных дать минеральное сырье для красноярского энергопромышленного узла [15].

В публикации ответственного секретаря Сибирской секции ЦБК Т. Белоногова дается оценка геологической работе красноярских краеведов за 1935 г. с позиций советского краеведения: автор приходит к выводу, что основной признак советского краеведения — массовость, вовлечение в исследовательскую работу широких слоев населения — у них почти совершенно, за немногими исключениями, отсутствовал. К числу «исключений» отнесена партия краевого похода, возглавляемая В. П. Косовановым, участие в исследованиях которой принял также и автор статьи во время командировки в Красноярский край. Т. Белоногов подробно останавливается на методике работы этой поисковой партии, а соответственно, и на деятельности В. П. Косованова по осуществлению поиска полезных ископаемых и организации краеведческой работы в исследуемом районе [16].

Писатель Эль-Регистан (Г.А. Уреклян), познакомившись с профессором В. П. Косовановым, совершая зимой 1935 г. перелет Москва — о. Диксон на борту самолета В.С. Молокова, «несколькими мазками» создал его портрет как энергичного, увлекающегося человека, ученого, посвятившего свою жизнь изучению бассейна р. Енисей, вдохновившего на участие в геологическом походе имени челюскинцев (1934 г.) сотни добровольцев-исследователей, способствовавших под руководством В. П. Косованова выявлению производительных сил одиннадцати районов Красноярского края [17].

Первой работой, в которой содержались сведения о деятельности В. П. Косованова (изыскания, связанные с определением места для Красноярской ГЭС), после его ареста 12 июня 1937 г. по сфабрикованному обвинению в «контрреволюционной» деятельности против советской власти, стала научно-популярная книга Г. И. Кублицкого «Енисей, река сибирская» [18], где Вячеслав Петрович фигурирует под именем Владимира Петровича. В июне 1957 г. В. П. Косованов решением Военной коллегии Верховного Суда СССР был реабилитирован посмертно. В последующих работах, посвященных Сибири и Красноярскому краю, Г. И. Кублицкий, помещая свои воспоминания о профессоре В. П. Косованове (в начале 30-х гг. XX в. Георгий Иванович работал топографом в геодезической секции ССОРГО), использует его настоящее имя [19]. Г. И. Кублицкому удалось создать живой, яркий образ В. П. Косованова как обаятельного человека и выдающегося ученого, чудака и мечтателя, достоверно воссоздать атмосферу, в которой не только работала геодезическая секция, направляемая В. П. Косовановым, но и жил весь г. Красноярск в преддверии грандиозного строительства ГЭС на р. Енисей.

Обстоятельными специальными работами о научно-исследовательской деятельности В. П. Косованова в области изучения производительных сил являются статьи красноярских историков И. А. Прядко и О. Ф. Гордеева [20]. Внимание авторов публикаций сосредоточено на раскрытии того вклада, который внес профессор геологии в развитие производительных сил края и Сибири. Ценность публикаций заключается еще и в том, что они были первыми и до последнего времени оставались практически единственными работами о профессоре В. П. Косованове, написанными с привлечением неопубликованных материалов из фондов Государственного архива Красноярского края.

В юбилейном сборнике «Красноярск и красноярцы», посвященном 350-летию г. Красноярска, опубликована статья журналиста, краеведа Е. И. Владимирова «Первый красноярский профессор». В 1930-е гг.

автор статьи, будучи инструктором краеведения в Обществе изучения Красноярского края, работал под руководством В. П. Косованова. Е. И. Владимиров приводит «события жизни первого красноярского профессора по изучению и использованию производительных сил Приенисейской Сибири», в центре которых, по мнению автора, стоят события, связанные с разрешением промышленно-энергетической проблемы [21].

К 50-летию Красноярского края в 1984 г. появилась в печати статья кандидата экономических наук, старшего научного сотрудника ИЭ и ОПП СО АН Ю. Бендерского «Жизнь и дела профессора Косованова». Ю. Бендерский считает В. П. Косованова одним из первых краеведов Советской Сибири, который вел большую работу по экономическому изучению Красноярского края [22].

В. П. Зыков, журналист, заслуженный работник культуры России, воссоздавая в книге этапы строительства Красноярской ГЭС как «ступеньки» к возникновению г. Дивногорска, не смог обойти тот факт, что первичные изыскания на р. Енисей проводились под непосредственным руководством В. П. Косованова. Автор называет профессора В. П. Косованова «подлинным энтузиастом гидростроительства на сибирских реках» [23].

Публикации журналиста, заслуженного работника культуры России К. Ф. Попова представляют собой соединение детских воспоминаний с дополнительными сведениями из различных источников («Сибирская советская энциклопедия», «Красноярский рабочий» и др.), самым ценным из которых являются документы из архива НКВД по уголовному делу на В. П. Косованова. Изложению их содержания он уделяет особое внимание [24]. В настоящее время дело находится на хранении в ГАКК, однако оно по-прежнему остается не доступным для исследователей.

По мнению красноярского историка Р. Г. Рафикова, В. П. Косованов является одним из представителей российской интеллигенции, с именами которых связано развитие науки и культуры Красноярского края. В пояснительную статью к главе шестой «Культура в 1920 — 1930-е годы» хрестоматии «Красноярский край в истории Отечества» автор включает биографическую справку о В. П. Косованове, в которой показан спектр приложения научных интересов сибирского ученого [25].

Красноярский историк Л. П. Шорохов предваряет описание внешнего вида дома, построенного на рубеже XIX — XX вв., являющегося памятником истории и культуры Красноярского края, в котором жил В. П. Косованов (г. Красноярск, ул. Лебедевой, 50), краткой биографической справкой о его жизни и научно-исследовательской деятельности [26].

Авторы статьи, помещенной в «Енисейском энциклопедическом словаре», А. Е. Захаров, Н. С. Чистяков, В. Г. Сиротинин предлагают те же сведения о В. П. Косованове, что и Сибирская советская энциклопедия, только в несколько расширенном варианте: включают данные о его деятельности в 1930-е гг. — организация изыскательских работ по строительству ГЭС на р. Енисей, редактирование трех отделов ССЭ; отмечено, что он был репрессирован в 1937 г. и реабилитирован посмертно [27].

Из последних работ, касающихся жизни и научно-исследовательской деятельности В. П. Косованова, необходимо указать на статьи сотрудника архива г. Минусинска Красноярского края В. В. Нагорных. В публикациях объектом исследования являлась семья Косовановых. Кроме того, они написаны на основе

материалов архива г. Минусинска и Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартынова. Этими факторами объясняется скудность информации о профессоре В. П. Косованове. Однако именно через статью В. В. Нагорных были впервые введены в научный оборот сведения из метрических записей о рождении Вячеслава по Лугавской церкви и документы об окончании детьми Косовановых (кроме Павла) Таштыпского и Абаканского приходских училищ [28].

К третьей группе, поскольку разноплановая научно-исследовательская деятельность В. П. Косованова была неразрывно связана с КОРГО, учитывая, что в условиях отсутствия в первой четверти XX в. в Приенисейском крае высших учебных заведений основной объем научных исследований выполнялся отделом, относим работы, в которых дается оценка его деятельности как члена и руководителя местного географического общества.

Советским сибиреведением многое сделано в изучении истории Сибири. Плодотворные результаты этой работы обобщены в коллективной фундаментальной «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней», отмеченной Государственной премией СССР 1973 г. Однако в данном труде, авторский коллектив которого ставил одной из своих целей воссоздание общей картины организации науки в Сибири, включая краеведческие организации — отделы РГО и др., имя В. П. Косованова игнорируется [29].

В 1960 — 1970 гг. появляется серия работ, посвященных истории науки в Сибири, актуализировавших опыт исследовательской деятельности краеведческих организаций 1920-х гг., таких как ОИС и местные отделения РГО [30].

Большой заслугой председателя ССОРГО В. П. Косованова сибирские исследователи В. В. Гущина и Е. Ф. Курочкина считают то, что отдел первым установил тесную связь с плановыми организациями и изменил направление деятельности в сторону выполнения практических первоочередных исследований с точки зрения хозяйства края [30. 2. С. 107].

Аналогичной точки зрения придерживается новосибирский историк В. А. Соскин: под руководством В. П. Косованова отдел «энергичнейшим образом начал поворот к практике» [30.3. С. 148].

Красноярский историк Н. С. Матвеева отметила, что географическое общество во главе с его председателем профессором геологии и минералогии В. П. Косовановым, организатором геологических походов неутомимо работало над изучением природных богатств края в начале 1930-х гг., а также воспитательное значение геопроходов и тот факт, что он был председателем г. Красноярска в Совете по изучению производительных сил Сибири (СОПС) при Академии наук СССР [31]. Последнее не сообщалось ни одним из авторов, писавших или упоминавших о В. П. Косованове.

Обобщая опыт работы краеведческих организаций в 1920-е гг., красноярский историк Л. Э. Мезит отмечает, что В. П. Косованов участвовал в издании серии брошюр под общим названием «Библиотека Приенисейского краеведа», и относит его к «лучшим научным силам края», поставив в один ряд с А. Я. Тугариновым, И. С. Федоровым, Н. К. Ауэрбахом [32]. Кроме того, Л. Э. Мезит считает, что В. П. Косованов стоял у истоков краеведческого движения в Енисейской губернии в начале 1920-х гг. [33].

Красноярский исследователь Н. С. Чистяков называет В. П. Косованова одним из признанных лидеров и организаторов научных исследователей перво-

го тридцатилетия XX в. в крае. Массовые геологические походы по поиску полезных ископаемых, организованные по инициативе В. П. Косованова в середине 1930-х гг. в связи с образованием Красноярского края и перспективами его промышленного освоения, автор статьи ставит в один ряд с важнейшими научными исследованиями в истории края [34].

Председатель Красноярского отдела РГО РАН кандидат географических наук Ю. Ф. Лысенко считает, что в советские годы наряду с А. Я. Тугариновым, А. Л. Яворским, А. П. Ермолаевым, Т. Н. Крутовской, В. Г. Пальминым и другими членами Красноярского отдела РГО В. П. Косованов внес значительный вклад в развитие отдела и его работу [35].

Мнение краеведа И. Т. Лалетина в отношении В. П. Косованова сводится к утверждению, что 20-е и первая половина 30-х гг. XX в., когда КОРГО руководил профессор В. П. Косованов, были более результативными: интенсивно велись геологические исследования и другие изыскания, направленные на развитие народного хозяйства края [36].

Работа красноярских исследователей А. С. Вдовина, Н. П. Гулевой, Н. П. Макарова и др. стала первой обстоятельной работой о Русском географическом обществе в г. Красноярске (1901–1937 гг.). Она содержит информацию об изменениях в структуре общества за период его существования и хронику деятельности РГО в событиях и документах, составленную на основании архивных материалов Государственного архива Красноярского края и Красноярского краеведческого музея и краеведческих заметок газеты «Красноярский рабочий», в которой зафиксирована, однако, очень фрагментарно исследовательская деятельность члена географического общества В. П. Косованова [37].

Отдельно необходимо указать на работы общего характера 1960–1990 гг., в которых В. П. Косованов значится в числе редакторов и авторов статей Сибирской советской энциклопедии [38].

Проанализировав работы, касающиеся исследуемого вопроса, во-первых, можем констатировать следующее:

1) появление работ о В. П. Косованове было связано в основном с разного рода юбилейными датами (25-летие научной, литературной и 35-летие трудовой деятельности В. П. Косованова; 350–375-летия г. Красноярска; 50-летие, 70-летие Красноярского края);

2) работы выходили в виде небольших газетных и журнальных заметок и статей в юбилейных сборниках, энциклопедиях, справочниках, словарях;

3) авторами работ до конца 1990-х гг. являлись, прежде всего, публицисты, лично знавшие В. П. Косованова (Г. И. Кублицкий, Е. Владимиров, К. Ф. Попов), либо библиографы (М. К. Азадовский, Н. В. Здобнов, В. А. Николаев и др.), а не историки, за исключением И. А. Прядко и О. Ф. Гордеева.

Во-вторых, подводя итог обзору литературы о научно-исследовательской деятельности В. П. Косованова, можем утверждать, не умаляя заслуг означенных авторов, что по данному вопросу отсутствует обобщающая комплексная работа.

Теоретический и фактический материал, выводы и обобщения, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при изучении проблем истории Красноярского края, при подготовке сводных и обобщающих работ по истории края новейшего времени, при чтении курса истории Красноярского края и при разработке спецкурсов.

Примечания

1. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела русского географического общества (КП ВСОРГО) был образован в 1901 г. В последующем местный отдел РГО неоднократно реорганизовывался и менял название (с 1921 г. — Красноярский отдел русского географического общества (КОРГО), с 1929 г. — Средне-Сибирское государственное географическое общество (ССГГО), с 1934 г. — Общество изучения Красноярского края (ОИКК) и др.), однако его структура и направления деятельности оставались прежними.

2. Тугаринов Александр Яковлевич (1880–1948 гг.), профессор (с 1939 г.), доктор биологических наук, орнитолог, географ. Директор музея Приенисейского края (1905–1926 гг.), правитель дел и председатель КП ВСОРГО (1907–1926 гг.).

Библиографический список

1. Азадовский, М.К. Новая веха сибирской библиографии / М.К. Азадовский // Сибирские огни. — 1925. — № 2. — С. 271–272; Здобнов, Н.В. [Рец. на: Библиография Приенисейского края... Т. 2] / Н.В. Здобнов // Библиографические известия. — 1923. — № 1–4. — С. 49–50; Михайлов, Г.И. [Рец. на: Библиография Приенисейского края... Т. 2] / Г.И. Михайлов // Северная Азия. — 1925. — Кн. 1–2. — С. 150 и др.
2. Мезьер, А.В. Словарный указатель по книговедению / А.В. Мезьер. — М., Л., 1931. — Ч. 1. — Стб. 112; Николаев, В.А. Библиографы Сибири и Дальнего Востока: библиографический словарь / В.А. Николаев. — Новосибирск, 1973. — С. 68–70; Гульчинский, В.И. Деятели отечественной библиографии (1917–1927): справочник / В.И. Гульчинский, В.А. Фокеев. — М., 1994. — Ч. 1. — С. 157.
3. Бученков, А.Н. «Сибирская библиография» В.И. Межова как фундамент библиографии Сибири / А.Н. Бученков // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Опыт работы: сб. статей. — Новосибирск, 1970. — С. 147–156.
4. Малолеткова, И.С. Краеведческая справочно-библиографическая работа Красноярской краевой библиотеки / И.С. Малолеткова // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. Вып. 1 (7). — Новосибирск, 1971. — С. 161.
5. Макарова, В.А. Развитие краеведческой библиографии в Красноярском крае / В.А. Макарова // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. Вып. 16. — Новосибирск, 1973. — С. 36–37.
6. Бученков, А.Н. Народный профессор / А.Н. Бученков // Библиография. — 1998. — № 5. — С. 126.
7. Лебедева, А.Н. Библиография краеведческой библиографии в первое советское десятилетие (1917–1928 гг.) / А.Н. Лебедева // Вопросы краеведческой библиографии: сб. науч. тр. Вып. 24. — Новосибирск, 1975. — С. 81.
8. ГАКК, ф. р. 217, оп. 1, д. 72, л. 5 об., 11 об.
9. Шиндина, А.Б. Библиографическое бюро Приенисейского края / А.Б. Шиндина // Енисейский энциклопедический словарь; гл. ред. Н.И. Дроздов. — Красноярск, 1998. — С. 69.
10. Слабуха, А.В. «Библиография Приенисейского края» / А.В. Слабуха // Енисейский энциклопедический словарь; гл. ред. Н.И. Дроздов. — Красноярск, 1998. — С. 69–70.
11. Фефелова, Н.В. В.П. Косованов и его труд «Библиография Приенисейского края» / Н.В. Фефелова // Становление Красноярского края как экономического и общественно-политического центра Енисейской губернии: архивные чтения: тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. (Красноярск, 14 октября 1998 г.) — Красноярск, 1998. — С. 40–44.
12. Соболев, А.Н. Четверть века научной работы В.П. Косованова / А.Н. Соболев // Красноярский рабочий. — 1928. — 8 января. — С. 1.
13. Березовский, А.И. 25-летний юбилей краеведческой деятельности В.П. Косованова / А.И. Березовский // Сибирские огни. — 1928. — № 1. — С. 251–252; Краеведение. — 1928. — № 1. — С. 53–54.

14. Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. — 1931. — С. 960.
15. Блохин, С.В. Красноярский геологический поход имени Челюскинцев / С.В. Блохин // Советское краеведение. — 1935. — № 3 — 4. — С. 11 — 21.
16. Белоногов, Т. Красноярские геополы / Т. Белоногов // Советское краеведение. — 1936. — № 2. — С. 109 — 115.
17. Эль-Регистан. Необычайное путешествие / Эль-Регистан. — М., 1936. — С. 28 — 32.
18. Кублицкий, Г.И. Енисей, река сибирская / Г.И. Кублицкий. — М., 1956. — С. 98 — 100.
19. Кублицкий, Г.И. Сибирь сегодня / Г.И. Кублицкий. — Москва, 1959. — С. 17 — 20; Он же. Уходит река к океану / Г.И. Кублицкий. — Красноярск, 1976. — С. 422 и др.
20. Прядко, И.А. Красноярский профессор / И.А. Прядко // Красноярский рабочий. — 1967. — 31 августа. — С. 3; Гордеев, О.Ф. Профессор В.П. Косованов / О.Ф. Гордеев, И.А. Прядко // Енисей. — 1984. — № 6. — С. 36 — 41.
21. Владимирова, Е.И. Первый красноярский профессор / Е.И. Владимирова // Красноярск и красноярцы. — Красноярск, 1978. — С. 282 — 286.
22. Бендерский, Ю. Жизнь и дела профессора Косованова (50 лет Красноярскому краю) / Ю. Бендерский // Красноярский комсомолец. — 1984. — 9 августа. — С. 3.
23. Зыков, В.П. Дивногорск / В.П. Зыков. — Красноярск, 1987. — С. 223.
24. Попов, К.Ф. Профессор Красноярского края — В.П. Косованов / К.Ф. Попов. — Красноярск, 1995. — С. 4 — 19.
25. Рафилов, Р.Г. Культура в 1920 — 30-е годы / Р.Г. Рафилов // Красноярский край в истории Отечества: хрестоматия. — Красноярск, 1996. — С. 225, 227.
26. Шорохов, Л.П. Дом, в котором жил В.П. Косованов, геолог, библиограф / Л.П. Шорохов // Памятники истории и культуры Красноярского края; сост. Г.Ф. Быконя. Вып. 4. Кн. 1. — Красноярск, 1997. — С. 166-168.
27. Захаров, А.Е. Косованов Вячеслав Петрович / А.Е. Захаров и др. // Енисейский энциклопедический словарь; гл. ред. Н.И. Дроздов. — Красноярск, 1998. — С. 290.
28. Нагорных, В.В. Семья Косовановых (по материалам архива г. Минусинска и Минусинского музея им. Н.М. Мартынова) / В.В. Нагорных // Люди и судьбы, XX век: тез. докл. и общ. науч. конф. — Красноярск, 2003. — С. 64 — 68.
29. История Сибири. Т. 4. — Л., 1968. — С. 265 — 267.
30. Курочкина, Е.Ф. Из истории науки в Сибири (сибирское краеведение в 1920 — 1928 гг.) / Е.Ф. Курочкина, В.Л. Соскин // Известия СО АН СССР. Вып. 1. Серия общественных наук. — 1965. — № 1. — С. 65 — 71; Гущина, В.В. Роль сибирских географических обществ в становлении и развитии советской науки в 1920 — 1928 гг. / В.В. Гущина, Е.Ф. Курочкина // Вопросы истории советской Сибири: науч. тр.: историческая серия. Вып. V. — Новосибирск, 1972. — С. 91-111; Соскин, В.Л. Сибирь, революция, наука / В.Л. Соскин. — Новосибирск, 1989. — 176 с. и др.
31. Матвеева, Н.С. Образование. Наука. Культура / Н.С. Матвеева // Красноярск. Очерки истории города. — Красноярск, 1988. — С. 234.
32. Мезит, Л.Э. Из опыта работы краеведческих организаций в 20-е годы / Л.Э. Мезит // Исторические этапы социально-экономического и культурного развития Красноярского края: материалы краеведческих чтений (I). — Красноярск, 1998. — С. 53 — 54.
33. Мезит, Л.Э. Енисейская губерния в 1920-е годы / Л.Э. Мезит // Красноярье: пять веков истории: учебное пособие по краеведению. Ч. 2. — Красноярск, 2006. — С. 44 — 45.
34. Чистяков, Н.С. История науки в крае / Н.С. Чистяков // Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н.И. Дроздов. — Красноярск, 1998. — С. 242.
35. Лысенко, Ю.Ф. Социально-экономическая география Красноярского края учебное пособие / Ю.Ф. Лысенко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск, 1998. — С. 368 и др.
36. Лалетин, И.Т. Географы Сибири (к 100-летию со дня образования Красноярского отделения географического общества) / И.Т. Лалетин // Красноярская газета. — 2001. — 9 февраля. — С. 4.
37. Вдовин, А.С. Русское географическое общество в Красноярске (1901 — 1937) / А.С. Вдовин и др. — Красноярск: РИО КГПУ, 2001. — С. 47 — 53.
38. Соскин, В.Л. Культурное строительство в Сибири в 1920 — 30-е годы / В.Л. Соскин // Историография Советской Сибири (1917 — 1945 гг.). — Новосибирск, 1968. — С. 149; Мамонтов, А.В. Краеведческая библиография: учебник / А.В. Мамонтов, Н.Н. Щерба. — М., 1978. — С. 36; Слабуха, А.В. Сибирская советская энциклопедия / А.В. Слабуха // Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н.И. Дроздов. — Красноярск, 1998. — С. 557.

БЕН Екатерина Николаевна, аспирант кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета, редактор организационно-научного и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России.

Статья поступила в редакцию 28.02.08 г.

© Е. Н. Бен

Книжная полка

История государственного управления в России [Текст]: учеб. для вузов по экон. специальностям / под ред. А. Н. Марковой, Ю. К. Федулова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 318, [1] с. — (Государственное и муниципальное управление). — Библиогр.: с. 313. — ISBN 978-5-238-01218-6.

Рассматривается государственное управление в России от IX в. до начала XXI в. Выделены основные этапы в эволюции аппарата управления Российского государства, рассмотрены становление и формирование центральных и местных органов государственного управления, судебной системы, важнейшие реформы по их переустройству и усовершенствованию в различные периоды русской истории.

Вводная глава содержит основные понятия о государстве, его типах, видах правления, что дает представление о многообразии мирового опыта гос. строительства. Расширен и доработан раздел по формированию новой системы государственного устройства в период созидания социализма и существования уникального в истории человечества государства — Советского Союза. Включены материалы по развитию государственности России в постсоветский период.

Для студентов вузов, работников государственных и муниципальных служб, а также для всех интересующихся проблемами государственного управления.